

SOI: 1.1/TAS

DOI: 10.15863/TAS

Scopus ASJC: 1000

ISSN 2308-4944 (print)

ISSN 2409-0085 (online)

№ 11 (103) 2021

Teoretičeskaâ i prikladnaâ nauka

Theoretical & Applied Science

Philadelphia, USA

**Teoretičkaâ i prikladnaâ
nauka**

**Theoretical & Applied
Science**

11 (103)

2021

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Founder: **International Academy of Theoretical & Applied Sciences**

Published since 2013 year. Issued Monthly.

International scientific journal «Theoretical & Applied Science», registered in France, and indexed more than 45 international scientific bases.

Editorial office: <http://T-Science.org> Phone: +777727-606-81

E-mail: T-Science@mail.ru

Editor-in Chief:

Alexandr Shevtsov

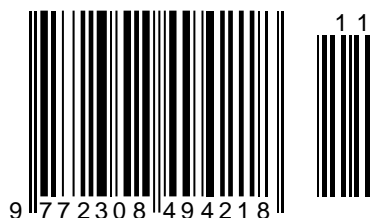
Hirsch index:

h Index RISC = 1 (78)

Editorial Board:

1	Prof.	Vladimir Kestelman	USA	h Index Scopus = 3 (38)
2	Prof.	Arne Jönsson	Sweden	h Index Scopus = 10 (33)
3	Prof.	Sagat Zhunisbekov	KZ	-
4	Assistant of Prof.	Boselin Prabhu	India	-
5	Lecturer	Denis Chemezov	Russia	h Index RISC = 2 (61)
6	Associate Prof.	Elnur Hasanov	Azerbaijan	h Index Scopus = 8 (11)
7	Associate Prof.	Christo Ananth	India	h Index Scopus = - (1)
8	Prof.	Shafa Aliyev	Azerbaijan	h Index Scopus = - (1)
9	Associate Prof.	Ramesh Kumar	India	h Index Scopus = - (2)
10	Associate Prof.	S. Sathish	India	h Index Scopus = 2 (13)
11	Researcher	Rohit Kumar Verma	India	-
12	Prof.	Kerem Shixaliyev	Azerbaijan	-
13	Associate Prof.	Ananeva Elena Pavlovna	Russia	h Index RISC = 1 (19)
14	Associate Prof.	Muhammad Hussein Noure Elahi	Iran	-
15	Assistant of Prof.	Tamar Shiukashvili	Georgia	-
16	Prof.	Said Abdullaevich Salekhov	Russia	-
17	Prof.	Vladimir Timofeevich Prokhorov	Russia	-
18	Researcher	Bobir Ortikmirzayevich Tursunov	Uzbekistan	-
19	Associate Prof.	Victor Aleksandrovich Melent'ev	Russia	-
20	Prof.	Manuchar Shishinashvili	Georgia	-

ISSN 2308-4944

© Collective of Authors

© «Theoretical & Applied Science»

International Scientific Journal

Theoretical & Applied Science

Editorial Board:

Hirsch index:

21	Prof.	Konstantin Kurpayanidi	Uzbekistan	h Index RISC = 8 (67)
22	Prof.	Shoumarov G'ayrat Bahramovich	Uzbekistan	-
23	Associate Prof.	Saidvali Yusupov	Uzbekistan	-
24	PhD	Tengiz Magradze	Georgia	-
25		Dilnoza Azlarova	Uzbekistan	-
26	Associate Prof.	Sanjar Goyipnazarov	Uzbekistan	-
27	Prof.	Shakhlo Ergasheva	Uzbekistan	-
28	Prof.	Nigora Safarova	Uzbekistan	-
29	Associate Prof.	Kurbonov Tohir Hamdamovich	Uzbekistan	-
30	Prof.	Pakhrutdinov Shukritdin Il'yasovich	Uzbekistan	-
31	PhD	Mamazhonov Akramzhon Turgunovich	Uzbekistan	-
32	PhD	Ravindra Bhardwaj	USA	h Index Scopus = 2 (5)
33	Assistant lecturer	Mehrinigor Akhmedova	Uzbekistan	-
34	Associate Prof.	Fayziyeva Makhbuba Rakhimjanovna	Uzbekistan	-
35	PhD	Jamshid Jalilov	Uzbekistan	-
36		Guzalbegim Rakhimova	Uzbekistan	-
37	Prof.	Gulchehra Gaffarova	Uzbekistan	-
38	Prof.	Manana Garibashvili	Georgia	-
39	D.Sc.	Alijon Karimovich Khusanov	Uzbekistan	-
40	PhD	Azizkhon Rakhmonov	Uzbekistan	-
41	Prof.	Sarvinoz Kadirova	Uzbekistan	-

International Scientific Journal
Theoretical & Applied Science

ISJ Theoretical & Applied Science, 11 (103), 1218.
Philadelphia, USA

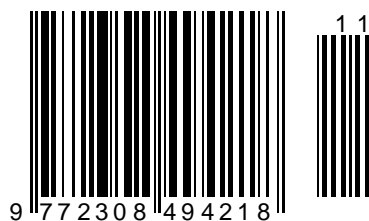
Impact Factor ICV = 6.630

Impact Factor ISI = 0.829
based on International Citation Report (ICR)

The percentage of rejected articles:

ISSN 2308-4944

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 30.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Jalil Malikevich Abdullayev
Navoiy State Pedagogical Institute
teacher,
Republic of Uzbekistan.

FORMATION OF CLASSICAL AND QUANTUM STATISTICAL REPRESENTATIONS IN TEACHING PHYSICS

Abstract: The article presents a method of in-depth teaching of physics by comparative analysis of classical and quantum statistical representations. From a methodological point of view, common properties and differences between Maxwell statistics and Bose-Einstein, Fermi-Dirac statistics are revealed.

Key words: Classical and quantum statistics, continuity, competence, correspondence principle, Maxwell statistics, fermions, bosons.

Language: Russian

Citation: Abdullayev, J. M. (2021). Formation of classical and quantum statistical representations in teaching physics. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 701-705.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-70> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.70>

Scopus ASCC: 3300.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ И КВАНТОВЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФИЗИКЕ

Аннотация: В статье приведена методика углубленного обучения физике сравнительным анализом классических и квантовых статистических представлений. С методической точки зрения выявлены общие свойства и отличия между статистикой Максвелла и статистиками Бозе-Эйнштейна, Ферми-Дирака.

Ключевые слова: Классическая и квантовая статистика, преемственность, компетентность, принцип соответствия, статистика Максвелла, фермионы, бозоны.

Введение

Развитие современной техники и технологий ставит неотложные задачи и к обучению физике при подготовке будущих специалистов различных отраслей производства и других сфер. Одной из этих задач является углубленное обучение физике при подготовке будущих преподавателей физики, что требует детального анализа каждой темы и связанных с ней физических явлений. При осуществлении указанной задачи важное значение имеет применение усовершенствованных методик обучения. Этим методикам можно отнести межпредметную связь, интеграция с производством, научное обоснование изучаемого явления, которые приводят к повышению компетентности будущих специалистов. Одним из способов повышения компетентности будущих специалистов является анализ преемственности

между теорией и экспериментом, между стадиями обучения в системе непрерывного образования, а также между старой и новой теориями [1, с.5; 2, с.160].

В данной работе анализируется преемственность формирования статистических понятий обучаемых в различных стадиях непрерывного образования с методологической точки зрения.

Основная часть.

Статистическая физика в настоящем виде достаточно сложна и поэтому труднодоступно для учащихся и студентов. Поэтому для изучения основ статистической физики необходимо формирование идей статистической физики на ранних этапах обучения [3, с.3]. Первоначальные понятия статистической физики формируются при

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

лабораторных занятиях по механике, где имеем дело с измерениями определенных величин и проводим многочисленные опыты, чтобы оценить погрешностей измерений. При этом учащиеся сталкиваются понятиями абсолютной и относительной погрешности, средняя величина, вероятность. Именно в данном этапе учащиеся осознают, что средняя величина является величиной наибольшей вероятности и что часто за истинное значение принимается среднее значение измеряемой величины, и что с увеличением числа измерений можно уменьшить погрешностей измерения.

Дальнейшее развитие формирования статистических идей связано с изучением молекулярной физики и термодинамики т.к. в этом разделе имеем дело с множеством атомов и молекул, все изучаемые явления подчиняются статистическим законам. Физические параметры, характеризующие данных явлений, зачастую имеют статистический характер и являются интегральной характеристикой. Формирование статистических идей и понятий при изучении различных разделов физики и их отличающиеся черты указаны в таблице 1 [4, с.92; 5, с.378].

Таблица 1. Формирование статистических идей при изучении различных разделов физики.

Курс общей физики				
Механика	Молекулярная физика	Электромагнетизм	Оптика	Атомная и ядерная физика
Оценка результатов физических измерений, введение понятия средней величины	Введение понятия средней скорости. Статистическая интерпретация основных термодинамических параметров	Хаотическое движение заряженных частиц. Принцип суперпозиции электромагнитных полей	Корпускулярно волновой дуализм света. Интерференция и дифракция света	Движение электронов и нуклонов. Радио-активность

Необходимо констатировать роль изучения законов теории вероятностей при формировании статистических идей при изучении физики. Именно теория вероятностей служит как математическая основа изучения закономерностей физических процессов. Основной задачей теории вероятностей являются определение функции распределения изучаемого процесса, которым могут быть распределение по энергиям, по скоростям, и т.д.

При обучении физике на различных стадиях необходимо указать разницу между классической и квантовой статистиками. Отличие представлений и моделей классической и квантовой статистик заключается в следующем:

Во-первых, в классической статистике Максвелла свойства частиц однородного вещества (молекулы, атомы, электроны и др.) отличаются друг от друга, т.е. сохраняется индивидуальность частиц, а в квантовой статистике Бозе-Эйнштейн и Ферми-Дирака имеет место принцип тождественности, т.е. свойства этих частиц не отличаются.

Во-вторых, в классической статистике энергия системы взаимосвязанных частиц принимает непрерывные значения, а в квантовой статистике- дискретные.

В третьих, в классической статистике шестимерного фазового пространства (обобщенные координаты и скорости) можно разделить на элементарные объемы произвольной величины. В квантовой статистике фазовое пространство является объемом, соответствующим объему элементарной частицы. Объем элементарной частицы определяется согласно соотношению неопределенностей Гейзенберга.

В четвертых, согласно классической статистике в определенном состоянии могут находиться любое количество частиц. В квантовой статистике поведение частиц с целыми и полуцелыми спинами отличаются и соответственно подчиняются статистикам Бозе-Эйнштейна и Ферми-Дирака. Для фермионов имеет место принцип Паули, согласно которому в одном энергетическом состоянии не может находиться более двух частиц с противоположными спинами. Для бозонов не имеет место принцип Паули и поэтому на данном энергетическом состоянии могут находиться любое количество бозонов[6, с.101; 7, с.27].

Сходство и общие свойства, а также различия между классической и статистической физики можно указать в диаграмме Венна (рис. 1).

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Рис.1. Сравнительная диаграмма Венна классической и квантовой статистик.

Как видно из диаграммы, между классической и квантовой теориями имеет место также принцип соответствия, что означает совпадение результатов, полученных по указанным теориям в граничных состояниях.

Квантовая статистика в свою очередь делится на статистику Бозе-Эйнштейна и Ферми-Дирака, которые описывают поведение элементарных частиц с целыми и полуцелыми спинами соответственно. Классическое и квантовое распределения можно выразить в общем виде выражением:

$$n_i = \frac{1}{e^{\frac{W_i - \mu}{kT} + \delta}}$$

где, W_i – энергия системы; μ – химический потенциал; k – постоянная Больцмана; T – температура системы; $\delta = \pm 1$ – в зависимости от рода статистики.

Из этой обобщенной формулы статистического распределения изменением величин μ и δ можно получить функции конкретного распределения, которые указаны в таблице 2.

Таблица 2. Сопоставление выражений классической и квантовой функция распределения.

Функция в общем виде	Статистика Максвелла-Больцмана ($\mu = 0, \delta = 0$)	Статистика Бозе-Эйнштейна ($\mu < 0, \delta = -1$)	Статистика Ферми-Дирака ($\mu > 0, \delta = +1$)
$n_i = \frac{1}{e^{\frac{W_i - \mu}{kT} + \delta}}$	$n_i = \frac{1}{e^{\frac{W_i}{kT}}}$	$n_i = \frac{1}{e^{\frac{W_i - \mu}{kT} - 1}}$	$n_i = \frac{1}{e^{\frac{W_i - \mu}{kT} + 1}}$

Сопоставление поведения вышеуказанных функций распределения по энергиям для

фиксированной температуры приведено на графике рис.2.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

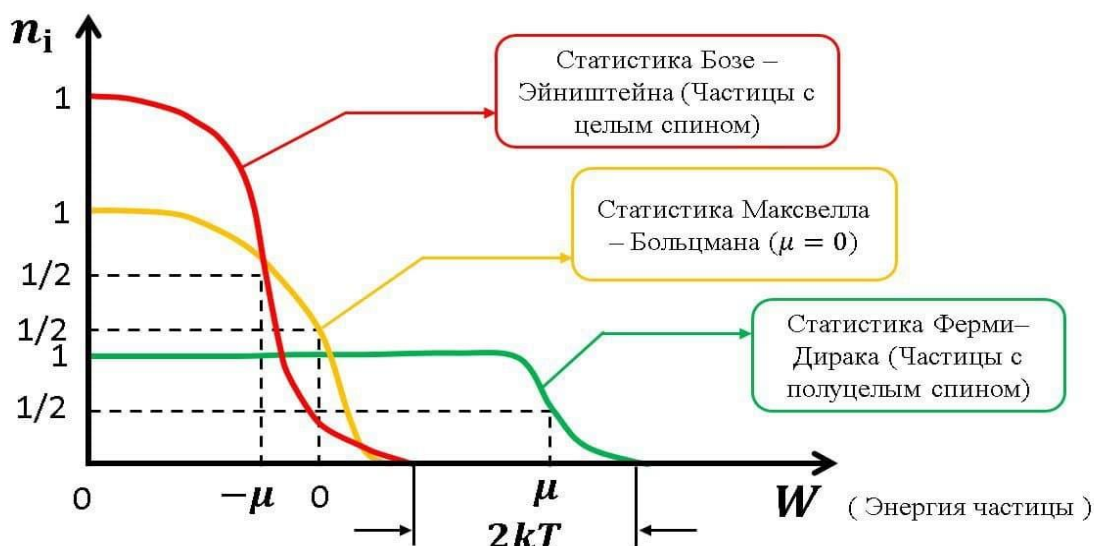

Рис.2.Обобщенный график классической и квантовой распределений.

Из выражения химического потенциала $\mu = \theta \ln \frac{n\hbar}{(2\pi m\theta)^{3/2}}$ видно, что при достаточно высоких температурах $\frac{n\hbar}{(2\pi m\theta)^{3/2}} \ll 1$ и распределения Бозе-Эйнштейна и Ферми-Дирака переходят в статистику Максвелла-Больцмана.

Данный переход называется принципом соответствия Бора и является проявлением преемственности, методологического принципа развития научных знаний.

При низких температурах классическое и квантовое распределения резко отличаются. Как видно из рис.2. все кривые распределения экспоненциально сходятся к оси абсциссы. В начале координаты (при низких энергиях) распределение Ферми-Дирака имеет постоянное плато вплоть до энергий химического потенциала, а кривая распределения Бозе-Эйнштейна поднимается выше кривой распределения Максвелла-Больцмана. В статистике Бозе-Эйнштейна функция быстро убывает, и максимальная энергия частиц отличается от статистики Ферми-Дирака на $\Delta W = 2kT$ [8, с.116; 11, с.124]. При абсолютно нулевой температуре кривые распределения сильно деформируются: кривая распределения Бозе-Эйнштейна полностью притягивается к оси ординаты; кривая Ферми-Дирака принимает четырехугольную форму с координатами (1; μ) что означает нахождение частиц на наинизших состояниях при нулевой температуре с учетом принципа Паули.

Заключение

Таким образом формирование статистических представлений осуществляется на основе принципа преемственности еще в средней школе и академических лицеях при изучении различных разделов курса физики: в механике - при обработке экспериментальных результатов лабораторных занятий, при оценке погрешностей измерений; в молекулярной физике- при изучении распределения молекул по скоростям (опыты Штерна, распределение Максвелла); в курсе электромагнетизма - при изучении процесса протекания тока в металлах, распределения электрических зарядов; в атомной и ядерной физике - при изучении явления радиоактивности, принципе неопределенностей и т.д.

Определение место и преемственности статистических представлений в курсах физики средней школы, академических лицеев и в высшем образовании способствует повышению компетентности будущих специалистов - педагогов [9, с.31; 10, с.68].

Сравнительный анализ закономерностей классической и квантовой статистик служит основой для формирования знаний по фундаментальным законам природы углубленным изучением статистических распределений при подготовке будущих преподавателей физики в педагогических вузах.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Jo'rayev, M. (1996). *Fizika o'qitishda statistik g'oyalari*. (p.102). Toshkent: O'qituvchi.
2. Djoraev, M. (2013). *Fizika o'qitish metodikasi*. (p.255). Toshkent.
3. Djoraev, M. (2003). *Formirovanie veroyatnostno-statisticheskix idey i ponyatiy pri podgotovke uchitelya fiziki*. (p.126). Osh.
4. (2017). *Pedagogika ilmiy –nazariy va metodik jurnal*. (5/2017). (p.130). Toshkent: nizomiy nomidagi TDPI "Tahrir va nashr".
5. Djoraev, M. (1992). *Veroyatnostno-statisticheskije idey v prepodavanii fiziki*. (p.122). Tashkent.; Fan akademii nauk Respubliki Uzbekistan.
6. Vasilev, A.M. (1980). *Vvedenie v statisticheskuyu fiziku*. (p.269). Moskva: Visshaya shkola.
7. Trofimova, T.I. (1990). *Kurs fiziki*. (p.478). Moskva: Visshaya shkola.
8. Bazarov, I.P. (1991). *Tyermodinamika*. (p.376). Moskva: Visshaya shkola.
9. Boydedaev, A., & Habibullayev, P. (2007). *Kvant statistic fizika*. (p.200). Toshkent: Iqtisodmoliya.
10. Musaev, P.X. (2008). *Statistik fizika va termodinamika*. (p.254). Toshkent: Iqtisodmoliya.
11. Bekpulatov, U.R., & Islamova, M.B. (2019). Integratsionniy obuchenie v prepodavanii fiziki (na primere termodinamika slojnix sistem). *Matriksa nauchnogo poznaniya. "Omega sayns"*, №11, 120-126.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.1177/1077109721101103) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 18.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Mukhtorali Turdaliyevich Zokirov
Ferghana State University
candidate of philological sciences, docent
Fergana, Uzbekistan

TO TYPOLOGY OF LANGUAGE SITUATIONS

Abstract: This article discusses the emergence of the disciplines of linguopsychology and psycholinguistics as a result of the interaction of linguistics and psychology, their objects of study, their essence. Different aspects of psycholinguistics and lingvopsychology from psychology and linguistics are shown.

Key words: psychology, linguistics, psycholinguistics, lingvopsychology, speech act, verbal communication, nonverbal communication, metaphor, synegdoxa, semantics.

Language: English

Citation: Zokirov, M. T. (2021). To typology of language situations. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 706-710.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-71> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.71>

Scopus ASCC: 1200.

Introduction

Description of linguistic situations and their typology are one of the urgent tasks of sociolinguistics. The solution to this problem is of great practical importance, allowing to reveal the foundations and nature of the state's language policy, to assess the prospects of a particular course in relation to the language, to predict the tendencies of the country's linguistic life.

The main

To create a typology of linguistic situations, it is of paramount importance to highlight the appropriate parameters. From the general definition given to the concept of a linguistic situation, it follows that the most essential features of its components are their functional load and social status. These features have already been taken into account in the classification of linguistic systems and subsystems and in the isolation of their functional types. For example, the concepts of this classification “language-macro-mediator” or “local language”, in addition to indicating the correlation with the spheres of communication, denote, respectively, an officially accepted and unaccepted means of linguistic communication for national communication. Since linguistic situations can be collections of languages or their subsystems, and their components are functionally equivalent, or are in hierarchical relationships, there are two criteria

for the classification of linguistic situations. First of all, linguistic situations fall into two groups: a) exoglossal - a set of languages and b) endoglossic - a set of subsystems of one language, Exoglossal and endoglossal situations, in turn, can be divided into two subgroups: 1) balanced linguistic situations, if their constituent languages or linguistic subsystems are functionally equivalent; 2) unbalanced linguistic situations, if their components are distributed over the spheres of communication and social groups. Thus, the following types of linguistic situations are theoretically possible: 1) exoglossal balanced; 2) exoglossal unbalanced; 3) endoglossic balanced; 4) endoglossic unbalanced.

Exoglossic balanced language situations

The most striking example of an exoglossic balanced linguistic situation, apparently, is the linguistic situation in Switzerland, where the volume of private communicative functions of the German, French and Italian languages is practically the same. An exception is the Retoromansh language, which, regardless of its position as a legally equal language, can in no way be put on a par with the named three languages. Serving only a few tens of thousands of people, it is not widespread and does not enjoy the same prestige as these languages. A linguistic situation of this type also developed in Belgium. It is characterized by the functioning of two main languages - French and Flemish, each of which is

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

officially recognized and legally equal (both languages are used in government and in the army, laws are issued in them). But in connection with the concrete historical development of this country, the ethnic community of the French-speaking Walloons for a long time dominated in economic and socio-political relations. Therefore, despite the fact that it is a minority in comparison with the Flemings (42% of Walloons and 53% of Flemings, the remaining 5% are Germans and other national minorities), French has actually become the dominant official language. Its leading role is evidenced by the fact that bilingualism in Belgium is developing mainly due to the assimilation of the French language by the Flemings, 1/3 of whom know and use this language. A linguistic situation of this type also developed in Belgium. It is characterized by the functioning of two main languages - French and Flemish, each of which is officially recognized and legally equal (both languages are used in government and in the army, laws are issued in them). But in connection with the concrete historical development of this country, the ethnic community of the French-speaking Walloons for a long time dominated in economic and socio-political relations. Therefore, despite the fact that it is a minority in comparison with the Flemings (42% of Walloons and 53% of Flemings, the remaining 5% are Germans and other national minorities), French has actually become the dominant official language. Its leading role is evidenced by the fact that bilingualism in Belgium is developing mainly due to the assimilation of the French language by the Flemings, 1/3 of whom know and use this language.

Exoglossic unbalanced language situations

Exoglossic unbalanced linguistic situations represent the most widespread case. Dominating quantitatively, they at the same time include a set of languages of different functional types, as well as a different number of them. Therefore, this type of linguistic situation contains several varieties, common to which is the functional disparity of their components. The basis for the selection of varieties is the number of languages that occupy a certain place in the functional classification. According to the number of languages serving communication in a particular country, two-component, three-component¹ and four-component language situations differ. Two-component language situations. Their constituent components are: 1) languages that serve everyday speech, that is, according to the functional classification we have adopted, they are local; 2) a macro-mediator language. An example of such a local language would be Welsh in England, Breton in France, which is used by peasants and sailors in the Brittany Peninsula, and there are essentially four territorial dialects, none of which are literary dialects. The lack of a literary language is made up for here by the use of French at school, in the conduct of administrative affairs, in the field of culture and

science. As a consequence of this distribution of languages, communication within the Breton ethnolinguistic community has a two-stage nature: in intra-ethnic communication, the local language can function, outside the community the speaker is forced to resort to a macro-mediator. The linguistic situation in many countries, provided that they do not have a language that acts as a special means of regional communication (like Wolof in Senegal, Bambara in Mali, Cebuan, Ilocan and other languages in the Philippines), represents the same variety. The two-component nature is also characteristic of the linguistic situation that has developed in Paraguay, where Guarani is the spoken language for 95% of the population, and Spanish, which 52% speaks, is a means of official and written communication. The two-component variety can exist in some area of the country, the linguistic situation in which is generally more complex. Such a linguistic situation has developed in the new state of India - Nagaland, where English is adopted as the official regional language, and the Naga language is still predominantly spoken. In other words, the two-component nature of the linguistic situation is due to the coincidence of the regional language with the all-Indian macro-mediator. Three-component language situation. This kind of linguistic situation is made up of languages of three functional types used in this state: 1) local languages (languages of tribes living on the islands of Luzon and Mindanao in the Philippines, languages of Luba and Mongo in Zaire); 2) regional languages functioning in the zone of distribution of these languages (Ilokan and Lingala, respectively); 3) Tagalog is used in the Philippines as a macro-mediator in contacts with communities living outside the region, and French is used in Congo. This type of linguistic situation also characterizes Mali, Senegal, Nigeria, Indonesia, that is, those countries where processes of ethnic consolidation are taking place, during which the languages of large communities spread over large territories, displacing the languages of assimilating small peoples. Strictly speaking, this kind of linguistic situation should be classified as three-term with a tendency to become two-term. The same kind, but unstable for other reasons, the linguistic situation now exists in Tanzania. In this country, the sphere of functioning of the English language, which in the colonial period was the first, if not the only official language for the territory now occupied by this independent state, is gradually decreasing. It is being ousted from some spheres by the rapidly developing and spreading Swahili. This local language, which has long been used as the lingua franca (common language), was proclaimed the national language of Tanzania in the post-liberation period and will eventually replace English in many areas of communication. Thus, in the previously listed countries, on the one hand, and in Tanzania, on the other, there are processes that, under favorable

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	PIHII (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

conditions, can lead to the fact that one of the components drops out of the language situation: local languages in a number of countries, a borrowed macro-intermediary in Tanzania, and the national languages and the macro-mediator, the local languages and the new macro-mediator, respectively, will remain. Four-component language situation. This kind of linguistic situation is a combination of: 1) local languages; 2) regional languages; 3) a macro-intermediary; 4) religious or professional languages, or both at the same time. Such is, apparently, the linguistic situation in Ethiopia, where the local languages are represented by the written tiger and the unwritten tiger, Galla, languages of the Sidama group; the role of the regional language, at least in Eritrea, is played by Italian; the Amharic language is the macro-mediator; the now-dead Geez acts as a religious language, and the widely used English language is essentially a means of communication for the intelligentsia, which is mastered by people from the propertied classes, who are preparing to work in the state apparatus, in the field of science and technology, and foreign trade; see details. One way or another, English in Ethiopia has other functions that do not coincide with those that he and other Western languages perform in developing countries that arose on the territory of former colonies and semi-colonies. There, one of the Western languages is used primarily as a means of interethnic communication. Here, the English language plays a different role: it is a tool, mainly of class-professional communication. The linguistic situation in India also belongs to the four-component variety, where the macro-mediator is English, each state has an official Indian language (the state of Nagaland, where the official language is not the Naga language, but English, is an exception), that is, it performs the function of a regional language ... In addition to them, the states have languages that do not enjoy official status, that is, local languages. And, finally, Sanskrit is used as the language of a narrow stratum of higher castes that have received a traditional education.

Endoglossic balanced language situations

The main feature of endoglossic balanced linguistic situations is the presence of several subsystems of the national language, which are completely equivalent in functional terms, or, in other words, serve all spheres of communication in a number of linguistic communities living within one territorial-political union. In our time, a linguistic situation of this type hardly exists in any country at all, since the formation of a state, even in a territory inhabited by related ethnolinguistic communities, is inevitably accompanied by the advancement of one of the forms of speech to the role of a means of national communication. Nevertheless, apparently, the linguistic situation in Somalia is more or less approaching this type, where the national language is still represented by a set of territorial dialects, and the

general form of the national Somali language has not yet taken shape. But even in this country, the lack of a common language is compensated for by Western European languages, which are temporarily used as official languages. More explicit cases of endoglossic balanced linguistic situations can only be found in the past. Such situations developed in a single-ethnic country during the formation of a centralized state, when feudal lands, isolated in economic and political relations, were just beginning to unite, and their forms of speech were functionally equivalent, not yet constituting a hierarchy of subsystems within the language of the nationality. The most striking example in this regard is Germany of the pre-national period, in which its own common German means of communication had not yet developed, and all communication in the "lands" was provided by local forms of speech.

Endoglossic unbalanced language situations

Endoglossic unbalanced linguistic situations are found in the absolute majority of relatively few, in comparison with multinational, mono-national countries, in which a single national language is used in all spheres of communication. However, the degree of differentiation of the national language and its nature, that is, the number and functional load of separating subsystems, differ from country to country, being determined by the degree of national consolidation, the stratification of society and the level of economic and cultural development. Therefore, as in the case of exoglossic unbalanced linguistic situations, this type actually combines several varieties. The principle for isolating varieties, as well as for identifying different types of exoglossic linguistic situations, is the number, but not languages, but linguistic subsystems and their belonging to a certain functional type. However, with the modern study of the issue, it seems impossible to build even a preliminary classification of the type proposed above, since it is many times more difficult to distinguish between the subsystems of one language than languages, the differences between which in most cases are self-evident. For these reasons, we limit ourselves to only identifying three varieties in this type of linguistic situations and believe that a more detailed, and most importantly, more accurate classification of varieties will be possible to create only after a detailed description of linguistic situations in each single-ethnic country. Also, in connection with the above circumstances, when identifying varieties, we will take into account only sublanguages, since the isolation of functional styles and the establishment of their number in each national language is impossible without preliminary specific research. Taking into account the above remarks, we can talk about the following types of the language situation: 1) one-component; 2) two-component and 3) three-component.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

One-component language situation. This variety is represented by the linguistic situation in Iceland. The Icelandic language, which became written in the 13th century, does not know dialectal division. In essence, this is the only language that does not fall into sublanguages. The differences between his written and spoken norms are no more than in other national languages there are differences between functional styles within a single literary form. It is in this sense that the language situation in Iceland is one-component.

Two-component language situations. This type of linguistic situation occurs most often. It is composed of sublanguages of two functional types: territorial dialects and literary language. Such a linguistic situation has developed in Denmark, where, along with the literary language based on the Zealand dialects, there are three groups of dialects serving oral communication (Jutland, Island-Zeeland, Fyn, etc., East Danish - Bronholm, etc.). A two-component linguistic situation also exists in the DPRK. It includes as components the sublanguages of the national language, namely the northeastern, northwestern and central and literary languages.

Three-component language situations. The components of such a linguistic situation are: 1) territorial dialects; 2) literary, mainly written, language; 3) regional or regional form of the literary language. A striking example of such a linguistic situation is the situation that has developed in Italy. In this country, dialects serving mainly oral communication (a number of dialects: Venetian, Neapolitan, Milanese, Sicilian have written and literary variants) are represented by three groups: northern, central-southern and Tuscan. The common

Italian literary language was formed in the XIV century. based on the Florentine dialect. However, outside Tuscany, it was used only in writing, since in Italy until 1871 there was no single administrative and cultural center. Since the beginning of the 20th century, through radio and television, the oral form of the Italian literary language has penetrated the periphery and crowded out dialects from many spheres of communication. At the same time, the Italian literary language under the influence of local dialects undergoes changes, as a result of which the so-called italiano regionale - its regional forms.

Conclusion

In fact, behind each linguistic situation there are linguistic and speech communities, and, therefore, it (the linguistic situation) reflects the social interaction of certain groups of people. In other words, the functional distribution of linguistic formations is also "a consequence of the distribution of people by areas of social activity in accordance with their social role. Both endoglossic and exoglossic linguistic situations are subject to certain changes, which are caused in them by the movement of one or another linguistic education along the levels of the functional hierarchy. The linguistic situation changes due to changes in the socio-economic and political positions held by linguistic or ethnolinguistic communities, as well as under the influence of measures taken by the state with the aim of functional redistribution of languages and forms of their existence. components depend both on objective socio-economic processes and on a subjective factor - the language policy pursued in the state.

References:

1. Belikov, V. I. (2010). *Metodicheskie novosti v sotsialnoy leksikografii XXI veka*. Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic Approaches to Non-Standard Russian / ed by A. Mus-tajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. – Helsinki. Retrieved from <http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh40/pdf/03-sh40.pdf>
2. Vaxtin, N. B., & Golovko E. V. (2004). *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: uchebnoe posobie*. - SPb..
3. Vinogradov, V. A., Koval, A. I., & Pormoxovskiy, V. Ya. (1984). *Sociolinguistic typology. Zapadnaya Afrika*. - Moscow.
4. (1986). *Zarubejnyy Vostok. Yazykovaya situation and yazykovaya politika*. - Moscow.
5. Mechkovskaya, N. B. (1996). *Sotsialnaya lingvistika*. - Moscow.
6. (1997). *Sociolinguistics*. ed. by N. Coupland, A. Jaworski. - London.
7. Dusmatov, Kh. (2017). About the Art of Askiya. ANGLISTICUM. *Journal of the Association-Institute for English Language and American Studies*, 5-tom, 12-son, pp. 32-38.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

8. Dusmatov, H. (2021). Linguistic phenomena associated with word games. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (97), 108-111.
9. Dusmatov, H. (2021). Uzbek national word games. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (98), 538-542.
10. Dusmatov, X. (2021). *Askiya - so'z o'yinlari san'ati*. Monografiya. (p.144). Farg'ona: Classic.
11. Zokirov, M. T. (2021). About the interrelationships of linguistics and psychology. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 04 (96), 422-425.
12. Zokirov, M.T., & Zokirova, S.M. (n.d.). On Researching Phonetic Level of The Languages. *GIS Business*, 15 (6), 148-154.
13. Zokirov, M. T. (2021). Mastery of using taboos and euphemisms by Abdullah Qadiri. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 05 (97), 112-115.
14. Zokirov, M.T. (n.d.). *Lingvistik interferensiya va unung o'zbek-tojik tillari kontaktika aloqasi*. (pp.88-92). FarDU: ILMIY XABARLAR.
15. Zokirov, M., & Isomiddinov, F. (2020). *About the holes of language language dictionary*. Konferensii.
16. Mamajonov, M. Y. (2021). On the communicative and functional properties of anthroponyms in dialogical discourse. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (98), 534-537.
17. Mamajonov, M. Y. (2021). Anthroponyms in folklore and their ethnocultural features. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 06 (98), 553-555.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 18.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Dildora Xaydarova
Ferghana State University
Department of Foreign Languages
Teacher
Fergana, Uzbekistan

LINGUA CULTUROLOGY IS AN OBJECT OF LANGUAGE AND CULTURE

Abstract: *The field of linguistic culture is the expression of cultural concepts, including cultural models, cultural categories, and cultural metaphors, through the specific characteristics of different languages. This article deals with linguistic culturology and the integrated theoretical study of objects as a practical system of cultural values reflected in it, a comparative analysis of the areas of linguistic culture of different languages based on the theory of linguistic relativity. The role of linguistics in the structural complexity of the humanities is discussed. Lingua culturology analyzes the views of the world as a radically new object of study of the national image, language consciousness, national-mental features. This is because in the context of language culturology, linguistics is seen as something based on the cultural level of the group. Therefore, we can define language culture as a science that studies the manifestation and reflection of culture in language and speech, which is directly related to the study of the national image of the world, language consciousness, mental and linguistic features.*

Key words: cultural, linguistic, language, culture, culturology, semantic, sememes, analysis.

Language: English

Citation: Xaydarova, D. (2021). Lingua culturology is an object of language and culture. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 711-714.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-72> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.72>
Scopus ASCC: 1200.

Introduction

It is well known that the field of lingua culture studies is the representation of cultural concepts, including cultural models, cultural categories, and cultural metaphors, through the peculiarities of different languages. In the context of lingua culture, a group of language skills is seen as something related to the cultural level. Cultural linguistic approaches are already being applied in several areas of applied linguistics, including intercultural communication, second language acquisition, and communication variants of foreign languages.

Lingua culturology is "a holistic theoretical study of objects as a practical system of cultural values reflected in the language, a comparative analysis of the lingua cultural spheres of different languages (peoples) on the basis of the theory of linguistic relativity." "Today, cultural linguistics can be recognized as a philological science that studies different levels of linguistic units, speech activities,

different ways of presenting knowledge about the world of speakers of a particular language through the study of speech [1, 35-36].

Literature review

At the end of the 20th century, the emergence of cultural linguistics at the intersection of interdisciplinary linguistics and culturology aroused great interest among linguists. At the beginning of the next century, under the leadership of lingua culturological schools (for example, N.D. Arutyunova, V.V. Vorobyov, V.I. Karasik, V.V.), a certain conceptual and terminological group of this linguistic direction was formed [2, 12].

As a rule, the emergence of new concepts and terms that correspond to them causes some radical disagreement in the scientific community. But lingua culturological as a humanistic science is one of the rare cases in terms of its definition by the scientific community of its conceptual essence. A comparative

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	PIHII (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

analysis of many definitions of cultural linguistics operating in scientific discourse has shown that in almost all studies this concept has been unanimously endorsed based on “language-culture”. We will try to compare some of them below. For example, in her definition, BA Maslova studies Linguacultural as a phenomenon of culture, a carrier of culture. Culture is created by a person who uses language. It points out that the object of linguacultural is at the intersection of several fundamental disciplines, such as linguistics and culturology, ethnography, and psycholinguistics [3].

Main part.

VV Vorobiev points out that “Cultural linguistics is a complex scientific activity that studies and synthesizes the relationship and interaction of culture and language in its activities and reflects this process as an integral part. Thus, the role of lingua culturology in the structural complex of humanities is clearly defined - accordingly, it is a scientific direction that leads to the existence of its own subject and object of study. On the one hand, an indicator of the synthesis of scientific knowledge, which is noteworthy for the modern scientific paradigm, on the other hand, requires the establishment of general and distinctive features of the concept under study. The definition of lingua culturology proposed by VV Vorobyov, in our opinion, is broad and meaningful, because it immediately directs researchers to a particular method of linguistic analysis - "system methods". The definition of lingua culturology given by V. V. Krasnik is based on the general integral semantics "culture - language"; but, in addition, it indicates other relevant features of the science being studied. Lingua culturology as a radically new object of study of the national image of the world, linguistic consciousness, national-mental features are a science that learns to reflect, and at the same time define culture in language and speech, the national image of the world, linguistic consciousness, intellectual -is directly related to the study of linguistic properties.

Discussion.

According to W. Humboldt, the linguistic heritage of lingua culturology is the emergence of new perspectives in the field of humanities research. Lingua culturology is naturally promoted in various factors of both linguistic and extralinguistic nature.

In this regard, it is impossible not to mention the well-known subject of "linguistic and cultural studies", which for decades has been the main and somewhat consistent in the methodology of teaching Russian as a foreign language. Lingua culturology serves as a “follower of linguistics and regional studies” in linguistic and cultural studies. Clearly, in the modern knowledge paradigm, modern scientific approaches focus on a “new system of cultural values”

that is natural and understandable, as opposed to cultural linguistics, linguistics, and regional research.

The founders of the linguistic and cultural direction, E.M. Vereshchagin and V.G. Kostomarov, drew attention to another conceptual component: participation in dialogue within different national cultures: “... when learning a language, a person simultaneously enters a new national culture This is especially true of the methodology of teaching foreign languages: "Every lesson of a foreign language is a crossroads of cultures, it is a practice of intercultural communication."

Lingua culturology has a clear interdisciplinary character, combining different knowledge about the humanities. Cultural linguistics as a complex and multifaceted scientific discipline of humanities and culturological nature is interrelated with many related disciplines: culturology, ethnolinguistics, sociolinguistics, intercultural communication, cognitive linguistics, ethnic psycholinguistics, lingo philosophy and other disciplines.

The main task of intercultural communication is “sufficient mutual understanding of the two participants of the communicative movement belonging to different national cultures”. It is a leader for cultural linguistics because the differences in values of cultures are directly reflected in the system of value orientations of their representatives. The efforts of modern researchers are focused on the study of linguistic concepts and classification mechanisms of the world. Without knowing the concepts of national culture, it is impossible to make a full connection. Given the interplay of language and culture, it has allowed researchers to identify what are called “basic concepts” of national culture, behind which are the most important concepts of national consciousness.

There are many definitions of both the term “concept” and cultural concepts. The ambiguity of interpretations is determined by the linguistic nature of the concept as an interdisciplinary education and the complexity and versatility of this amazing phenomenon, which is relevant to modern scientific discourse. In our view, such important components of lingua culturology require special consideration. In establishing interdisciplinary links between lingua culturology, attention should be paid to its interaction with ethnic psycholinguistics. Ethnic psycholinguistics is a new direction that considers speech activity in terms of breaking down national-cultural peculiarities and considering the national-cultural component of speech. Both sciences are closely intertwined, complementing, and enriching each other. If for ethnic psycholinguistics speech activity, linguistic consciousness and communication are the basis, for cultural linguistics it is the definition of culture in language and its reflection in speech.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Results and views

In the context of lingua culturology, language knowledge is seen as something rooted in the cultural level of the group. Lingua culturological approaches are already used in many areas of applied linguistics, including intercultural communication, second language acquisition, and communication variants of other languages.

At the same time, some researchers believe that the methodology of lingo-cultural research aimed at establishing the direct connection of culture to linguistic structures does not meet the basic criteria of scientific character.

Cultural linguistics is "the study of objects as an existing system of cultural values reflected in this language through a holistic theory and description, a comparative analysis of the lingua cultural areas of different languages (peoples) based on the theory of linguistic relativity."

For this reason, we can define lingua culturology as a science that studies the manifestation and reflection of the culture in language and speech, which is directly related to the study of the national image of the world, linguistic consciousness, mental and linguistic features. It is suggested to use a lingua-cognitive approach to communication, as it allows to analyze both its general linguistic aspect and its nationally defined component.

Conclusion

A complex approach to the study of any linguistic phenomenon in its cultural and linguistic sense is manifested using lingua culturological

analysis, which has only two objects: the diversity of linguistic units (including syntactic units) and folk culture, the intangible culture of particular interest to cultural linguistics. "The subjective image of objective reality, while preserving the image of the real world, is always subject to sensitization, which is objectified by various subsystems of linguistic signs. Culture as a semiotized ethnic consciousness implies the naming of everything that is included in the ethnocultural field. Cultural knowledge is reflected in the vernacular, in their texts.

However, in the process of searching for lingua culturological mechanisms for describing linguistic units, scholars were faced with the problem of a lack of works that would become the subject of lingua culturological attention. Separate lexical units or groups of words were considered in this context. The result of such research is the formation of a cultural concept with a core that is part of a particular lexical unit. An analysis of linguistic units with distinct cultural characteristics (e.g., "bread", "homeland", "samovar", etc.) leads only to distinct conclusions. Most linguists are in favor of the idea of constructing figurative semantic fields.

Thus, two methodological approaches can be distinguished in linguistic research that analyzes the relationship between language, languages and culture, cultures. The first approach in the history of linguistics is associated with the name Wilhelm von Humboldt. In this Humboldt approach, language is presented primarily as an ethnic or national language, and culture is understood as a single ethnic and national phenomenon.

References:

1. Maslova, B.A. (2001). *Linguoculturology: Textbook. A guide for students. higher education, institutions.* (pp.35-36). Moscow: Publishing Center "Academy".
2. Krasnykh, V.V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.* (p.12). Moscow.
3. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (2005). *Language, and culture.* (p.1038). Moscow.
4. Bauer, L. (1993). *English Word-formation, "Cambridge textbooks in Linguistics"*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Brinton, L.J., & Traugott, E. C. (2006). (2005), *Lexicalization and Language Change*, Cambridge: Cambridge University Press.
6. Dinca, D. (2011). « *La néologie et ses mécanismes de création lexicale* », Typologie des emprunts lexicaux français en roumain. Fondements théoriques, dynamique et catégorisation sémantique, Craiova : Editura Universitaria.
7. Durkin, P. (2006). "Lexical Borrowing in Present-Day English: A Preliminary investigation based on the Oxford English Dictionary", in KÖLLIGAN Daniel & SEN Ranjan (eds.), Oxford University working papers in linguistics, philology, & phonetics n° 11, 26 42.
8. Mortueux, M.-F. (1997). *La lexicologie entre langue et discours, 'Campus, Linguistique'*, Éditions SEDES.
9. Niklas-Salminen, A. (1997) *La lexicologie, 'Cursus'*, Paris : Armand Colin/Masson.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

10. Paillard, M. (2000). *Lexicologie contrastive anglais-français – Formation des mots et construction du sens*, Gap, Paris : Ophrys.
11. Stockwell, R., & Minkova, D. (2008). (2001), *English Words: History and Structure*, 'Cambridge textbooks in Linguistics', Cambridge: Cambridge University Press.
12. Tournier, J. (n.d.). *Précis de lexicologie en anglais*, Paris : Ellipses.
13. Tournier, J. (1991). *Structures lexicales de l'anglais : guide alphabétique*. Paris : Nathan Université.
14. Tournier, J. (1985). *Introduction descriptive à la lexicogénétique de l'anglais contemporain*, Paris, Genève: Champion, Slatkine.
15. Wunderlich, D. (2006). *Advances in the theory of the lexicon*, 'Interface explorations, 13', Berlin - New York: Mouton de Gruyter.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 19.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Ildar Urakovich Khatamov

Karshi Engineering-Economic institute
Russian Language teacher
Department of Uzbek Language and Literature
Karshi, Uzbekistan

PROFESSIONAL COMMUNICATION

Abstract: To speak or to communicate in one of foreign languages is advantageous on one side but on another side, it is very difficult if one does not know the rule of grammatical and phonetic. As a consequence, communicating in profession requires knowledge of both language and subject matter which are hard to acquire simultaneously. However, there are some ways or methods of teaching foreign languages to engineering students, one of which is to enable them how to communicate in FL. This paper highlights the features concerning professional communication in all domains of life as well as attitudes, ideas towards oral context.

Key words: profession communication, foreign language, methods, teaching.

Language: English

Citation: Khatamov, I. U. (2021). Professional Communication. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 715-717.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-73> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.73>

Scopus ASCC: 1200.

Introduction

In recent years, communicating in foreign language is being important for some organizations where experts in profession use those languages as well. There are some peculiarities of communicating in FL such as learning vocabulary of new words, grammar and phonetic rules, reading written contexts, practicing orally. Communicating is producing, expressing thoughts freely without border or time or feelings. Situational communication is more complex than communicating itself because we may be able to practice what we have already learnt in target environment. The practice means not only for individual reasons but also for employment purposes which strength socializing in one aim. Some linguists (Olga A. Drozdova, Elena V. Zamyatina, Darya N. Volodina, Elena O. Zakharova, Alexandra V. Ruchina, Alexander F. Nepryakhin. 2015:118-126) stated that a successful mastering of any lexical and grammatical topic and understanding the subject of communication in a foreign language is best of all achieved through speech interaction, consequently, active and interactive methods of teaching underlie the modern educational process and help to immerse international students in active communication in FL. What's more, in target communication the subject is

content-based which let us memorize the spoken material quickly and automatically.

The main features of communication

As we interact or socialize with each other at the same time we can enhance communicating in FL by retaining new materials or thoughts via personal experience. Furthermore, according to G. Neuner' (2006) statement "learning of foreign language inevitably brings us into contact with a new world in which, although their world 'in principle' is similar to our own world (in its elementary dimensions of living) and they do rather the same things as we do, people have arranged their environment differently and arrange their social behaviour according to different conventions" (Neuner, 2006). Besides, increasing number of linguists (Olga A. Drozdova, Elena V. Zamyatina, Darya N. Volodina, Elena O. Zakharova, Alexandra V. Ruchina, Alexander F. Nepryakhin. 2015:118-126) claimed that involving students into situational dialogue encourages the achievement of essential psychological objectives:

- Increases the willingness of students to come in contact with each other and with the teacher, thus creating conditions for partnerships and breaking down personal barriers to communication.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- Decreases anxiety and enhances students' psychological preparedness for communication in the foreign language (as a rule, international students experience an enormous moral and intellectual load, having to cope daily with a number of challenges caused by new living conditions, a new system of learning, and a new social environment).

- Enables students challenged by the new linguistic context to integrate more easily into the new social environment.

methodological objectives:

- Ensures the natural need to revise the language material constantly.

- Improves the skill of selecting the appropriate speech material and thus contributes to the development of spontaneous communication.

Halliday (1965) stated that oral context could take place in situations. The situation-based approach not only enable learners to express ideas without border, but also increase their sociocultural competence and according to Savignon's (2002) statement, the function of the interaction. Additionally, a situation can be understood as an appropriate environment for a given piece of language for engineers or experts to use it as a communication" (Widdowson, 1978); Neuner, Kruger, Grewer, (2000) revealed that social interaction makes authentic communication for learners in target environment or as 'a scenario' that learners can change according to their communicative aims and needs (Schatz, 2006). Passov said that it is as the unit of communication, its molecule and a combination of verbal and nonverbal prerequisites necessary and adequate for a speech act. Consequently, a "concurrence of life circumstances creates the need for verbal expression" (L'vov, 1999). Moreover, Skalkin (2012) indicated that a dynamic system of interacting objective and subjective factors guide their speech behavior inside the given act of communication.

The main role of grammatical function in speech

Any language consists of words and constructed and spoken according to grammar rules, therefore, sentence construction in communication is foremost which let learners or speakers to know the rules to follow and use appropriate words or terms. Russian language is required everywhere; at the foreign companies, especially oil and gas industries where the experts such as engineers use this language as an instrument to communicate with local people or foreign experts in cooperation. What's more, in

Russian classes the students are often taught to communicate by organizing a trip to nature or museums or historical places such as Samarkand, Bukhara, Khiva those could inspire them to express their thoughts in more vivid. As they speak about Samarkand, they begin describing fully about Registan square, Tillaqori madrassah, and Sherdor madrassah, and Guri Amir and Observatory which great king of ancient Asia Mirzo Ulugbek had built and was pride of it because he could have set up map of stars and plants in the universe. As Russian language learners speak about them, they dramatize those place with great joy and pride. Moreover, we are sure that language without speaking interaction cannot be existed and determined. There are some specific ideas to follow for communicating in profession in Russian language;

- 1) Word order;
- 2) Coherence;
- 3) Cohesion;
- 4) Comprehensibility;
- 5) Particular attention to each unknown words;
- 6) Error-correction;
- 7) Grammar;
- 8) Phonetic;
- 9) Sufficient knowledge of vocabulary;
- 10) Knowledge of profession
- 11) Ability to use subject matter in Russian language

While practicing in this language, we often make errors which may let us to find our mistakes to correct. Some terms of profession learners need to know in order to communicate in subject matter, they are in Russian language in the sphere of oil and gas engineering; скребок для чистки трубопровода, якорь для крепления оттяжки, площадка для верхового рабочего, наземный кабель (подведенный к кабельному вводу и имеющий специальный проем, истощенная скважина.

Conclusion

In learning Russian language is not easy but communicating in this one is more complex because it requires additional attempts to practice what we have already learned, for instance, grammar rules, phonetic rules, and sufficient vocabulary knowledge as well as being aware of specialization. Besides, while, practicing speech we can come across some issues to deal with such as not recalling specific terms in oil and gas engineering, grammar rules and phonetic rules of how to pronounce unknown terms; метан, эталон, внутренней изоляции.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Drozdova, O.A., Zamyatina, E.V., Volodina, D.N., Zakharova, E. O., Ruchina, A.V., & Nepryakhin, A.F. (2015). Situational Communication in Teaching Russian as a Foreign Language to Beginner Learners. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 215 (2015), 118 – 126.
2. Halliday, M.A.K. (1965). Speech and situation. *English in Education*, 2, 14–17.
3. L'vov, M.R. (1999). *Slovar-spravochnik po metodike prepodavaniya russkogo jazyka*. [A Handbook of Russian language teaching methodology]. (Rus.). Moskva: Akademiya. Vysshaya shkola.
4. Neuner, G. (2006). *Socio-cultural interim worlds in foreign language teaching and learning. Intercultural competence*. Edited by Michael Byram. Council of Europe Publishing.
5. Neuner, G., Krüger, M., & Grever, U. (2000). *Übungstypologie zum kommunikativen Deutschunterricht*. Berlin, Schöneberg: Druckhaus Langenscheidt.
6. Passov, E.I. (1989). *Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya inoyazychnomu obscheniyu*. [Fundamentals of communicative methods of teaching foreign language communication]. (Rus.). Moskva: Russkiy yazyk.
7. Richards, J.C. (2006). *Communicative Language Teaching Today*. Cambridge: Cambridge University Press.
8. Savignon, S.J. (Ed.) (2002). *Interpreting communicative language teaching: contexts and concerns in teacher education*. New Haven: Yale University Press.
9. Schatz, H. (2006). *Fertigkeit Sprechen. Fernstudieneinheit 20. Fernstudienprojekt zur Fort- und Weiterbildung im Bereich Germanistik und Deutsch als Fremdsprache*. Berlin: Heenemann.
10. Skalkin, V.L., et al. (2012). Rechevye situatsii kak sredstvo razvitiya nepodgotovlennoy rechi. [Speech situations as an instrument of spontaneous speech development]. (Rus.). *Inostranniyazyki v shkole*, 4, 25-34.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 19.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

M. M. Ulugboboyeva

Fergana Polytechnic Institute

Lecturer, Department of light industry technologies and equipment,

Fergana, Uzbekistan

m.ulugboboeva@ferpi.uz

J.V. Xoshimov

Fergana Polytechnic Institute

Assistant, Department of light industry technologies and equipment,

Fergana, Uzbekistan

j.v.xoshimov@ferpi.uz

PROBLEMS IN THE MANUFACTURE OF GARMENTS IN THE KNITWEAR INDUSTRY

Abstract: *The weight of knitted garments is constantly increasing. This is due to the high service life and cost-effectiveness of knitwear. The steady growth of the production of chemical fibres, especially synthetic yarns, and the rapid development of knitting production techniques have greatly contributed to the development of the knitting industry. This article discusses the problems of the development of the knitwear industry in Uzbekistan.*

Key words: *knitted products, woven fabric, constructive solution, chemical fibres, synthetic yarns.*

Language: *English*

Citation: *Ulugboboyeva, M. M., & Xoshimov, J. V. (2021). Problems in the Manufacture of Garments in the Knitwear Industry. ISJ Theoretical & Applied Science, 11 (103), 718-720.*

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-74> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.74>

Scopus ASCC: 2200.

Introduction

We know from history that the production of knitwear was known centuries ago in historical literature. During excavations of the Egyptian pyramids, various knitted products were found there. From about the 5th century, hand-knitting was introduced in the Arab countries, and from the 11th century, the production of knitwear entered Europe. Knitted workshops were set up in England, France, Germany and the Czech Republic. During this period, socks, scarves and hats were mainly woven using spitz. The first knitting machine was created by William Lee in 1589, making this machine a novelty of universal significance in the history of knitting production. The Republic of Uzbekistan is moving forward on the path of independent life to a bright future. Over the past period, several practical steps have been taken to strengthen our independence politically and economically. - The use of equipment

is the reconstruction of existing enterprises, raising the quality of products to world standards [1-6].

Fulfilment of these tasks depends primarily on the training of highly qualified personnel. At the same time, it requires a radically new approach to the production of quality finished products.

Materials and methods

One of the ways to create the competitiveness of finished products is to produce high-quality and affordable knitwear. The scientific approach to the expansion of the range of finished products requires the development of design and technology based on the analysis of the concept of raw materials – knitwear [7-11]. At the same time, the creation of ready-made products that meet the requirements of the market, which can be quickly applied to production using local raw materials, provides high efficiency. The enterprises of the knitting industry produce knitted fabrics, including technical fabrics, socks,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

accessories, underwear and outerwear, gloves, hats, scarves and products used in industry and medicine. Yarns made of cotton, wool and chemical fibres are widely used in the production of knitwear. The weight of knitted garments is constantly increasing [12-15]. This is due to the high service life and cost-effectiveness of knitwear. The steady growth of the production of chemical fibres, especially synthetic yarns, and the rapid development of knitting production techniques have greatly contributed to the development of the knitting industry.

The main directions of development of techniques and technology of knitting production are the creation of automated continuous lines for the production of linen and socks; accelerating production processes by replacing equipment with more efficient ones; continuous processing of canvases using organic solvents; specialization of enterprises in the production of various products.

In the process of design and modelling of knitwear, important features of elongation, flexibility, elasticity, as well as technological processing are taken into account. The design and technological solution of knitwear depends on the degree of elongation of the fabric. Knitted fabrics are classified into groups according to the degree of elongation and tendency to deformation, as well as taking into account the nature of the raw material. According to the classification, knitted fabrics are divided into 3 groups: the first group includes low-elongated knitted fabrics, the second group includes fabrics with medium elongation, and the third group includes easily elongated fabrics [9-13]. This information is the main tool in the design of knitwear. The value of the weaving additive, which takes into account the elongation of the knitted fabric, is given in the documents and standards related to the general technical conditions applicable at the enterprise. The constructive solution of details in the construction of low-elongation, shape-retaining knitted fabric is similar to the constructive solution of products made of woven fabrics. Due to the elasticity of the fabric in the design of the knitted fabric piece, which has a large elongation, the piece sticks to the body because it is stretched to a certain extent.

The design takes into account the appearance, structure, properties and function of the fabric. Straight, sticky, and trapezoidal extended silhouettes are common in knitwear. The deformation properties of the knit are taken into account in determining the weave attachment be obtained along the breast line. Its value is smaller than that of fabrics. At present, for the range of knitted items, the total shedding value has been determined based on practical experiments. $P_g = 1-4$ cm for jumpers according to the fashion direction; jackets tip 2-5; 4-6 cm for jackets. From the easily stretchable canvas, the addition of underwear is taken to be 0, or it can be a negative number because the required expansion of the details of the item during

operation is provided by the stretching of the canvas. Most of the total attachment (50-55%), which is distributed between the construction sections as follows, is allocated to the width of the rear and front sections, and 25-30% to the width of the rear and front sections, respectively. When constructing the design of knitted goods, $P_{m,n}$ to the thickness of the fabric and the insertion fee P_{pos} for the formation of the required volume is considered. $P_{m,n} = 0$ for knitted fabrics with a thickness of 0.3 cm belonging to the first and second elongation groups, $P_{m,n} = 1.5$ cm if the thickness of the fabric exceeds 0.3 cm. In addition to the thickness of the canvas, it is distributed as follows: 0.3 $P_{m,n}$ -back section; 0.3 $P_{m,n}$. 0.4 $P_{m,n}$ -front piece. According to the method of construction of knitted goods, the additional value of the thickness of the fabric is taken into account in determining the vertical lines of the base net in the basic design drawing.

Knitted fabrics with high elongation are provided by inserting a three-dimensional shape from the fabric, instead of twists along the shoulders, side seams and shoulder seams. Its value is determined by the quality of the knitted fabric and the design of the product.

The location of the vertical lines of the base net is calculated by the following additions: $P_{l.sh}$, which takes into account the line of the shovels (in practical calculations, 1 cm is taken); P_{obsh} , a general shedding appendage along the chest line; in addition to the thickness of the canvas- $P_{m,n}$; to the width of the back piece - P_s ; P_p in addition to the width of the anterior segment, the breast vitreous is reduced to 1 cm.

The process of processing knitted goods consists of the steps of attaching the parts in a certain sequence, finishing them and the final wet-heat treatment. The choice of processing methods depends on the design of the product, the characteristics of the knitted fabric, equipment and devices, technological mode and parameters. Knitwear is given a moisture heat treatment under the influence of moisture, heat and pressure for a certain period of time. Under the influence of moisture and heat, knitwear is subject to various deformations quickly. Therefore, after the knitwear has been given a moisture heat treatment, a cooling and drying process is carried out. Taking into account the elongation of knitted fabrics, clothes and coupons, moisture heat treatment is provided at a certain temperature: wool knitwear 130-135 °C, cotton and lion fibre knitwear up to 120, viscose fibre knitwear up to 120 ... 130, acetate fibre knitwear 95 ... 100 °C, polyester fibre knitwear 60 ... 70 °C.

Conclusion

When the wet heat treatment exceeds the above norm, the knitwear may lose colour and strength. Knitwear should be processed under a small ($0.49 * 10^4$ to $4.9 * 10^4$) pressure effect. Otherwise, with increasing pressure, there is a loss of relief and width and the appearance of shiny spots on the surface of the

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

canvas. We can conclude from this article that several problems in the production of knitted goods need to be solved and ways are shown.

References:

- Mukimov, M.M., & Ikromov, Sh.R. (2007). *Trikotazh tehnologijasi*. Toshkent: DAVR PRESS.
- Guseva, A.A. (1987). *Obshhaja tehnologija trikotazhnogo proizvodstva*. Moscow.
- Hasanova, G. (2006). "T'ykimachilik dizajn tarihi". Toshkent: „Iktisod-molija”.
- (2015). "Atel'Fariz" k'yllanma zhurnal.
- Aripzhanova, D. (2003). *Razrabotka tehnologii proizvodstva zhenskoj odezhdy iz novogo assortimenta shelkovyh tkanej*. diss... kann. tehn. nauk. Tashkent: TITLP.
- Hildebrandt, P. (2006). Fabric testing: What's your score? *Industrial Fabric Products Review*, N-3, 44-47.
- Nabiev, Q.Q., Yakubov, N.J., Obidova, I. N., & Nizamova, B.B. (2021). The Perspective Directions For The Development Of Sericulture. *The American Journal of Engineering and Technology*, 3(09), 24–27.
- Abdusattorovna, M. G., & Qosimjonovna, U. N. (2020). Product-an object of artistic thinking. *ACADEMICIA: An International Multidisciplinary Research Journal*, 10(11), 1172-1176.
- Mirboboyeva, G.A. (2021). "Innovative Technologies in Education: Development Trends, Prospects. *The American Journal of Social Science and Education innovations*, 3(02).
- Mirboboeva, G. A., & Urmonova, N. Q. (2021). *Retro style in modeling*.
- Tursunova, X.Sh., Nizamova, B.B., & Mamatqulova, S.R. (2021). Analysis Of The Range Of Modern Women's Coats. *The American Journal of Engineering and Technology*, 3(09), 18–23.
- Turdiyev, M. (2021). The figurative expression of the composition of costume. *Innovative Technologica: Methodical Research Journal*, 2(10), 38–42. <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/4BHYS>
- Raxmatovna, M. S. (2021). The description of perspective fashion trends in men's clothing. *Innovative Technologica: Methodical Research Journal*, 2(10), 15-20.
- (n.d.). women's clothing. *Asian Journal of Multidimensional Research (AJMR)*, 10(9).
- Nayak, R., & Padhye, R. (Eds.). (2015). *Garment manufacturing technology*. Elsevier.
- Bullón, J., González Arrieta, A., Hernández Encinas, A., & Queiruga Dios, A. (2017). *Manufacturing processes in the textile industry*. Expert Systems for fabrics production.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 20.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Oybek Abdullayevich Aripov
Namangan Institute of Civil Engineering
Head of the Department of Economics,
prof., DSc.

Abdurakhmon Kamalov
Namangan Institute of Civil Engineering
Senior Lecturer of the Department of Economics

Jobirkhon Hayrillo oglu Yakubbaev
Namangan Institute of Civil Engineering
35-KI-19 gr. Student

PROBLEMS IN THE ORGANIZATION OF SMALL BUSINESS AND PRIVATE ENTREPRENEURSHIP IN THE INDUSTRIAL SECTOR

Abstract: The article is about the development of small business and private entrepreneurship in the manufacturing sector. The problems of small business entities in production are analyzed. Considerations for their elimination are also given.

Key words: production, industry, small business, private entrepreneurship, gross regional product.

Language: English

Citation: Aripov, O. A., Kamalov, A., & Yakubbaev, J. H. (2021). Problems in the organization of small business and private entrepreneurship in the industrial sector. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 721-725.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-75> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.75>

Scopus ASCC: 2000.

Introduction

In Uzbekistan, small business and private entrepreneurship are developing in all sectors of the national economy. It is safe to say that today the state has accumulated positive experience in the development and management of small and private businesses. Nevertheless, a deeper application of measures for the development, management, further improvement and improvement of the efficiency of entrepreneurial activity is becoming a requirement of the time.

In particular, in Namangan region, the share of small business and private entrepreneurship in the gross regional product in January-March 2021 amounted to 62.8 percent, an increase of 0.4 points compared to the same period in 2020.

Figure 1 shows that in January-March 2021, the share of small enterprises operating in Namangan region in GRP was 17.8 points higher than the national average.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

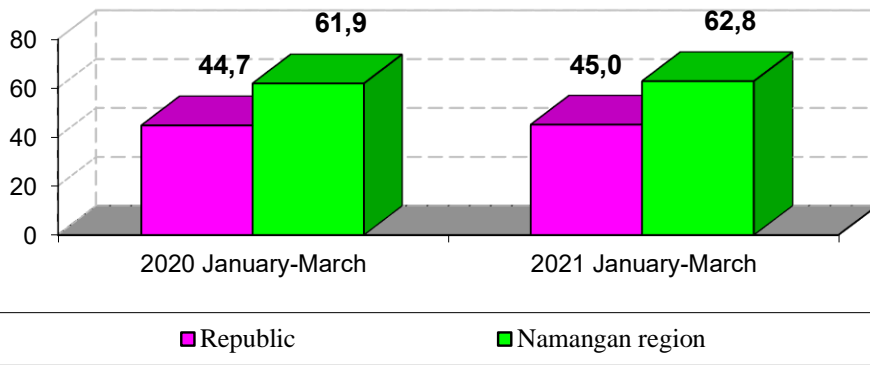

Figure 1. The share of small business and private entrepreneurship in GRP (as a percentage)

The development of industrial production in Namangan region was influenced by the implementation of the localization program for the production of finished products, components and materials. According to 99 projects included in this program, 101.0 billion worth of products were produced. soums.

In the Namangan region in January-March 2021, small businesses produced industrial products worth 1096.3 billion soums, its share in total production

amounted to 38.8 percent. The largest share of small business and private entrepreneurship in the production of industrial products in the districts (and cities) of the region was noted in Yangikurgan, Chartak (share in the total production of industrial products 100.0%) and Kasansai (71.7%) districts. At the same time, the smallest share was observed in Turakurgan (11.3%), Uchkurgan (11.4%), Mingbulak (25.3%) and Chust (25.9%) districts (Fig.2).

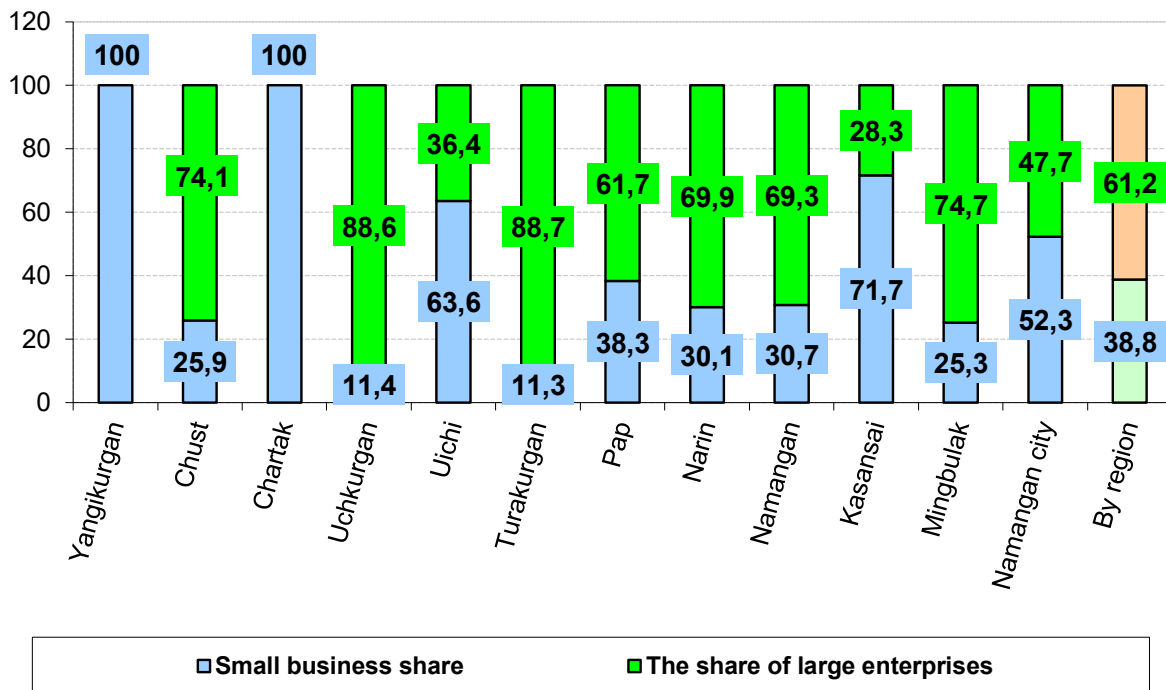

Figure 2. The share of districts (and cities) of Namangan region in small business and private entrepreneurship (in%)

Therefore, it is necessary to intensify efforts to produce industrial products in Turakurgan, Uchkurgan, Mingbulak and Chust districts. It is in these areas that it is necessary to take additional measures to increase the activity of small businesses and private entrepreneurship.

The share of small businesses and private entrepreneurship in the creation of industrial products remains low compared to various sectors of the economy.

For example, in Namangan region, the share of small business and private entrepreneurship in such

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

industries as passenger transportation (97.8%), production of gross agricultural product (97.3%), freight transportation (93.4%), construction work (91.3%), trade turnover (90.4%) is especially high in certain sectors of the economy. The share of small business and private entrepreneurship in capital investments (73.9%), gross regional product (73.7%), consumer goods (72.2%) is also growing rapidly. However, the share of small business and private

entrepreneurship in such sectors as general services (65.8%) and industrial products (50.0%) is lower than in such sectors as indicated above (Figure 3).

If we analyze the situation related to January-March 2021, the stimulation of production and the expansion of the range of finished products affected the increase in the output of consumer goods compared to January-March 2020 (by 112.4%), while their share in total industrial production was 51.5%.

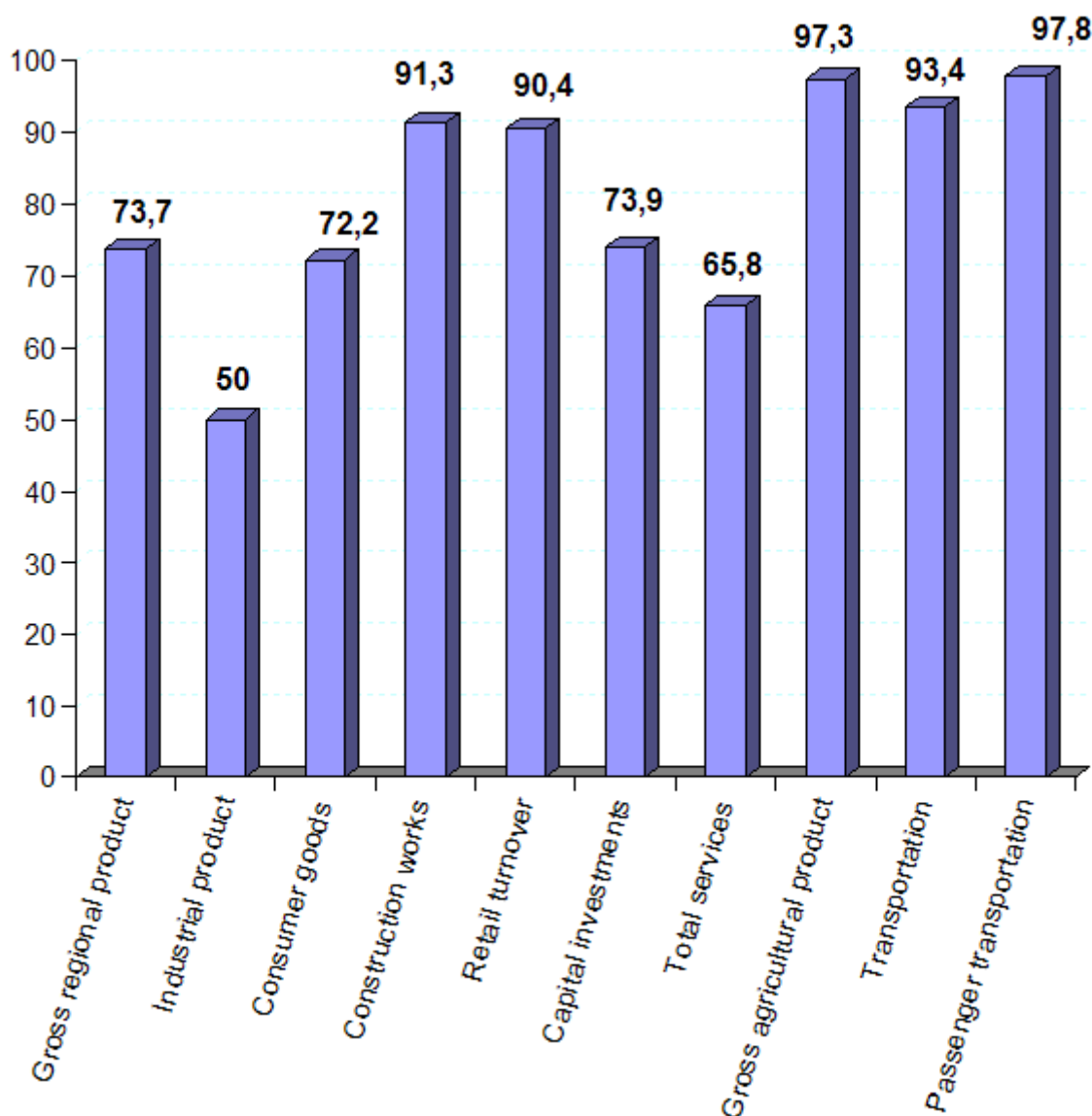

Figure 3. The share of small businesses in economic sectors, in % (As of January 1, 2021)

If we continue the analysis by region, then in Naryn (28.5%), Mingbulak (19.9%), Uchkurgan (18.9%) and Turakurgan (18.8%) districts, the share of small businesses in the production of industrial products remains at a very low level. While the

average situation is observed in Namangan (61.4%), Uychinsky (69.5%), Chust (58.1%) districts. Also, in Namangan (45.4%) and Popsky (48.9%) districts, the share of small businesses in the production of industrial products remains relatively low. In the

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Chartak and Yangikurgan districts, the share of small businesses in the creation of industrial products is 100 percent. In Kasansai district, this figure is 98.3 percent. Thus, in seven districts of the region, the

share of small businesses in the creation of industrial products remains low. It is in these areas that problems arise when carrying out reforms characteristic of market relations.

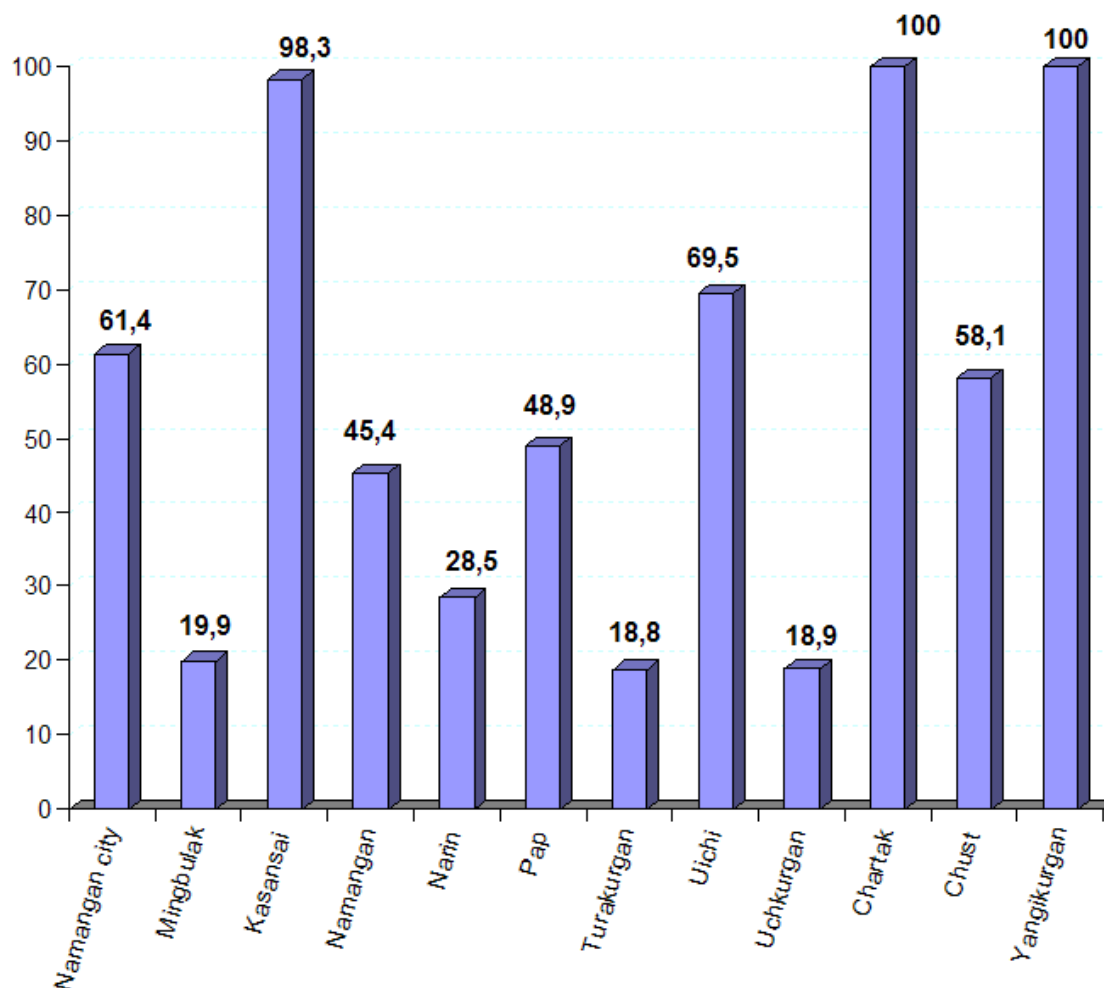

Figure 4. The share of small business in industrial production by region, in %

In our opinion, in a market economy, it is necessary to take measures to increase the competitiveness of products or services produced by industrial enterprises. At the same time, the organization of effective use and effective management of labor resources operating specifically in industry should become one of the most important tasks. Based on the effective management of human resources and the involvement of qualified specialists in the improvement of production, we will have the opportunity to increase production efficiency, increase labor productivity.

Summing up, increasing the share of industry in the gross regional product of Namangan region and the broad involvement of small businesses is a priority. To do this, first of all, we should pay attention to the creation of enterprises for the processing of agricultural products (production of various food

products, woodworking, furniture production, etc.), based on our own capabilities. The availability of sufficient raw materials, labor and potential available in the region to create these enterprises will increase the productivity of enterprises. Such material and technical support of production provides for the solution of issues in the following areas:

- ensuring the smooth operation of industrial enterprises;
- efficient use of minimum stocks and strengthening of relations with suppliers;
- ensuring the production process based on the principles of compact organization and implementation of the established plan;
- providing financing for all types of activities, such as scientific equipment, production, sale;
- providing the production process with the necessary number of qualified specialists.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

In general, any new form of production will be strengthened if it ensures high labor productivity. Accordingly, the level of labor productivity characterizes the form of a high organization. The efficiency index is the best criterion for the development of management methods.

The conclusion suggests itself that today all legal conditions have been created in the country for the development of small business and private

entrepreneurship, and measures to increase the share of small business in industry are accelerating. However, due to the weakness of the new economic thinking, non-compliance with the law, disorder, "circumvention" of the law negatively affect the development of small business and the economy as a whole. Such a situation may indicate an imperfect appearance of the market system.

References:

1. Aripov, O. A. (2017). Prioritetnye napravlenija razvitija malogo biznesa i predprinimatel'stva v Uzbekistane. *Rossijskoe predprinimatel'stvo*, 18(24).
2. Aripov, O. A. (2015). Sovremennoe razvitie malogo biznesa i chastnogo predprinimatel'stva v Uzbekistane. *Molodoy uchenyj*, (22), 332-334.
3. Aripov, O. A. (2019). Strukturnye jelementy delovoj sredy i ih vlijanija na funkcionirovanija sub#ektov malogo biznesa i predprinimatel'stva. *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki*, (8 (106)).
4. Aripov, O. A. (2019). *Sozdanie blagoprijatnogo nalogovogo klimata dlja malogo biznesa i chastnogo predprinimatel'stva v uzbekistane*. In aktual'nye voprosy sovershenstvovanija buhgalterskogo ucheta, statistiki i nalogooblozhenija organizacij (pp. 64-68).
5. Aripov, O. A. (2018). *Osnovnye komponenty formirovanija delovoj sredy i masshtabnye razvitija v jekonomike Uzbekistan*. In *Regional'nye problemy preobrazovanija jekonomiki: integracionnye processy i mehanizmy formirovanija i social'no-jekonomicheskaja politika regiona* (pp. 121-123).
6. Aripov, O. A. (2017). Sovremennye tendencii razvitija malogo biznesa i predprinimatel'stva v Uzbekistane. *British Journal for Social and Economic Research*, 2(5), 33-40.
7. Kamolov, A. A., & Holmirzaev, U. A. (2016). Malyj biznes i chastnoe predprinimatel'stvo v Uzbekistane. *Voprosy jekonomiki i upravlenija*, (5), 182-184.
8. Xolmirzaev, U. A. (2020). Financial assets and improvements of their analysis. *Jekonomika i socium*, (1), 102-105.
9. Xolmirzaev, U. A., & Juraev, E. S. (2020). Problems of improvement of debtor debt debt analysis. *Mirovaja nauka*, (1), 100-105.
10. Juraev, E. S., & Xolmirzayev, U. A. (2020). Supporting small business subjects by tax reforms. *Jekonomika i socium*, (1), 48-52.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.1/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 20.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

N. B. Uralov
Termez State University
researcher

H. Kh. Turaev
Termez State University
researcher

S. Ch. Eshkarayev
Termez State University
researcher

S. S. Eshqorayev
Termez branch of the Tashkent State Technical University named after I. Karimov
researcher
esadir_74@rambler.ru

ANALYSIS OF GRAPHENE PROPERTIES, PRODUCTION AND APPLICATION

Abstract: The article is devoted to the unique graphene material. An analysis of the foreign literature devoted to the production of graphene and the study of its properties was carried out.

Key words: graphene, graphene oxide, graphene gel, polydopamine, albumin, properties, production, application.

Language: English

Citation: Uralov, N. B., Turaev, H. Kh., Eshkarayev, S. Ch., & Eshqorayev, S.S. (2021). Analysis of graphene properties, production and application. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 726-728.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-76> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.76>

Scopus ASCC: 2200.

Introduction

A hexagonal two-dimensional crystal lattice made up of graphene-carbon atoms. A hexagonal grid with graphene can be thought of as two variable triangular grids. It is an allotropic form of carbon, which consists of a single layer of carbon atoms in sp^2 -hybridization that are bonded by σ - and π - bonds directed out of the plane. Graphene is the building block of many other carbon allotropes such as graphite, diamond, coal, and fullerene.

Graphene fragments are obtained by mechanical action on highly oriented pyrolytic graphite or kvish-graphite. First, pieces of flat graphite are placed between the adhesive tapes and repeatedly split to form very thin layers (among the many films obtained are single- and double-layer materials, which are of

interest to scientists. Thin film graphite adhesive tape is printed on an oxidized silicon substrate. In this case, it is difficult to obtain a film of a certain size and shape on the solid parts of the substrate (layers are usually about $10 \mu\text{m}$) [1].

Scientists have been thinking about graphene for many years. It has been produced accidentally in small quantities as a result of the use of pencil and similar graphite over the centuries. It was first discovered in electron microscopes in 1962, but it was only studied when applied to metal surfaces. In 1986, Boem and his colleagues coined the term graphene as single-layer graphite. The first graphene layers grown on Ru, Rb, Ni metal substrates were obtained in 1970 by John Grant and Blakely. This material was later rediscovered, isolated, and described in 2004 by

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Andrei Geim and Konstantin Novoselov at the University of Manchester.

This work earned them the 2010 Nobel Prize in Physics for their “two-dimensional material” - graphene-based experiments. In 2013, Michael Kasnelson was awarded the Spinoza Prize for his development of basic concepts and terms used by science in the field of graphene. The International Union of Theoretical and Applied Chemistry (IUPAC) states: “In the past, the term graphene used descriptions such as graphite, carbon layers, or carbon layers ... it is incorrect to use the term for a layer, referring to this three-dimensional structure holds.

The term “graphene” should only be used to discuss reactions, structural relationships, or other properties of individual layers [3].

Graphene has many unusual properties. It is the strongest material tested, conducts heat and energy efficiently and is almost transparent. Graphene shows larger and nonlinear diamagnetism than graphite and can be lifted using neodymium magnets. The atomic structure of isolated single-layer graphene was studied on graphene sheets suspended between metal mesh rods. Electron diffraction patterns showed the expected beehive cage [4].

Graphene is the only form of solid carbon in which chemicals can act on each atom in two ways due to its two-dimensional structure. The atoms at the edge of the graphene sheet have a special chemical reactivity. Defects inside the plate increase its chemical reactivity. The initial reaction temperature between the single-layer graphene and the oxygen gas plane is below 260 °C (530 K). Graphene burns at 350 °C (620 K). Graphene usually interacts with oxygen and nitrogen functional groups and is analyzed using infrared spectroscopy and X-ray photoelectron spectroscopy. However, good control of the structures is required to identify graphene structures with oxygen and nitrogen functional groups [5].

Graphene is inert to acids and alkalis at room temperature due to its strong carbon covalent bonds. However, the presence of some chemical compounds in the atmosphere can affect the inertness of graphene, which has allowed the use of high-sensitivity sensors - detectors of individual molecules. For chemical modification, the covalent bonds of graphene must be broken with high temperatures and strong reagents. In other words, the definition of ideal graphene varies in chemistry and physics. For example, in order to form hydrogen graphene, a strong fluorination agent, xenon diphthoride, must be applied to the protons in the gas plasma. Both of these materials exhibit dielectric properties, i.e., their resistance increases with decreasing temperature [6].

Under ambient conditions, graphene placed on a soda lime glass substrate showed spontaneous n-doping ($1.33 \times 10^{13} \text{ e} / \text{cm}^2$) by surface transfer. The semiconductor copper was stored in n-doping with SLG in an indium-gallium alloy and reached $2.11 \times$

$10^{13} \text{ e} / \text{cm}^2$ [2]. Various graphene derivatives, such as cyanografen and graphenic acid, can be obtained on the basis of fluorophene [7].

Preliminary measurements of the thermal conductivity of molten graphene show a very high thermal conductivity of $5300 \text{ W}^{-1} \cdot \text{K}^{-1}$ at room temperature relative to the thermal conductivity of pyrolytic graphite close to $2000 \text{ W}^{-1} \cdot \text{K}^{-1}$. Subsequent studies, however, have cast doubt on the overestimation of this very high value, and instead have a thermal conductivity of $1500\text{--}2500 \text{ W}^{-1} \cdot \text{K}^{-1}$ for single-layer graphene. The large range can be explained by measurement inaccuracies, as well as changes in the quality and processing conditions of graphene [8].

Furthermore, when single-layer graphene is used in an amorphous material, the thermal conductivity decreases to about $500\text{--}600 \text{ W}^{-1} \cdot \text{K}^{-1}$ and may be lower as a result of the propagation of the graphene lattice wave to the substrate at room temperature. Similarly, polymer residues can also help to reduce suspended graphene to about $500\text{--}600 \text{ W}^{-1} \cdot \text{K}^{-1}$ for two-layer graphene [9].

Despite its many advantages, graphene is relatively brittle and has a fracture resistance of about 4 MPa, indicating that imperfect graphene is as brittle as ceramic materials and can crack. Graphene exhibits the ability to distribute impact force more than any known material, which is ten times greater than steel per unit of weight [10].

In 2011, graphene was shown to accelerate osteogenic differentiation of human brain stem cells without the use of biochemical inducers [11].

In 2016, it was discovered that graphene was not used without altering properties such as scar tissue formation or as a neurointerface electrode. Graphene electrodes in the body are more stable than tungsten or silicon electrodes due to properties such as flexibility, biomic and conductivity [12].

It is believed that a ballistic transistor can be built on the basis of graphene. In March 2006, a group of researchers from the Georgia Institute of Technology announced the acquisition of a graphene field-effect transistor and a quantum interference device. Researchers believe that because of their achievements, a new class of transistor graphene nanoelectronics with a thickness of 10 nm will soon emerge. This transistor has a large signal current, i.e. the two states of closed and open channel are indistinguishable [13].

In developed countries, a number of research projects are underway to create graphene-based filters for wastewater and salt treatment. In recent years, two-dimensional nanopowders with a carbon thickness of one carbon atom have been widely used in technology. This powder was first obtained in 2004 by Russian researchers K. Novoselov and A. Game (for these discoveries they were awarded the Nobel Prize in 2010) [14]. However, obtaining graphene

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

nanopowders is one problem, while storing the nanopowders in the form of nanoparticles is another. This is because carbon nanoparticles combine very quickly to fill their crystal lattice with carbon atoms and turn into graphite. Scientists are working to find different solutions to these problems. For example, a group of scientists from the Australian State Association for Scientific and Applied Research (CSIRO) have proposed a cheap and effective way to treat sea salt using graphene-based material (GraphAir). They made graphene nanomaterials using soybean oil. It is recognized that there are nanoscale microscopic channels in the soybean oil layer, and when graphene powder is sprinkled on them, nanoparticles settle into these channels and form a membrane that only carries water molecules.

According to scientists, this filter is able to purify 100% of sea salt water. A. Game, a professor at the University of Manchester (England), conducted

research on graphene oxide and obtained a graphene film that is 100 times thinner than human hair. It has been suggested that the film can hold only water molecules and even gas molecules [10]. Engineers at the University of Buffalo (USA) are proposing to get graphene gel. Graphene gel was obtained on the basis of graphene powder, synthetic polydopamine and bovine serum (albumin). The resulting gel forms a nanoparticle the thickness of a carbon atom and transmits only water molecules. The authors acknowledged that the gel was 100% water-purified even after repeated use to purify wastewater from biological microparticles [11].

Nakhul Nair, a professor at the University of Manchester, is researching graphene oxide-based seawater desalination filters. Neur suggested mixing graphene oxide nanoparticles with epoxy resins. The film obtained by this method traps sodium chloride molecules and transfers water molecules [14].

References:

1. Game, A.K. (2011). Random walks: an unpredictable path to graphics. *UFN*, T. 181, pp. 1284-1298.
2. Eletskiy, A.V., Iskandarova, I.M., Knijnik, A.A., & Krasikov, D.N. (2011). Graphene: methods of preparation and thermophysical properties. *UFN*, Volume 181, pp. 227-258.
3. Dyakovsraya, A.V. (2017). *Graphene: Acquisition and application of graphene*. Cyberleninka. (pp.76-79). Moscow.
4. (n.d.). Retrieved from <http://ITC.UA/articles/graphene/mnogoobeshchay>
5. (n.d.). Retrieved from <http://www.pravda.ru/science>
6. (n.d.). Retrieved from <http://elementary.ru/news>
7. Xiaolin, L., et al. (2008). Highly conducting graphene sheets and Langmuir - Blodgett films. *Nature Nanotech*, V. 3, pp.538-542.
8. Yenny, H., et al. (2008). High - yield production of graphene by liquid - phase exfoliation of graphite. *Nature Nanotech*, V. 3, pp.563-568.
9. Meyer, J. C., et al. (2008). Direct Imaging of Lattice Atoms and Topological Defects in Graphene Membranes. *NanoLetters*, (2008), doi: 10.1021/nl801386m.
10. Bunch, J. S., et al. (2008). Impermeable Atomic Membranes from Graphene Sheets. *NanoLetters*, V.8, No.8, pp.2458-2462.
11. (n.d.). Retrieved from <http://www.forbes.ru/techno/budushchee/13405-graphene-materiya-tolshchينوi-v-atom>
12. Geim, A. K., & Kim, P. (2008). Carbon Wonderland. *Scientific American*, No. 4, pp.90-97
13. (n.d.). Retrieved from <http://www.rsci.ru/Sciencenews/149013-php>
14. (n.d.). Retrieved from <http://www.otsuji.riec.tohoku.ac.jp/CREST/ISGD/?>
15. Dyakonov, G.S. (2008). Perspectives of development of scientific research in the field of nanomaterials and nanotechnology in Kazan GTU G.S. Dyakonov. *Vestnik Kazan. technol.un.*, № 6, pp. 428-433.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 20.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Bazargul Reimbayevna Kurbanbayeva

Nukus State Pedagogical Institute named after Azhiniyaz
Faculty of Turkic Languages, Associate Professor of
the department of Karakalpak Language,
Candidate of Philological Sciences, Karakalpakstan
b.kurbanbayeva@mail.ru

THE FEATURES OF THE USE OF PHRASEOLOGIES RELATED TO THE NORTHERN DIALECT OF THE KARAKALPAK LANGUAGE

Abstract: *In this article, we have analyzed the use of phraseological units in the northern dialect of the Karakalpak language from a linguistic point of view. We analyzed their relation to parts of speech, their use under the influence of other languages, lexical and phonetic variants, synonymous dialectisms by semantics, their use and structure in a variable sense, as well as we tried to show the inherent features of the literary language and spoken language of vernacular of the northern dialect by these examples. We have divided the phraseological units used in the northern dialect of the Karakalpak language into noun, adjective, verb and adverb phraseologisms, depending on their relation to the parts of speech. We also analyzed their use under the influence of other languages (Uzbek), phonetic and lexical variants, the use of words as alternatives and synonyms, two-component, three-component, equal two-component phraseologisms according to its structure, the appearance of phraseologisms in the form of sentences.*

Key words: *phraseologism, dialect, component, synonym, phonetic variant, lexical, structure.*

Language: English

Citation: Kurbanbayeva, B. R. (2021). The features of the use of phraseologies related to the northern dialect of the Karakalpak language. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 729-734.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-77> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.77>

Scopus ASCC: 1203.

Introduction

Language is a complex phenomenon. Language lives in society and constantly develops. Therefore, it requires a comprehensive study. One of the most important issues is the study of dialects of the Karakalpak language, the collection of lexical units in the vernacular, which we have never heard before, their scientific circulation, and their use in our literary language where necessary. Words used in the dialects of the Karakalpak language, in turn, are synonymous and variants of words in the literary language. It is impossible to develop a literary language without studying the spoken language of the people. Because the variety of lexemes used in it enriches our literary language, serves as a main source of it.

Dialectical words have great phonetic, lexical-semantic and grammatical differences.

The Karakalpak language is one of the most studied languages in the Turkic language system today. The Karakalpak language has its own branches.

The branches of phonetics, vocabulary, word formation and grammar were studied in a certain level. One of them is the branch of dialectology of the Karakalpak language. The dialectology of the Karakalpak language is one of the largest. Its two dialects (northern and southern) have not yet been fully studied in detail from a scientific point of view. In the 60s of the last century, a certain amount of complex scientific research work was carried out in this area. During this period, the Karakalpak branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan had a special sector on the history of language and dialectology. This sector has launched several expeditions to collect material from all regions of the country. O.D. Dospanov, T. Begjanov, O. Bekbawlov, D. Saytov, H. Hamidov, A. Niyazov were as part of this expedition. The work of the expedition was carried out by D.S. Nasyrov. Based on the results of the study, D.S. Nasyrov studied and defended his dissertation on the spoken language of the Karakalpak

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

people, O. Dospanov studied and defended his dissertation on Southern dialect of the Karakalpak language in the linguogeographical orientation, T. Begzhanov studied and defended his dissertation on the Vocabulary of Moinak speech of Karakalpak language, O. Bekbaulov defended his dissertation on the phonetic features of the Southern dialect of the Karakalpak language.

And after independence, B. Kurbanbayeva defended her Candidate's dissertation on the word formation and morphological differences in the Southern dialect of the Karakalpak language, S. Shynnazarova defended her Candidate's dissertation on the peculiarities of the spoken language of the Karakalpaks who live in the Kanlykol district, A. Prekeeva on the speech of the Karakalpaks of Kenimekh of Navoi region, M. Kaipnazarova defended her Candidate's dissertation on professional vocabulary of the northern dialect of the Karakalpak language. The linguist who studied the northern dialect of the Karakalpak language, scientist M. Kaipnazarova in her work: collecting the language resources in dialects and speech, words that are not found in the literary language, studying their possibilities to enrich the Karakalpak national literary language is one of the most important issues in Karakalpak dialectology today. It is because she said that the study of any dialect and speech provides valuable information for the study of the history, past and culture of the people. [1-3] And B. Kurbanbayeva wrote in her work: "Language serves for the society. Therefore, it is impossible to understand the history of the development of the language without knowing the history of society, history of the people who speak in this language. [2-6]

Dialect words are not a unit of the vernacular, but a dialect of dialects that are regional manifestations of the vernacular, writes the Uzbek linguist Sh. Rahmatullaev. [3-89]

And in the language there are units that have a compound structure consisting of a sequence of at least two or more lexical units, but are equal with one word in meaning, and are clearly distinguished from free word formations and words (compound words). The fact that they express conceptual, variable, portable meanings and have a figurative nature is a sign of the combination of the combined properties of phraseologies. Phraseologism means other meanings than the components. Thus, units which consist of a fixed sequence of two or more words, and have a different meaning than the meaning of their components, and are distinguished by a stable composition and structure are called phraseologies in the language. [4-10]

In determining the relationship of phraseological units to parts of speech, their initial form and their use in that form are taken into account. The c usually mean something. The following noun phraseologies are used in the northern dialect of the Karakalpak

language: góne koz (Kegeyli), boz bala, birewdin qabırǵası (Kegeyli), soyılma jer (Khalkabad), súrme sóz (Takhtakópir), iyti joq awıl, muz awız (Kanlykol), urı tamaq (Kanlykol), jigít muz, jalǵan turmıs (Kanlykol). For example: 1. Urı tamaq emes. Hesh qanday urlap jemeydi. (He's not thief throat. He does not steal). 2. Muz ustın qızıl suw qaplasa, jigít muzda elgezerdey tesiledi. (When the ice is covered with red water, even the thick ice is pierced) (K.S. Akdarya, p. 139).

In the above-mentioned examples the phraseological units are used in the following sense: góne kóz means people who have seen a lot, lived for a long time, boz bala means an unmarried child, birewdin qabırǵası means branch, soyılma jer means a wet place, súrme sóz - an old word, iyti joq awıl - a graveyard, muz awız - a silent man, urı tamaq - a person who hides something, and eats it, jigít muz - a thick ice, jalǵan turmıs - don't have a baby, be a childless. gibirtha thief.

Adjective phraseologies, on the other hand, refer to various features of a thing. For example, awızı berik (Kanlykol, Kegeyli), bir qabırǵa aǵayın (Takhtakopir), bir baw jantaǵı bar (Takhtakopir), tabı bar (Nukis district), bir betkey (Takhtakopir), bası baylı, tozǵan adam (Kegeyli), qaragıyırw adam (Kazakh darya), erkekke talas, janı azar, shanslıwına soqqı tiygendey, tım-tırtım, tınısı tarılǵanday.

For example: Ha, yaqshı bolıptı – dedi attın dizginin qaǵıp, ozi erkekke talas kelin eken (Ok, it was good, he said, tapping the reins of the horse, the bride is like a man) (K.S. Akdarya, p. 80). – Usı ábisereńligiń bolsa, Jumabay joq saǵan. Ne qılǵan janı azar balasań óziń! Min shanaǵa! (If you have this unease, you don't have Zhumabay. What a person who does not want to be pity you are! Get on the sleigh!) (K.S. Akdarya, p. 123). – Bunnan soń xat uzılıp, tım-tırtım xabar bolmadı (After that, the letter was interrupted and there was no message) (K.S. Akdarya, p. 19).

The phraseologisms given in the examples awızı berik means a man with fasting, bir qabırǵa aǵayın – relative who doesn't take a girl, bir baw jantaǵı bar – upset man, tabı bar - ill man, bir betkey – with one side, bası baylı - a married woman, tozǵan adam - old man, qaragıyırw adam - a dark-skinned man, erkekke talas – woman like a man, janı azar - a man who does not feel sorry for his soul, the phraseologism iyt janlı in the spoken language is synonymous with him, shanslıwına soqqı tiygendey – influence, tım – tırtım – silent, tınısı tarılǵanday - shortness of breath, difficult breathing.

The adverb phraseologies mean quality, quantity, place, time, cause, etc.: tumaw tiygen waqıt (Nukus district), pıshıq ashtı etip ash (Karaozek), tórt ayaqlap (Kanlykol). For example: Men saǵan tiyemen dep turıp alǵan tórt ayaqlap. (I insisted to marry to you).

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

The phraseologism *tumaw tiygen waqit*, which is used in the northern dialect, means the time that is, the time when it is cold in the fall, *pishiq ashti etip ash* – to open a little, *tórt ayaqlap* – insist. The phraseologism *tórt ayaqlap* is synonymous with the phraseologism *taban tirep* in the spoken language.

Verb-meaning phraseologies signify action. In the dialect, verb phraseologies are used productively: *bir dizeden ótiw* (Moinak), *batil bolıw* (to be brave) (Moinak), *batil bolıp ketken* (Moinak), *sawsap ketti* (Khojeli), *sádir salıp jılaw* (Karaozek), *qaraqurım bolıp ketiw* (Kanlykol), *shappa qoyıw* (Shymbay), *zińıt bop ketti* (Khojeli), *mújine bermey otır* (Bozatau), *qusıp ketti* (Nukis district), *qol aldı, ğawlap ketti*, *shabadanın qushaqlap keldi* (Kegeyli), *shaylanıp atpız* (Takhtakopir), *suwap ketti* (Kanlykol), *shaylanıp tur, mush bolıp qalıw* (Takhtakopir).

For example: *Sıyırımı suwap ketti*. (My cow has no milk). *Urısıwǵa shaylanıp tur* (She's ready to fight). *Kóp waqtan berli balıq jemegendiki me, keshegi balıqqa mush bop qaldıq* (We haven't eaten fish for a long time, so we overate yesterday's fish).

Above-mentioned phraseologisms *bir dizeden otıw* means a long time, *batil bolıw* – not to be, *batil bolıp ketken* – to become flat, *sawsap ketiw* – to hurt knee, *sádir salıp jılaw* – to cry loudly, *qaraqurım bolıp ketiw* – hard boiling soup, *shappa qoyıw* – to put immediately, *zińıt bop ketiw* – destroyed, lost substance, *mújine bermey otır* – to touch, *qusıp ketiw* – 1) salinization of the earth; 2) blackening of the milk tea, *qol aldı* – to take a blessing, *ğawlap ketti* – to become fat, *shabadanın qushaqlap keldi* – tabernacle of the bride, *shaylanıp atpız* – *awqatlanıw*, *suwap ketti* – cow has no milk, *shaylanıp tur* – to argue, *mush bop qalıw* – overeating.

Also in the literary works, the author uses dialects in relation to the events described in order to reflect the life of the region, the peculiarities of the spoken language of the people. [5-25]

For example: *Ekewi de ayaq suwıtıw ushın qumını ústine otıra ketti* (Both sat on the sand to cool their feet) (K.S. Akdarya, p. 143). *Bul sóz Qaliylaǵa kúta pesh túse qaldı* (This word was liked to Kalila) (K.S. Akdarya, p. 123).

Also, in the northern dialect, under the influence of the Uzbek language, the phraseologies “*tuwarıp taslaw, qáte qılıw* (to be born”, “to be mistaken”) (Kegeyli), “*shuǵa bas kemiydi*” (Kanlykol), and “*ǵarrılıq gáshtin súriw-ǵarrılıq gárjisin súriw*” (Shomanai) are used. For example: 1. *Ne tuwarıp kettiń be?* (Did you finish?) 2. *Hesh shıdamaydı es zat. Usılargá hesh nárese shıdamaydı. Tamaqqa da, kiyimge de esh shaq kemiydi* (Nothing can be tolerated. Nothing can stand them. Neither food nor clothing can be saved). 3. *Ǵarrılıq gárjisin súrip aturmız* (We are having aging period).

The phraseologisms in the examples *tuwarıp taslaw* – finish, *qáte bolıw* – death, *shuǵa bas kemiydi* –

wear and tear as a result of saving shoes and other items, *ǵarrılıq gárjisin súriw* – to have aging period.

In the southern dialect of the Karakalpak language, the dialectism *buwazaq boldı* is used in connection with the opening of the syllable, the syllabic growth of the crop. B. Yuldashev writes in his dissertation that there are elements of discrimination to some extent in phraseological expressions of dialectical (regional) character. [6-96]

At the same time, there is a phonetic variation in the use of phraseological units. For example, *suwqanıw súymeydi* (Kanlykol) – *suqanıw súymeydi* (don't like), *bir shımtım* (Karaozek) – *bir shımsım* (a little), *erkekke taylas* – *erkekke talas* (woman like a man).

Phraseological phrases that are used in the lexical variant in the northern dialect are very common: *bir shıbınday janım* – (Karaozek) – *shıbın janım kózime kórindi* (to be very tired), *bir kesa shay burınlaw tuwıldım sennen* – *sennen bir kóylek burın tozdırdım* (older than you), *qap taplasqanday* (Kegeyli) – *qap qollasqanday* (a person as a wife/husband), *bel quda* (Muynak) – *aqlay quda bolıw* (engage unborn children), *saralap qaytıw* (Nukus) – *saralap keliw* (Konyrat, Shymbay) (to go toilet), *kózin aqıyıtıw* (Bozatau) – *kózin alartıw, kózin aqshıyıtıw* (to dislike), *tabanı qabarıw* – *tabanı tozıw* (to be tired of walking), *iyańa qara* (Konyrat) – *inińe qara* (stretch your legs towards the bed), *dibıs ayttı* (Kanlikol) – *xabar ayttı* (to tell news about wedding), *sergelden qıldı* – *sergizdan qıldı, sergizdan etti* (to suffer), *tis jew-pánt jew, bir tis jew* (to be lied, deplore), *baxtına kesir bolıw-baxtına qara bolıw* (to be against somebody's happiness), *buzbulaq salıw-bılagay salıw* (to argue with peaceful family), *jırın jırtısıw-jırın jırlaw* (to be one's side, to tell one's word), *jırta qarıs ashılǵan mańnay* – *mańnayı jeti qarıs ashılıw* (to be very happy), *júregi qabızına sıymay-júregi qanasına sıymaw* (to be very rejoiced), *degish qaqqasın* (Moinak) – *dáryanıń degishi qaramasın* (may bad event not be), *ossannan qaldım* (Shomanai) – *wastannan qaldım* (Takhtakopir), *wassannan qaldım* (Moinak, Kegeyli) – *tastastan qaldım, shúyt-shúyt qalıw* (Shymbay), *qumǵa súwret salıw* (Kanlykol) – *uyqılatıp ketiw* (to be lied), *emeshen qurıp* – *emezegi qurıw* – *emeshesi qurıw* (to be have no energy), *dós boyına jatqarıw-dus tómenine jatqarıw* (to lie down) (Khojeli), *saqalım sapsıyıp* (Kanlikol) – *saqalım aǵarıp* (to be old), *bir tala mal* (Konyrat) – *bir pada mal* (a bunch of cows), *iynin basıw-tamırın basıw* (to calm down), *betiń súrteme-betiń kúyik pe* (a man who is shy to go somewhere), *jiptiktey qılıw* (Takhtakopir)-*jibtiktey bolıw* (to bring up), *tıńım qurıp ketti* (Bozatau)-*dińkem qurıp ketti* (to be very exhausted), *tóbesine muz quyılǵanday bolıw-tóbesine suw quyılǵanday bolıw* (to be very upset), *tor etinen ayırılıw* – *sor etinen ayırılıw* (to have nothing), *mańlayı qattı-mańlayı qara* (to be unhappy).

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

For example: Jamal bir-eki jigittiń qaza tapqanın, óziniń házir aman ekenin jazıptı. Ólimdi esitip Qádirdiń tóbesine muz quyılǵanday boldı. (Jamal wrote that one or two young men died and that he is now alive. When he heard of death, Qadir was very upset) (K.S. Akdarya, p. 11). Gúder úzsem ózimde jas nashardıń baxtına kesir bolmay, ruxsat berermen dep jur edim (I thought that if I lost my temper, I would not be against the young woman's happiness, but would give permission) (K.S. Akdarya, p. 25).

In B. Yusupova's work, the phraseology "bir kóylek burın tozdırǵan" is explained as follows: an old, knowledgeable and experienced person [4-16]. B. Yusupova classifies the phraseology of júregi qanasına sıymaw into phraseological units. [4-22] In colloquial speech, there are variants "oqtay boldı, oqtay qıldı" of the phraseology "jibtiktey boldı (to bring up)". And the phraseology of "sor etinen ayırılıw" in the spoken language of the people is used in the sense that there is nothing left.

Dialectical phraseologies are synonymous. M. Kalenderov in his work: The Karakalpak language, like the languages of other related peoples, is one of the languages rich in synonyms. This can be proved by the large number of synonymous lines in the language. [7-3] In the southern dialect of the Karakalpak language the phraseological unit oramal salıp qoyıptı/patiyalanıp qoyıptı (Tortkul, Elliikkala) is used as synonym with "sırǵa salıp qoyıw (to be engaged)" in the spoken language of the people, before the phraseologism "qulaǵın tislep qoyıw" is used in the meaning of this phraseologism.

In B. Yuldashev and D. Yuldasheva's textbook, phraseological units are mostly used in spoken language and in the literary works. Phraseological phrases can be homonyms, synonyms, antonyms and paronyms. [8-76]

Dialectical phraseologies are often used in a figurative sense: atawızın salıw (Shomanai) means to make noise, háwkessin qasıw – to help with somebody's need (Shomanai), talap suwıp qaldı (the end of the work), sózdiń qaytıwı (the proper time of word) (Kegeyli), óli shıray eniw – (to slowness of the gas) (Kanlykol), ish tastaw – (winter isn't cold, or the death of the calf inside the cow) (Shymbay), qazan kótereme (is this fits in the pot), gáptiń utrı (the end of the sentence). For example: Atawızın saldı úyge qaytaman dep. (He makes a noise to return home). Qashan qarasa sol inisiniń háwkessin qasıw júrgeni (Whenever you see, he helped with the need of his younger brother).

In the Karakalpak language, the phraseology of óli shıray eniw is used in several senses. 1) is said in connection with a person; 2) in the direct meaning a person to death; 3) the face of the person run off. In Kegeyli speech of the northern dialect gáptiń utrı means the ending, end, but in the Moynak, Chimbai speeches utrı means the time. For example: keshtiń

utrı (evening time), Nawrızdıń utrı (Navruz time). In B. Tychiboev, K. Kashkiri's works: It is said that the meanings of polysemantic phrases can be distinguished depending on the grammatical nature of the context, in addition to their individual meaning. [9-109]

In terms of the structure the phraseological phrases can be in the form of word combination, simple sentences and compound sentences, and two-component, three-component, equal two-component.

The two-component phraseologies: baqqıǵa jiberiw (to send to the sanatoria or to have a relax), aqlap ketiw (partial grain of the rice) (Kanlykol), qurǵulaq bolıw (to crave) (Moinak), moy bermew (to refuse) (Khojeli), shappa qoyıw (to put immediately) (Chimbai), toq keliw (to be pregnant) (Chimbai), taban jalatıw (to open water to ditch) (Karaozek), salpawsıp ketiw (to be lazy) (Takhtakopir), tezge salıw (to put into order), shaǵılǵan ekenbiz (to be old), dónbey ket (not to change) (Nukis district), kókley erjetiw (to grow up early) (Shymbay), ótlew boldı (die from appendicitis) (Nukus district), tal shaynaw (to change told sentence) (Khalkabad), jorgásın kóriw (to see tea residue) (Bozatau).

For example: Jas jigít shaǵımda maqtanǵanıw emes, ushan qayıqtı súyreytuǵın qarıwım bar edi. Shaǵılǵan ekenbiz. (When I was young man, it's not my proud, had a power to drag the fast boat. We got older) (K.S. Akdarya, p. 82). Direktor mektep balaların kóp jumsay bermeń. Ábzeli oqısın! Kóp moyın artpañ!-dedi. (Don't use the school boys too much! May they study! Do not refuse!-said the director)" (K.S. Akdarya, p. 78).

The three-component phraseologies: irge tası qaldı (fundament left) (Moinak), bókterip taslap jıynaw (to clean the house quickly) (Kanlykol), keń qoltıqqa keliw (to come comfortable) (Takhtakopir), iyshanıw shıǵa bermesin (don't be clever) (Chimbai), qumishım shıǵıp qaldı (a word told when tired) (Nukus), balıq kóz bolıw (raw fea maus) (Karaozek), tisime sızlıq eteyin, ayaqlay almay qalıw (have no time to plant crop) (Moinak), mush bop qalıw (overeat), toylıq alıp barıw (a gift for wedding) (Kanlykol).

For example: Egin egip atır edi ayaqlay almay qaldı. (He could not finish sowing the seed). Kóp waqtan berli jemegendiki me, keshegi balıqqa mush bop qaldıq. (Because of We haven't eaten the fish for a long time, we overate yesterday's fish).

The word girev in the Takhtakopir dialect of the Karakalpak language is used in the sense of this phraseological phrase "toylıq alıp barıw". D. C. Nasyrov, T. Begzhanov's scientific article states that girev (a pledge) is a gift for wedding that is taken to a person's home. [10-59]

The equal two-component phraseologies: qanı qarısıp, eti erisken means lived for a long time, muzǵa jazıw jazıp, kúnge qoyıp ketiw (to lie) (Nukis district). For example: Ulı menen qızı atanıń jaǵasınan alıp,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

qarsı sóylewge iybe etse de, jastan qanı qarısıp, eti erisken qosagı Sarıgúlden tiyisli paygázısın aldı (Although the son and daughter argued with the grandfather and refused to speak against him, received proper prophecy from Sarygul, wife lived with for a long time) (K.S. Akdarya, p. 23). Muzga jazıw jazıp, kunge qoyıp kettiń go, onı qashshan. (you have already lied).

There is also the phenomenon of saving in spoken language. In this case, the components of phraseologies are abbreviated. Abbreviated words save time when speaking and writing. For example, alağoyğa beriw (Khojeli, Nukis district, Kanlykol, Shomanai, Takhtakopir) is to give for permanent using. This phraseologism is written in the form of ala qoyiwg'a beriw in accordance with the spelling rules of the Karakalpak language.

In the northern dialect of the Karakalpak language, phraseological units are used with great differences compared to the literary language. The meaning of phraseological units is sharp, figurative and emotionally-expressive. Therefore, in the spoken language, phraseological units are used effectively. We see that the phraseological units come in the form of noun phraseologisms, adjective phraseologies, verb phraseologies, adverb phraseologies, phonetic, lexical variants, synonym, in portable meaning, also, two-

component, three-component, equal two-component and in the form of sentence depending on their structure.

Conclusion.

In this article, we have studied the phraseological units used in the back dialect of the Karakalpak language, in comparison with the modern Karakalpak literary language, other dialects and speeches of the Karakalpak language, and came to the following conclusion.

The study of dialects of the Karakalpak language [12] is very interesting and important. The use of words in the dialect has its own peculiarities. The words used in the northern dialect are simple and very clear to the local population. Because of this they are created by the people and are actively used in everyday life. Such lexical units in the dialect are used with phonetic, lexical-semantic, grammatical differences. One of them is the phraseological units used in the dialect. The northern dialect is very rich in phraseologies. The dialectic phraseologisms used in it can be studied in detail in terms of semantic coherence, structure, historical origin, stylistic usage, activity and passivity of using, depending on the relation to the parts of speech.

References:

1. Kaypnazarova, M. (2021). *Karakalpak tili arqa dialektiniń kásiplik leksikası (Professional vocabulary of the northern dialect of Karakalpak language)*. Nukus: "Bilim".
2. Kurbanbaeva, B. (2020). *Qaraqalpaq tilinin qubla dialektinde sózlerdin jasalwı hám morfologiyalıq ózgeshelikler (Word formation and morphological differences in the southern dialect of the Karakalpak language)*. Monograph. Tashkent.
3. Rahmatullaev, Sh. (2006). *Hozirgi adabiy uzbek tili (Modern literary Uzbek language)*. Textbook. Tashkent: "Universitet".
4. Yusupova, B. (2014). *Qaraqalpaq tiliniń frazeologiyası. (Phraseology of the Karakalpak language)*. Study guide. Tashkent: "Tafakkur qanoti".
5. Bekbergenov, A. (1990). *Qaraqalpaq tiliniń stilistikası (Stylistics of the Karakalpak language)*. Nukus: Bilim.
6. Yuldashev, B. (2013). *Uzbek frazeologiyasi va frazeografiyasi masalalari (Issues of Uzbek phraseology and phraseography)*. Tashkent: "Muharrir".
7. Kalenderov, M. (1990). *Qaraqalpaq tili sinonimleriniń qisqasha sózligi (Short dictionary of synonyms of the Karakalpak language)*. Nukus: "Karakalpakstan".
8. Yuldashev, B., & Yuldasheva, D. (2015). *Perifrazalarning frazemalar bilan munosabati va ularni o'qitishning didaktik tamoyillari (Relation of periphrases with phrases and didactic principles of their teaching)*. Study guide. Tashkent.
9. Tuychiboev, B., & Kashkirli, K. (2012). *Zominning til qomusi (Zomin's language encyclopedia)*. Tashkent: "Akademnashr".
10. Nasyrov, D.S., & Begzhanov, T. (1962). Taqtakópir rayonında jasawshı qaraqalpaqlardıń tili boyınsha bayqawlar (Analısis on the language of Karakalpaks in Takhtakopir district). *Bulletin of the UzRIAKKF*, №1 (7).
11. Yuldashev, B., & Isroilova, M. (2016). *Ijodkorning ibora qullash mahorati (The artist's ability to use expressions)*. Monograph. Tashkent: "Yangi nashr".
12. Najimov, A. S. (2020). Problems of classification and actualization of social-

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

- political lexics. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 04 (84), 789-792.
13. Shamshetdinovich, N. A. (2020). Changes In The Socio-Political Vocabulary Of Karakalpak Language. *CHANGES*, 7(11). <https://www.jcreview.com/?mno=110575>
 14. Nazhimov, A. (n.d.). *Tyrkij tillerine ortak zhəmiyetlik-sijasij leksika/ Fan va zhamijat*. Nukus davlat pedagogika instituti, (pp. 74-76).

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 21.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Abdullo Abdukhalilov

National University of Uzbekistan

Associate Professor of the Department of Social work

Doctor of Philosophy in Sociology (PhD)

ANALYSIS OF SOCIOLOGICAL CONCEPTIONS OF THE PHENOMENON OF DISABILITY

Abstract: In this article, the author has considered various sociological, philosophical and psychological conceptions of the phenomenon of disability. An attempt is made to consider the peculiarities of understanding the phenomenon of disability by thinkers of the East and West. The author concluded that disability is a complex, multifaceted phenomenon that requires cross-disciplinary analysis. The author also updates the main directions of the study of the phenomenon of disability in Uzbekistan, since, as emphasized in the article, insufficient research is currently being conducted in Uzbekistan in the field of disability and policy, analysis of modern approaches to disability, disability and gender, etc. According to the author, this article in the future can serve as an incentive for the processes of conducting comprehensive disability research.

Key words: disability, stigma, social stratification, atypicality, law, medical model of disability, social model of disability, social space.

Language: Russian

Citation: Abdukhalilov, A. (2021). Analysis of sociological conceptions of the phenomenon of disability. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 735-746.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-78> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.78>

Scopus ASCC: 3300.

АНАЛИЗ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ФЕНОМЕНА ИНВАЛИДНОСТИ

Аннотация: В данной статье автором были рассмотрены различные социологические, философские и психологические концепции феномена инвалидности. Предпринята попытка рассмотрения особенностей понимания феномена инвалидности мыслителями Востока и Запада. Автором был сделан вывод о том, что инвалидность является сложным, комплексным, многогранным явлением, требующее междисциплинарного анализа. Также автор актуализирует основные направления исследования феномена инвалидности в Узбекистане, поскольку, как подчеркивается в статье, в настоящее время в Узбекистане проводится недостаточно исследований в области инвалидности и политики, анализа современных подходов к инвалидности, инвалидности и гендера и т.д. Думается, что данная статья в перспективе может послужить стимулом процессов проведения комплексных исследований инвалидности.

Ключевые слова: инвалидность, стигма, социальная стратификация, нетипичность, право, медицинская модель инвалидности, социальная модель инвалидности, социальное пространство.

Введение

7 июня 2021 года Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН о правах инвалидов. Одним из основных требований данной конвенции является обеспечение безбарьерной среды для всех лиц с инвалидностью. В свою очередь данные процессы требуют проведения исследований в сфере инвалидности не только в архитектурных

барьерах, но и социальных наук, поскольку основными барьерами, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью являются отношенческие барьеры, имеющие сложный социально-психологический характер.

Анализ и результаты

Феномен инвалидности интересовал человека на протяжении всей его истории. Люди

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

всегда задавались такими вопросами, как «Почему мы разные?», «Что делать с людьми, которые по своему внешнему виду отличаются от нас?», «Какое их место должно быть в обществе?» и т.д. Философы, затем уже психологи и социологи пытались дать свои ответы на этот вопросы, в которых отражалось то время, в котором они жили или их взгляды на инвалидность опережали время и сознание общества. Изменение отношения к людям с инвалидностью сопровождалось развитием общества, повышением его правовой, социальной, политической культуры. Исходя из этого можно сказать, что развитость того или иного общества определялось его отношением к людям с инвалидностью, ибо каждый человек является ресурсом развития.

В священной книге зороастризма – Авесте особое внимание уделялось предотвращению инвалидности, а также лечению людей от всяческих заболеваний. В этом источнике описываются основные методы лечения и ответственность врача в обществе. В Авесте отмечается: «Чем лечить инвалидность, лучше предотвратить ее». В свою очередь, предотвратить инвалидность, говорится в Авесте, возможно путем улучшения наследственности. Во-первых, как отмечается в Авесте, молодые люди, решившие построить семью, должны быть здоровыми. Во-вторых, беременным женщинам необходимо есть больше фруктов, мяса, а также все то, что заработано честным трудом. Женщины во время беременности не должны страдать, нервничать, им следует вести размеренный и спокойный образ жизни [1, с.22]. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что инвалидность в Авесте понимается не как греховность, позор семьи, а как заболевание, требующее своего исцеления.

В христианстве трактовка феномена инвалидности имеет неоднозначный характер, поскольку некоторые богословы понимали инвалидность как греховное явление, как наказание человека за его грехи. Но в большинстве случаев в христианстве наблюдается позитивное отношение к людям с инвалидностью. Так, апостол Павел говорил, что «каждый член церкви – это член тела». Именно эта фраза апостола дает нам представление о разнородности общества и о наличии разнообразных функций каждого члена общества, но в то же время о его единстве [2]. На вопрос учеников о причинах болезни Иисус отвечал: «Не за его, не за родителей его грехи попущена сия болезнь, но для того, чтобы на нем явилась Слава Божия» [3, с.154]. Как сказал патриарх Московский и всея Руси Кирилл: «... очень большой вопрос, кто кому больше нужен – мы инвалидам или инвалиды нам? Потому что, взирая на ограниченность человеческих возможностей, не может оставаться

безучастным даже самый черствый человек. Может быть, для того чтобы общество наше не теряло человеческого лица, Господь являет нам Свои раны – в лице людей, лишенных тех возможностей, которые имеем мы. Зрелость общества, уровень его нравственности во многом определяется способностью помогать инвалидам – поддерживать их с детства и до самой смерти» [4].

Большое значение социальной защите людей с инвалидностью придается в исламе. Канонической основой ислама является священная книга Коран, а также Сунна, в которой через хадисы излагаются примеры из жизни Пророка Мухаммада (С.А.В), являющиеся руководством для всех членов мусульманской общины и через них мы можем увидеть понимание инвалидности в исламе.

Так, в 10 аяте суры Корана «Комнаты» сказано:

«Истинно, верующие — братья друг другу...» [5, с.243].

В этих словах изложена главная основа мусульманской уммы, а именно – то, что все мусульмане являются членами единой общины, братьями, независимо от их социального и иного положения, состояния, либо, в том числе, наличия или отсутствия инвалидности и именно этот момент во многом и отличает ислам от других религий, ибо в нем отсутствует стратификация. Кроме этого, взаимоотношения между мусульманами должны строиться на основе взаимоуважения, никто не должен подвергаться осмеиванию и унижению, что особенно важно при том, что люди с инвалидностью сталкиваются с этим, подвергаясь таким образом морально-психологическому давлению. В 10 аяте суры Корана «Комнаты» сказано:

«Верующие! Да не осмеивают мужчины мужчин: может быть, эти лучше тех; ни женщины — женщин: может быть, эти лучше тех. Не бесславьте себя самих: не давайте друг другу унижительных прозвищ. После уверования как неприлично гнусное имя! И те, которые еще не одумались, — те нечестивы» [5, с.243].

Итак, человек есть любимое творение Аллаха, но как же обстоит дело с инвалидностью? Некоторые авторы указывают на то, что центральное место в дискурсе об инвалидности в Коране занимает концепция совершенства с точки зрения ислама [6, с.11]. Однако под совершенством, как мы считаем, здесь следует понимать духовное совершенство, ибо дух есть та нить, через которую человек постигает сущность божества и вместе с тем становится личностью как таковой с присущими ей морально-нравственными качествами. Потому интересен такой пример из хадисов. Однажды к сподвижнику пророка пришел слепой человек,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

лишившийся зрения еще в детстве, и он сказал ему такие слова Пророка (С.А.В.): «Единственным Моим воздаянием для того, у кого Я заберу обе драгоценности, станет рай» [7, с.1/117]. В этом контексте большое значение имеет то, что сказано в 286 аяте суры «Корова»: «Не возлагает Аллах на душу ничего, кроме возможного для нее...» [5, с.61]. То есть, Бог не возлагает на человека то бремя, нести которое он был бы не в силах.

Ислам возлагает на умму долг заботы о людях с инвалидностью, ибо они в равной степени являются членами общины, потому недопустима дискриминация. Так, хадисы свидетельствуют о таком случае: «Жители Медины, до того, как к ним был послан Пророк (С.А.В.), не разделяли трапезу вместе с людьми слепыми, больными и хромыми, по той причине, что слепец не мог видеть хорошую еду, больной не мог усваивать ее так же, как здоровый, а хромым не мог тесниться. Тогда был ниспослан аят, разрешающий совместное принятие пищи: “Нет стеснения для слепого, и нет стеснения для хромого, и нет стеснения для больного”» [8, с.160]. Тем самым, не допускается дискриминация по признаку инвалидности.

Однако же, не только лишь община должна заботиться об инвалидах. Нем меньшие обязательства возложены на государство, что отражено в следующем хадисе:

«Каждый из вас является пастухом, и каждый из вас ответственен за свою паству. Руководитель, находящийся во главе людей, является пастухом и ответственен за свою паству...» [9, с.1/304]. Несмотря на это, человек должен не только опираться на чью-то помощь, либо существовать за счет общества, ибо сказано: «Трудитесь, и увидят ваши деяния Аллах, Его Посланник и верующие» [5, с.172].

Наряду с правом на труд, люди с инвалидностью могут в равной мере со всеми остальными участвовать в управлении общественными делами, ибо сказано в 38 аяте суры «Совет»: «...дело их – по совещанию между ними...» [5, с.398]. Особо значим здесь пример того, что Абдуллаху ибн Умм Мактуму, о котором говорилось выше, было поручено созывать людей на молитву в мечети, а отправляясь в военный поход, Пророк (С.А.В.) возлагал на него обязанности главы Медины [10, с.364].

Таким образом, анализ феномена инвалидности в исламе позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, все мусульмане братья независимо от их социального и иного положения. Дискриминация людей с инвалидностью порицается в исламе и является недопустимым то, что какой-либо человек дискриминировал другого.

Во-вторых, важным аспектом учения ислама является взаимопомощь. Деяния Пророка Мухаммада (С.А.В.) доказывают, что люди с инвалидностью являются такими же членами общества, которые могут принести пользу.

В-третьих, ислам учит людей уважать уникальность каждого человека, ибо каждый является творением Бога. Говоря современными понятиями, ислам призывает к формированию инклюзивного общества, единственное отличие людей в котором не в их инвалидности, а в богобоязненности и поступках.

Исходя из вышеизложенных доводов, на наш взгляд, будет более правомерным назвать данную модель не исторической, религиозной или моральной, а архетипической, поскольку проявление данной модели до сегодняшнего дня наблюдается в некоторых субкультурах. Одной из распространенных сегодня моделей инвалидности, которая преобладает в процессе понимания инвалидности в сознании многих людей, а также в социальной политике тех или иных государства или организаций является медицинская модель. Данная модель возникла в XVII-XVIII вв. с бурным развитием медицинских наук. Она рассматривает психические, физические отличия между людьми в терминах патологии или дефектов. Согласно этой модели, люди с инвалидностью вынуждены выполнять роль больного (концепция Парсонса). По сути это роль социального аутсайдера, которая с одной стороны заключается в неспособности к независимой жизни и отказу от обязательств и ответственности перед обществом, а с другой – выжидание повышения статуса после медицинского излечения [11, с.12].

Согласно медицинской модели люди с инвалидностью не способны выполнять многие функции в различных видах жизнедеятельности, если отсутствуют специальные условия среды. Люди, имеющие инвалидность, обладают меньшей полезностью и производительностью. Для них необходимо создавать специализированные социальные учреждения, обеспечивающие медицинский уход и другие услуги с наиболее тяжелой формой инвалидности [12, с.279]. Исходя из этого мы можем сказать, что в медицинской модели инвалидность рассматривается как патология от принятых социальных норм, а также оценивается с позиций функциональных расстройств организма и неспособность индивида быть полноценным членом общества вследствие определенного заболевания, дефекта или расстройства. Принцип ограниченной полноценности лиц с инвалидностью, заложенная в данной модели, стал основой формирования защитно-оберегающего отношения государства к людям с инвалидностью. Это, в свою очередь,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

способствовало созданию специализированных учреждений и системы социальных льгот, что сопровождалось социальной эксклюзией данной группы населения [11, с.12]. Здесь необходимо отметить, что медицинская модель понимания инвалидности стала неприемлемой прежде всего для самих лиц с инвалидностью, поскольку отличительные черты людей с инвалидностью делают их социальными аутсайдерами и не позволяет им полноценно участвовать в жизни общества.

Несмотря на распространенность медицинской модели понимания инвалидности, еще в Средние века в воззрения мыслителей Востока мы можем увидеть иное понимание инвалидности, характеризующееся рассмотрением людей с инвалидностью как равных субъектов общества и необходимостью по мере возможности включения лиц с инвалидностью в жизнь социума. Так, одним из таких произведений, в котором обосновывается идея о равенстве людей с инвалидностью с другими людьми является известное произведение имама Бурхониддина Маргинони «Китаб аль-Хидоя». Следует отметить, что идеи, изложенные в данном произведении, были признаны многими улемами ислама. По отношению к людям с инвалидностью в данном произведении отмечается, что если человек с инвалидностью совершает, то или иное преступное деяние, то в процессе рассмотрения его деяний необходимо облегчать его наказание. Также отмечается, что «человек, лишенный речи, может вступать в брак, заниматься торговлей, а его жесты приравниваются к речи обычного человека» [13, с.305]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что жестовый язык признается мыслителем как официальный язык общения, которым может пользоваться человек с нарушением речи. Еще один из известных философов Средневековья Абу Наср аль-Фараби рассматривал нравственность, основные правила государственного управления. В своем «Трактате о взглядах жителей добродетельного города» он уделил внимание на права людей с инвалидностью на труд. Он отмечает, что люди с инвалидностью должны обеспечиваться государством. По мнению Фараби, основой любой справедливости является правильное распределение средств. Исходя из этого, отмечает философ, в идеальном городе-государстве не может быть бедных людей, в соответствии с чем, людям с инвалидностью необходимо оказывать помощь из источников государственной казны [14, с.125]. Кроме этого, люди с инвалидностью могут быть привлечены к выполнению полезной работы с учетом их возможностей и способностей [15, с.46].

Юсуф Хос Хожиб в своем произведении «Кутагду билиг» отмечает, что одним из

важнейших качеств справедливости правителя является оказание помощи социально уязвимой части населения, в том числе людям с инвалидностью.

Таким образом, анализ воззрений некоторых мыслителей эпохи Восточного Ренессанса о феномене инвалидности показывает, что лица с инвалидностью воспринимались ими не как класс, имеющий низкий социальный статус в социальной структуре общества, а как уникальность природы людей с инвалидностью. Высказанные ими идеи привлечения лиц с инвалидностью к труду исходя из их особенностей (Фараби), а также признание ими языка жестов в качестве языка общества, который, в свою очередь, наряду с обычной речью имеет равный правовой статус (Маргинони) далеко опередили свое время.

Помимо выше упомянутых моделей инвалидности существует множество других не совсем распространенных моделей инвалидности таких, как реабилитационная модель, экономическая модель, функциональная модель и т.д. Эти модели не получили большого распространения в формировании парадигм и моделей понимания инвалидности. Одной из моделей, благодаря которой интенсивно формируется современная парадигма понимания инвалидности является социальная модель понимания инвалидности. Данная модель рассматривает проблему инвалидности как результат отношения общества к особым потребностям людей с инвалидностью. Согласно социальной модели, инвалидность является социальной проблемой. При этом ограниченные возможности – это не часть человека, не его вина. Вместо того, чтобы обращать больше внимания на инвалидность людей, приверженцы социальной модели сосредотачиваются на степени доступности окружающей среды. Примечательно, что авторство социальной модели (иногда ее называют интерактивной моделью или моделью взаимодействия) принадлежит главным образом самим людям с инвалидностью. Истоки социальной модели инвалидности могут быть прослежены в эссе, написанном британцем, человеком с инвалидностью Полом Хантом, которое было опубликовано в 1966 году и называлось «A Critical Condition» («Критические условия»). В своем труде П.Хант приводил доводы, по которым люди с инвалидностью являлись прямым вызовом обычным западным ценностям, поскольку они воспринимались как несчастные, бесполезные, непохожие на остальных угнетенные больные. Данный анализ привел П.Ханта к выводу, что инвалиды сталкиваются с предубеждениями, которые выражаются в дискриминации и угнетении. Он определил взаимосвязь между экономическими, культурными отношениями и инвалидностью, что

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

является важной частью понимания опыта жизни лиц с инвалидностью [16, с.115]. Исходя из этого в контексте социальной модели инвалидность рассматривается не как медицинское понятие, а социальное понятие. На сегодняшний день одним из фундаментальных документов, отражающих социальную модель инвалидности, является Конвенция ООН о правах инвалидов. В статье 1 данной Конвенции говорится о том, что «к инвалидам относятся лица с устойчивыми физическими, психическими, интеллектуальными или сенсорными нарушениями, которые при взаимодействии с различными барьерами могут мешать их полному и эффективному участию в жизни общества наравне с другими» [17, с.3]. Также в Конвенции отображаются такие фундаментальные понятия социальной модели, как универсальный дизайн, разумное приспособление, ассистивные технологии и т.д. Согласно статье 2 данной Конвенции, разумное приспособление – это «внесение, когда это нужно в конкретном случае, необходимых и подходящих модификаций и коррективов, не становящихся несоразмерным или неоправданным бременем, в целях обеспечения реализации или осуществления инвалидами наравне с другими всех прав человека и основных свобод; «универсальный дизайн» означает дизайн предметов, обстановок, программ и услуг, призванный сделать их в максимально возможной степени пригодными к пользованию для всех людей без необходимости адаптации или специального дизайна; «универсальный дизайн» не исключает ассистивные устройства для конкретных групп инвалидов, где это необходимо» [17, с.3]. Также следует отметить, что сегодня в Узбекистане происходит процесс активного обсуждения по внедрению социальной модели инвалидности. Как отметил президент Республики Узбекистан Ш.М.Мирзиёев в своем послании Олий Мажлису, «в 2021 году еще больше усилится социальная защита населения. Так, предстоит поэтапный переход к соответствующей мировым стандартам «социальной модели» определения инвалидности» [18].

Некоторые специалисты сегодня говорят о появлении новых парадигм инвалидности таких, как технологическая парадигма или парадигма занятости. Полагаем, что говорить о них как о новых парадигмах сегодня очень рано, поскольку в них пока еще не до конца проявляются специфические особенности, а также они не распространены среди общественности. Необходимо отметить, что основными постулатами социальной модели понимания феномена инвалидности, а также роль людей с инвалидностью в обществе были глубоко рассмотрены классиками социологических наук такими как, Э.Дюркгейм, Т.Парсонс, Т.Бурдьё,

И.Гофман. Также, в свою очередь, необходимо отметить, что некоторые предложенные классиками социологии концепции по вопросам инвалидности опередили свое время. В них наблюдается анализ социальных проблем, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью в своей повседневной жизни.

Одним из классиков социологии Э.Дюркгеймом были рассмотрены институциональные и стандартизированные формы социальных отношений, социальные нормы и депривации, социальные институты и механизмы общественного контроля. Именно он впервые использовал для обозначения феномена инвалидности такие понятия, как «индивид с ограниченными возможностями» и «нетипичный человек» [19, с.76]. Как указывает Э.Дюркгейм, трудно решить, какое явление можно считать нормальным, а какое нет, всё определяется конкретной социальной ситуацией, поведением окружающих, конкретным видом деятельности. Обычный человек может в различных ситуациях оказываться в роли человека с ограниченными возможностями, неудачника, не такого, как все [19, с.76].

Ещё один из классиков социологии, основатель структурно-функционального направления Т.Парсонс разрабатывает понятие роли «больного». По мнению американского социолога, в обществе существует очевидный дисбаланс власти сторон, врач находится в доминирующей позиции, а больной, легитимно освобожденный от многих социальных обязанностей, пассивен. Также, по его мнению, рассмотренные закономерности взаимоотношения врачей и пациентов распространяются также на взаимоотношения индивида с другими представителями помогающих профессий – психологами, юристами, педагогами, социальными работниками. Т.Парсонс исходил из тезиса, что болезнь, по сути своей, есть социальный феномен. В этой связи он различал заболевание как неблагоприятное физическое состояние организма и как социальный статус, предписываемый инвалиду. На основе допущения, что оно действительно имеет место, статус же влечет за собой последствия для личности, для той социальной группы, к которой она принадлежит, а также для общества в целом [20, с.30]. Анализируя взгляды этих авторов, можно прийти к тому, что и Э.Дюркгейм, и Т.Парсонс понимают феномен инвалидности как социальное явление, которое по мнению Т.Парсонса, во многом определяет статус той или иной личности либо социальной группы. Если глубже проанализировать концепцию Э.Дюркгейма (нетипичный человек), то мы можем прийти к выводу, что нетипичным человеком

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

может оказаться каждый из людей независимо от наличия инвалидности, поскольку нетипичность в основном определяется той или иной социальной ситуацией, с которой может столкнуться любой человек. Подобные взгляды на феномен инвалидности мы можем наблюдать в теории социального пространства французского социолога П.Бурдьё, который определяет социальное пространство как совокупность распределения ресурсов, отдельных видов капитала, а также совокупность системы оценок, мнений и представлений групп [21, с.25]. Согласно автору, периферии социального пространства составляют социальные объекты, которые не располагают достаточными возможностями для использования ресурсов и поэтому являются уязвимыми до тех пор, пока жизненные стратегии индивида не разрушают сложившуюся совокупность, его положение в обществе не проблематизируется. Однако, как только его практики перестают быть ориентированными на ожидание помощи от государственных структур и демонстрируют стремление к расширению участия в общественной жизни, это сразу позволяет рассматривать человека с инвалидностью как чужого, который переступил пределы социального пространства [21, с.169].

В свою очередь, теория социального пространства П.Бурдьё наводит нас на мысль, что для людей с инвалидностью в процессе повышения их качества существует потребность принятия такой жизненной стратегии, которая позволила бы им расширить свое участие и влияние в социально-политической жизни общества. Полагаем, что взгляды П.Бурдьё по вопросам формирования индивидуальной стратегии носят однобокий характер, поскольку процессы социальной интеграции людей с инвалидностью – это сложный процесс, который требует не только от того или иного индивида или социальной группы с инвалидностью правильной стратегии, но и побуждает общество к созданию безбарьерной среды для людей с инвалидностью. Так, большое внимание созданию безбарьерной среды уделяется в социально-политической модели инвалидности, которая была предложена в 1994 году активистом движения инвалидов в США Х.Ханом. В ней люди с инвалидностью позиционируются как социальная группа угнетаемого меньшинства. Инвалидность, по мнению представителей данной модели, есть не характеристика, присущая тому или иному индивиду, а есть один из компонентов отношения к нему со стороны социального окружения. Следовательно, права и свободы инвалидов ограничиваются внешними условиями в виде недоступной архитектуры, среды, транспорта, суженного круга общения, лимитированным

доступом к различным сферам жизни общества, информации и другим средствам коммуникации. В основе социально-политической теории понимания инвалидности лежат три фундаментальных положения [12, с.282]:

a) большая часть проблем лиц с инвалидностью является результатом существующих в обществе социальных установок.

b) необходимые лицам с инвалидностью условия социального окружения могут быть созданы через реализацию соответствующей государственной политики.

c) государственная политика должна не только отражать принятые в обществе правильные взгляды, установки и ценности, но и предусматривать способы их формирования.

Также необходимо отметить, что в рамках социальной модели большое влияние сегодня имеет культурная модель инвалидности. Данная модель рассматривает инвалидность как процесс формирования самоидентичности, групповую идентичность, позволяющую людям с инвалидностью осознать свою уникальность как особых членов общества, что способствует их сплоченности и формированию социальных аттитюдов, повышению статуса человека с инвалидностью [12, с.282]. На наш взгляд, данная модель не может называться инклюзивной, поскольку в ней большое внимание уделяется на самоидентификацию людей с инвалидностью в формировании их как обособленной группы, что, в свою очередь, может привести их к социальной изоляции, сегрегации и в конечном итоге к привыканию к собственной дискриминации. Моделью, которая способствует формированию инклюзивности в обществе является модель разнообразия. Данная модель базируется на постмодернизме и феминистской социологии и рассматривает инвалидность не как отклонение от нормы, а как проявление разнообразия выражения возможных индивидуальных особенностей вне оценочной шкалы «нормальность». Поэтому социальное окружение должно предотвращать, упреждать попытки относить людей с нетипичным строением тела, функциональными расстройствами к категории ущербных, присваивая им относительно низкий социальный статус условиями, ущемляющими их право, как членов общества или каким-либо иным способом проводить их стигматизацию, проявляющуюся в дискриминации, эксклюзии, сегрегации. Различия же между людьми с инвалидностью и людьми без инвалидности, по мнению представителей данной теории и модели мышления, является лишь некой идеологической конструкцией. Инвалидность, согласно представителям модели разнообразия понимания инвалидности, признает такой же

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

нормой как иной цвет кожи, разрез глаз или религиозные взгляды [12, с.283].

В выше описанных теориях и моделях понимания инвалидности как можно видеть большое внимание уделяется проблемам стигмы лиц с инвалидностью. Именно стигма является тем препятствием, которое ущемляет права людей с инвалидностью и препятствует их реализации их потенциала. Одним из классиков социологии, который фундаментально исследовал вопросы стигм является американский социолог Ирвинг Гофман, который в 1963 году написавший книгу «Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity» («Гофман И. Стигма: Заметки об управлении испорченной идентичностью») [22, р.6]. По мнению И.Гофмана, общество устанавливает категоризацию людей и определяет набор качеств, которые считаются нормальными, естественными для каждой из категорий, социальная среда устанавливает, какие категории возможны в ней. Рутинная практика социального взаимодействия позволяет нам обращаться к незнакомым нам людям не особо задумываясь об этом. При встрече с незнакомцев первое же впечатление от его внешности позволяет нам отнести его к той или иной категории, определить его социальную идентичность. Мы опираемся на эти предположения, трансформируя в нормативное ожидаемое справедливо определяемые требования к другим. Как правило, пишет И.Гофман, мы не осознаем, что составили такие требования, равно как и не осознаем и самих требований пока столкнемся с проблемой их осуществления. Именно в этот момент мы понимаем, что всё время формулировали для себя определенные предположения относительно, каким должен быть данный индивид. Следовательно, наши требования можно назвать «требованиями по факту совершения» [22, р.6].

Таким образом, данный человек превращается из обычного человека в неполноценного, обладающего каким-то дефектом, подпорченного. Подобное качество есть стигма, особенно если речь идет об очень сильном негативном воздействии и порой его называют также недостатком, дефектом, увечьем. Оно образует особый несоответствия между виртуальной истиной и социальной идентичностью [22, р.7]. Отсюда, предлагает И.Гофман, термин «стигма» должен использоваться для обозначения качества, выдающего какое-то постыдное свойство человека, причем характер этого качества определяется не самим качеством, а отношением по поводу него [22, р.7]. Таким образом, отмечает И.Гофман, стигма – это особый отношения между качеством и стереотипом [22, р.10]. В свою очередь, И.Гофман предлагает разделять три типа стигм:

1. Есть телесное уродство, разного рода физические отклонения.

2. Есть недостатки индивидуального характера такие, как слабая воля, неконтролируемые или неестественные страсти, подлые или косные убеждения, бесчестность. О них становится известно, например, из факта умственного расстройства, заключения в тюрьму, отсутствия постоянной занятости, попытка самоубийства, радикальных политических пристрастий, склонность наркотикам, алкоголизму.

3. Родовая стигма расы, национальности, религии, которая может передаваться по наследству и охватывать всех членов семьи.

Однако во всех этих различных примерах стигмы, включая то, что использовали греки, можно использовать одни и те же социологические черты. Индивид, который мог бы легко участвовать в обычном социальном взаимодействии, обладает некоей особенностью, которая навязчиво привлекает к себе внимание и отвращает от него собеседников, тем самым перекрывая путь другим качествам этого индивида. «У него есть стигма, нежелательное отличие от того, чего мы ожидали от его категории людей» [22, р.15].

На ряду с моделями поведения человека, подвергнувшегося стигме, в данном произведении Ирвинг Гофман пытается раскрыть аспекты дискомфорта, которые ощущают люди, имеющие стигму. Он отмечает, что дискомфорт от ощущения собственной беззащитности может возрасти в результате разговоров с посторонними людьми, считающими себя в праве завязать с ним разговор и интересоваться отвратительными с его точки зрения подробностями его существования или предлагать помощь, в которой он не нуждается или которую он не хочет. Можно добавить, что есть классический сценарий подобных распросов («Моя дорогая девочка, откуда у тебя эта болячка?», «У моего двоюродного брата была такая же болячка, так что я всё знаю о вашей беде», «Знаете, я всегда говорил, что люди с такой болячкой превосходно ладят со своей семьей и помогают бедным, родственникам», «Скажи, а как ты купаешься с этой болячкой?»). Все эти «авансы» подразумевают, что стигматизированный человек, к которому вправе подойти с расспросами любой посторонний, достаточно лишь быть доброжелательно настроенным к людям с такой бедой. Зная с чем, он может столкнуться, попав в смешанную социальную ситуацию, стигматизированный человек порой заранее внутренне «съёживается» и занимает оборонительную позицию [22. Р.41]. Также стигматизированный человек, вместо того, чтобы внутренне «сжаться» может попытаться нарочито

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

и грубо бравировать своим состоянием, однако это может привести к тому, что другие в ответ будут вести себя аналогичным образом. Можно также добавить, что стигматизированный человек порою колеблется, выбирая между оборонительной позицией и бравадой, мечется от одной тактики к другой и тем самым демонстрирует один основных способов, при котором обычное взаимодействие лицом к лицу может выйти из-под контроля [22, p.42].

Анализ данного произведения показывает, насколько глубоко вошел автор в данную проблему, поскольку общение с многими людьми с инвалидностью подтверждает те тезисы, которые были высказаны И.Гофманом в его работе.

Ещё одной из фундаментальных концепций, которая не только повлияла на иное осмысление феномена инвалидности, но и внесла большой вклад в борьбу за гражданские права лиц с инвалидностью является концепция независимой жизни, сформулированная благодаря таким активистам, как Э.Робертс, Дж.Хьюман, Б.Уэйт и др. История возникновения концепции независимой жизни тесно связано с борьбой афроамериканцев за свои гражданские права в 1950-60-х годах XX века, так как у них было много общего и прежде всего основные положения, унижающие отношения, основанные на узколюбости, негативных стереотипах, с которыми они сталкивались, добиваясь своих прав получить работу, образование, жилье, пользоваться общественным транспортом. Похожими являются стратегия и тактика. Развитие философии независимой жизни также связано с социально-политическими процессами, которые происходили в Соединённых Штатах Америки в конце 60-70-х годов XX века [23, с.62]. Упомянутые нами социально-политические процессы непосредственно были связаны как с борьбой за гражданские права афроамериканцев, женщин, так и с процессами активизации движений лиц с инвалидностью. Философия независимой жизни в широком смысле представляет собой движение в защиту гражданских прав миллионов лиц с инвалидностью по всему миру. Это волна протеста против дискриминации и сегрегации лиц с инвалидностью, а также поддержка их прав, способности и возможно в полной мере разделить обязанности и радости нашего общества. Философия независимой жизни определяется как возможность полностью контролировать свою жизнь на основе приемлемого выбора, который сводит к минимуму зависимость от других людей в принятии решений и осуществлении их в повседневной жизни. Это понятие включает в себя контроль над собственными делами, участие в повседневной жизни общества, исполнение

целого ряда социальных ролей и принятие решений, ведущих к самоопределению и уменьшению психологической или физической зависимости. Независимость – понятие относительное, которое каждый человек сам определяет по-своему [23, с.25]. В целом независимая жизнь означает право и возможность самим выбирать как жить. Это значит жить также, как и другие или возможность самим решать, что делать, с кем встречаться, куда пойти, будучи ограниченным лишь в той степени, в которой ограничены другие люди, не имеющие инвалидность, что значит иметь право ошибаться также, как и любой другой человек [23, с.20]. В свою очередь, чтобы быть независимым человеку с инвалидностью приходится преодолевать различные барьеры такие, как физическая среда, отношение людей, законодательные барьеры, а также барьеры межличностного характера. Человек с инвалидностью, желающий жить независимой жизнью, всегда должен преодолевать барьеры как внешнего, так и внутреннего характера. Необходимо также отметить, что несмотря на столь широкую распространенность философии независимой жизни, данная концепция преломляется исходя из различных традиций, этносов, менталитета, а также социально-экономической ситуации. Несмотря на плюралистический характер воплощения концепции независимой жизни, необходимо отметить, что именно данная концепция лежит в основе понимания качества жизни лиц с инвалидностью, поскольку именно она концентрируется на выборе человеком с инвалидностью своего пути, своей жизни.

Одним из известных социологов по вопросам инвалидности также является М.Оливер, заслуга которого заключается в обосновании социальной модели, а также концепции независимой жизни. В своих трудах он разделяет понимание инвалидности на две основные модели: индивидуальная модель и социальная модель инвалидности. По мнению М.Оливера, есть два фундаментальных момента, которые необходимо сделать в отношении индивидуальной модели инвалидности. Во-первых, индивидуальная модель локализует проблему инвалидности внутри индивида и во-вторых, видит причину этой проблемы как проистекающую из функциональных ограничений или психологических потерь, которые, как предполагается, возникают из-за инвалидности. Эти два момента, по мнению М.Оливера, являются важным аспектом понимания инвалидности [24, p.40]. Как считает М.Оливер, именно общество делает инвалидами людей с ограниченными возможностями. Инвалидность – это, что накладывает поверх наших недостатков тем, что мы излишние, изолированы, исключены

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

из полноценного участия в жизни общества. Таким образом, лица с инвалидностью являются угнетенной группой общества [24, p.42]. Согласно М.Оливеру, социальная модель не отрицает, что некоторые болезни могут иметь инвалидизирующие последствия и многие люди с инвалидностью имеют различные болезни в течение своей жизни и кроме того врачам может быть вполне уместно лечить болезни всех видов, хотя даже здесь история медицинской профессии все чаще подвергается критическому анализу. Однако, оставляя это в стороне, врачи могут играть определенную роль в жизни лиц с инвалидностью, стабилизировать их первоначальное состояние, лечить любые болезни, которые могут возникнуть [24, p.48]. Очень часто, отмечает социолог, врачи имеют власть, дающую им право определять, где им жить, работать им или нет, в какую школу они должны ходить, какие льготы и услуги они должны получать, а в случае не рождённых детей с инвалидностью – должны они жить или нет [24, p.48]. Однако сомнительны не только решения, которые врачи принимают в отношении людей с инвалидностью, но и то, что они с ними делают. Все медицинские реабилитационные предприятия основаны на идеологии нормальности и это имеет далеко идущие последствия для реабилитации и лечения [24, p.50]. Несмотря на столь тщательный обзор моделей инвалидности, а также вполне логически структурированное обоснование социальной модели инвалидности, на наш взгляд, М.Оливер почти не учел феноменологический аспект переживания самими людьми с инвалидностью их состояния. Скажем, некоторые группы лиц с инвалидностью предпочитают играть больного, имеющего определенные льготы, и предпочитают быть «ненормальными» среди нормальных людей». Эти внутренние переживания самих лиц с инвалидностью вызваны не только нежеланием бороться за свои гражданские права, но и привыканием к стигмам, которые навязывает ему общество.

Классиком, который также рассматривал феномен инвалидности в контексте различных научных парадигм является Т.Шекспир, который в противовес выше упомянутому М.Оливеру, придерживавшемуся в своих концепциях социальной модели инвалидности, подверг серьезному переосмыслению и критике классическую британскую социальную модель. Как отмечал Т.Шекспир, если инвалидность следует понимать не с точки зрения индивидуального опыта, а как продукт структурной изоляции, то число инвалидов больше не имеет значения. Императивом социальных изменений и обеспечения лиц с инвалидностью является устранение экологических и социальных барьеров, а не

удовлетворение особых потребностей инвалидов. Исходя из этого, нет необходимости обследовать ослабленное население, знать в каждой форме есть какое нарушение [25, p.76].

Также, по мнению Т.Шекспира, необходимо учитывать то, что люди с различными нарушениями испытывают специфические проблемы как медицинские, так и социальные. Нелогично думать, что акцент социальных барьеров требует пренебрежения медицинским вмешательством. Наконец, понимание количества инвалидов представляется важным для многих областей социальной политики в реальном мире, бюджетных ограничений, планирования услуг. Например, инклюзивная школьная система должна была бы предоставлять помощников по особым потребностям для учащихся с инвалидностью. Поэтому было бы важно понять, сколько людей могут нуждаться в этих услугах. Полное включение слабослышащих людей в общество потребовало бы предоставления переводчиков жестового языка, потому было бы необходимо знать, сколько слабослышащих людей присутствует в конкретной местности [25, p.76]. Как утверждает Шекспир, инвалидность как ограничение тела, так или иначе играет большую роль в жизни людей. Например, отмечает он, рассмотрим человека с рассеянным склерозом: он может испытывать психоэмоциональные эффекты по ряду причин, боль и страдания от других физических симптомов и ограничений, депрессию как результат неврологического состояния, негативные реакции со стороны друзей и родственников, что вызывает у него гнев и расстройство, а также он может быть огорчен перспективой усиления заболевания, которые ограничивают его жизнь. Это страдание может усугубляться различными культурными представлениями, он может испытывать социальные барьеры, которые делают его жизнь напряженной. У него могут быть и другие причины расстройства, не связанные с социальными барьерами или нарушениями. Например, «его кошка могла умереть» [25, p.76]. По мнению Т.Шекспира, анализ исследований показывает взаимопроникновение понимания инвалидности, а не перспективу развития социальной модели. Он утверждает, что большинство из нас просто не может притворяться с какой-либо убежденностью, что наши недостатки не имеют значения, потому что они влияют на каждый аспект нашей жизни. Мы должны найти способ интегрировать их в весь наш опыт идентичности ради нашего физического, эмоционального благополучия, а затем и для нашей способности бороться с инвалидностью [25, p.86]. Также, как отмечает Шекспир, нарушение, несмотря на различные барьеры, не делает лиц с инвалидностью равными поскольку,

Impact Factor:

SISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

несмотря на сурдопереводчика, слабослышащий человек не может слышать звуки природы, незрячий – увидеть и восхититься той или иной картиной и т.д. [25, p.140]. Универсальный дизайн, как считает социолог, может создать безбарьерную среду, но она может быть не единой для всех лиц с инвалидностью. Например, незрячие люди сталкиваются с барьером, который освобождает инвалидов-колясочников, затрудняет их дифференциацию на дороге и делает их уязвимыми. Люди с инвалидностью, использующие коляску, могут иметь проблемы с тактильным покрытием, которое препятствует им [25, p.140].

Рассмотрение концепции понимания инвалидности Т.Шекспиром показывает, что феномен инвалидности необходимо анализировать не только в контексте какой-либо одной дисциплины, понимание инвалидности имеет междисциплинарный характер, поскольку инвалидность – это не только медицинское или социальное явление, но и психологическое, нравственное явление, требующее особой оценки. Инвалидность – это микро- и макросистемное явление, оказывающее влияние на человека с инвалидностью всю его жизнь. Многие исследователи также обращают внимание на этические аспекты понимания различных моделей инвалидности. Д.Барнбаум в книге «Этика аутизма» утверждает, что «излечение аутизма у взрослых не только не полезно для них, но и вредно. В данном вопросе нет ясности, насколько взрослые люди, у которых никогда не было ни малейшего представления о разуме выиграли бы, приобретя теорию разума в середине жизни. Кто бы они ни были, приобретение разума внесло бы смятение в их жизнь. Исходя из этого, любое предложение изменить мир взрослого с аутизмом с его собственной личностью, убеждениями, предпочтениями значит неспособность признать его личностью» [26, p.233]. Д.Барнбаум убеждена в необходимости сохранить то, что она называет «аутистической целостностью». По ее мнению, «взрослым с аутизмом должно быть позволено прожить жизнь такой, какая она есть. Требуется уважение к жизни, не знающей теории разума и понимания» [26, p.190]. Создавая эту оппозицию между лечением и уважением людей с аутизмом, Д.Барнбаум повторяет многие взгляды сторонников социальной модели инвалидности, рассматривающей аутизм как форму неврологического разнообразия, а не патологии, подлежащей лечению. В этом случае возникает вопрос: исследователь, изучающий генетическую основу патологии, надеющийся когда-нибудь найти способ ее излечения или практикующий врач, оказывающий необходимую помощь пациенту с инвалидностью, разве не могут они уважать его достоинство и личность?

Подразумевает ли поиск лекарств или излечения неуважение к тем, у кого физическое или умственное состояние отличается от общепринятой нормы? Таким образом, вопрос о том, как следует определять инвалидность труден с политической, этической и медицинской точки зрения [27, с.31].

После распада Советского союза страны постсоветского пространства взяли курс на формирование демократического и правового государства, в котором должны защищаться интересы всех людей, в том числе и лиц с инвалидностью. С 2000-х годов в социологической науке, а также в других науках происходит усиление интереса ученых по вопросам инвалидности. Наиболее известными авторами, которые вложили свой вклад в развитие исследований феномена инвалидности мы можем отнести таких ученых, как И.В.Калашникова, А.А.Тринадцатко [12, с.277-288], Е.А.Тарасенко [28], С.В.Нечаева [29], Е.И.Холостова [30], Н.Ф.Басов [31], Е.Р.Ярская-Смирнова, Э.К.Наберушкина [32]. Помимо перечисленных нами авторов мы можем указать еще многих социологов, а также ученых других смежных дисциплин, осуществляющих свою деятельность в исследовании вопросов инвалидности. В целом можно отметить, что многие авторы Российской Федерации и других стран постсоветского пространства обратили свое внимание на такие вопросы, как анализ социальной модели инвалидности, социальной реабилитации лиц с инвалидностью, международный опыт социальной защиты лиц с инвалидностью, проблемы, с которыми сталкиваются лица с инвалидностью и т.д. К сожалению, авторами СНГ мало изучены такие вопросы, как инвалидность и политика, расширение участия лиц с инвалидностью в процессе принятия решений, инклюзивное общество, его основные черты и т.д. В Узбекистане также наблюдается рост проведения исследований в сфере феномена инвалидности как в социологии, так и в других смежных отраслях социально-гуманитарных наук. В этой связи мы можем перечислить таких ученых, как М.Х.Ганиева [33, с.35-45], Ш.М.Содикова [34], Н.М.Латипова [35], А.А.Абдухалилов [36], Узакова З.Ф. [37], Л.Р.Муминова [38]. Здесь мы лишь остановились на работах некоторых авторов Узбекистана, в которых непосредственно затрагиваются вопросы социальной защиты лиц с инвалидностью. В целом многие из исследований, проводимых в Узбекистане, работы в сфере исследования феномена инвалидности в основном посвящены вопросам социальной защиты детей и семей с инвалидностью, социальной реабилитации, интеграции лиц с инвалидностью в образовательный и трудовой процесс. Но сегодня

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

исследователями Узбекистана очень мало внимания уделяется таким вопросам, как обеспечение безбарьерной среды, анализ современных концепций инвалидности, политика и инвалидность и т.д. Между тем, хотелось бы отметить тот факт, что сегодня в Узбекистане происходит тенденция усиления интересов молодых исследователей, ученых к вопросам инвалидности. Думается, что это непосредственно связано с социальной политикой государства, проводимой по отношению к лицам с инвалидностью.

Выводы

Таким образом, рассмотрев различные социологические концепции, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, инвалидность – это эволюционирующее понятие, которое изменяется исходя из генезиса общества. С развитием общества мы можем наблюдать изменение представлений общества, а также ученых на феномен инвалидности. Исторически можно проследить, что отношение к людям с инвалидностью менялось от неприятия к субъектности, от стремления к избавлению от людей с инвалидностью к необходимости обеспечения равных условий жизни.

Во-вторых, инвалидность – это комплексное явление, которое охватывает проблемы человека с его здоровьем, но и социальную инфраструктуру. Именно отсутствие социальной инфраструктуры делает человека с инвалидностью инвалидом, поскольку не позволяет ему жить полноценной, качественной жизнью.

В-третьих, несмотря на признание многими исследователями социальной модели инвалидности в качестве понимания данного явления, мы можем наблюдать различные акценты ученых в процессе понимания инвалидности. Если одни ученые делают акцент на внутриличностных проблемах и переживаниях лиц с инвалидностью, то другие больше сосредотачиваются на социальных аспектах понимания феномена инвалидности. Если одни в процессе исследования феномена инвалидности делают акцент на модели разнообразия, то другие предпочитают анализировать данный феномен сквозь призму культурных различий. Думается, что абсолютизирование какого-либо подхода в процессе понимания инвалидности может негативно сказаться в процессе комплексного системного изучения инвалидности.

В-четвертых, несмотря на развитие исследований феномена инвалидности в странах СНГ наблюдается отставание качества работ в этой сфере, что связано с тем, что темы исследования очень часто повторяются, недостаточно серьезных эмпирических исследований в сфере инвалидности, недостаточной вовлеченностью академической среды в деятельность неправительственных организаций, функционирующих в сфере инвалидности.

В-пятых, как показывает международный и отечественный опыт, развитие академических исследований в сфере инвалидности непосредственно коррелируется как с социальной политикой государства, так и с активностью самих лиц с инвалидностью в процессе повышения качества их жизни.

References:

1. Khomidiy, Kh. (2001) *Avesto va tibbiyot*. Tashkent: Abu Ali Ibn Sino nomidagi nashriyot.
2. Revkov, A. (2015). *Mesto invalidov v hristianskoj cerkvi* Lipetsk: Ekkleziast.
3. (1990). *Svyatoe Evangelie*. Moscow.
4. (2011). Kirill, Patriah Moskovskij i Vseya Rusi. *Zrelost' obshchestva vo mnogom opredelyaetsya sposobnost'yu pomogat' invalidam*. Moscow: Russkaya Pravoslavnaya Cerkov.
5. (1990). *Koran*. Baku.
6. Bazna, M. S., & Hatab, T. A.. (2005). Disability in the Qur'an: The Islamic Alternative to Defining, Viewing, and Relating to Disability. *Journal of Religion, Disability & Health*, №9 (1).
7. (2001). Ibn Hadzhar al'-Askalani. *Fath al'-Bari* Riyadh.
8. (1979). Dzhalal ad-din as-Sujuti. *Lubab an-nukul fi asbab annuzul*. Beirut.
9. (2003). *Sahih Al'-Buhari*. Moscow.
10. (2000). Az-Zahabi. *Sijr alam an-nubala*. Riyadh.
11. Tarasenko, E.A. (2004). Social'naya politika v oblasti invalidnosti: krosskul'turnyj analiz i poisk optimal'noj koncepcii dlya Rossii. *Jurnal issledovaniy social'noj politiki*, №2 (1).
12. Kalashnikova, I.V., & Trinadcatko, A.A. (2017). Evolyuciya social'nyh modelej invalidnosti. *Vestnik TOGU*, №3 (46).
13. (1992). *Muhtasar shariat konunlariga kiskacha sharh*. Tashkent: Chulpon nashriyoti.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 PIHII (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 9.035
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

14. (1994). Abu Nasr al-Farabi. *Izbrannyye traktaty*. Tashkent.
15. Turgunov, M. (2002). *Farobijning adolatli davlat tugrisidagi karashlari*. Tashkent: Akademiya.
16. Holl, J., & Tinklin, T. (2004). Studenty-invalidy i vysshee obrazovanie. *Jurnal issledovaniy social'noj politiki*.
17. (2006). *Konvenciya OON o pravah invalidov*.
18. (2020). *Poslanie Prezidenta Respubliki Uzbekistan Shavkata Mirziyoeva Olij Mazhlisu* (29.12.2020).
19. Dyurkgejm, E. (1995). *Sociologiya, ee predmet, metod, prednaznachenie*. Moscow: Kanon.
20. Braun, j.V., & Rusinova, N.L. (1993). *Lichnye svyazi v sisteme zdravoohraneniya i «kar'era bolezni»*. Sociologicheskoe issledovaniya.
21. Burd'e, P. (2005). *Sociologiya social'nogo prostranstva*. Saint-Petersburgh: Aletejya.
22. Goffman, E. (1963). *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall.
23. (2004). *K nezavisimoy zhizni. Posobie dlya invalidov*. Moscow: Fond «Perspektiva».
24. Oliver, M. (1996). *Understanding Disability: From Theory to Practice*. New York: St. Martin's Press.
25. Shakespeare, T. (2006). *Disability Rights and Wrongs*. Oxon: Routledge.
26. Barnbaum, D. (2008). *The Ethics of Autism: Among Them but not of Them*. Bloomington; Indianapolis.
27. Erohina, L.D., Uryadova, V.V., & Andreeva, I.V. (2019). Eticheskij analiz sovremennyh modelej invalidnosti. *Obshchestvo, filosofiya i kul'tura*, №9 (65).
28. Tarasenko, E.A. (2005). *Gosudarstvennaya social'naya politika v otnoshenii lic s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya: Sravnitel'nyj analiz na primere Rossijskoj Federacii, SSHA i Velikobritanii*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. Moscow: Institut sociologii RAN.
29. Nechaeva, S.V. (2005). *Kachestvo zhizni invalidov v kontekste social'noj politiki. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk*. Saratov: SGTU.
30. Holostova, E. I. (2006). *Social'naya rabota s invalidami: Uchebnoe posobie*. Moscow: Dashkov i Ko.
31. Basov, N.F. (2018). *Social'naya rabota s invalidami: Uchebnoe posobie*. Moscow: KNORUS.
32. Yarskaya-Smirnova, E.R., & Naberushkina, E.K. (2004). *Social'naya rabota s invalidami*. Saint-Petersburgh: Piter.
33. Ganieva, M.H. (2018). Sociokul'turnaya adaptatsiya detej s ogranichennymi vozmozhnostyami kak napravlenie social'noj zashchity. *Obshchestvennoe mnenie. Prava cheloveka*, №4.
34. Sodikova, Sh.M. (2005). *Jamiyatni modernizatsiyalashirish jarayonida keksalarni ijtimoiy himoyalashning sotsiologik tahlili*. Sotsiologiya fanlari doktori ilmiy darajasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. Tashkent.
35. Latipova, N.M. (2020). *Social'naya zashchita detej i semej v Uzbekistane*. Dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni doktora sociologicheskikh nauk (DSc). Tashkent.
36. Abduhalilov, A.A. (2018). *Voprosy sovershenstvovaniya social'noj zashchity lic s invalidnost'yu v processe gosudarstvennogo upravleniya*. Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Social'naya zashchita detej v Uzbekistane: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt». Tashkent.
37. Uzakova, Z.F. (2019). *Alohida ehtiyojli yoshlarning ijtimoiylashuvi, mehnatga integratsiyalashuvining o'ziga xos xususiyatlari*. Sotsiologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori (PhD) ilmiy darafasini olish uchun yozilgan dissertatsiya. Tashkent.
38. Muminova, L.R. (2016). *Social'naya zashchita detej v Uzbekistane: nauka i praktika*. Sbornik statej. Tashkent: Specter Media Group.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 22.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Amanay Tursunbaevna Akmatova

Osh State Law Institute

Candidate of Historical Sciences,

Acting Professor of the Department of Theory of State and Law

Kyrgyz Republic, Osh

INVESTIGATION TECHNIQUE OF ROAD CRIMES

Abstract: Criminal violations of traffic rules are characterized by significant prevalence and increased public danger. Successful investigation of road traffic accidents (RTA), improvement of the activities of the preliminary investigation bodies largely depend on a clear understanding of the most typical conditions and circumstances in which violations of road safety rules most often occur. The forensic characteristics of road accidents resulting from criminal violations of safety rules can be of great help here. A road traffic accident is usually the result of many circumstances that form a set of causes and effects. Establishing the true reasons for the violation of safety rules that led to the accident, and the circumstances contributing to them, is not only one of the important tasks of solving a crime, but also an integral part of ensuring the safety of traffic and the operation of vehicles.

Key words: road traffic accidents, forensic characteristics of road accidents, safety, expert, pedestrian, methods of improving the investigation of road accidents.

Language: English

Citation: Akmatova, A. T. (2021). Investigation technique of road crimes. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 747-753.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-79> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.79>

Scopus ASCC: 3300.

Introduction

Since 2010, there has been a tendency for the growth of road accidents, most of which are caused by the fault of the owners of individual vehicles. Simultaneously, until 2014. There has been an annual increase in the number of deaths from traffic accidents. As for the victims, their number in 2014 compared to 2010 increased by 1.7 times. Killed in accidents on road and mobile roads - 1,022 people (2014), 985 people (2010) [1].

The most typical circumstances contributing to road crimes in a generalized form are: shortcomings in the organization of the movement of vehicles and pedestrians, in control over the technical condition of vehicles, roads and streets; lack of proper traffic supervision by the bodies of the Main Directorate for Road Safety of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic (GUOBDD of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic) [2], the public; shortcomings in the training of vehicle drivers, in the promotion of traffic rules among its participants.

A serious shortcoming is the low level of professional training of employees of the Department

of Internal Affairs, specializing in the disclosure and investigation of this type of crime; one of the reasons is also the lack of a sufficient amount of reference literature on the investigation of road accidents.

For the correct forensic characteristics, it is necessary to determine in what way the accident was committed.

Infliction of grievous bodily harm or death through negligence most often occurs in the following cases:

1) Collision is an accident in which moving vehicles collide with each other or with the rolling stock of railways. This type includes collisions with a suddenly stopped vehicle (in front of a traffic light, during a traffic jam or due to a technical malfunction) and collisions between railway rolling stock and a vehicle that has stopped (on the tracks).

2) Rollover is an incident in which a moving vehicle is overturned. This type does not include rollovers caused by another incident.

3) Collision with a stationary vehicle - an incident in which a moving vehicle ran into a stationary vehicle, as well as a trailer or semitrailer

Impact Factor:

SISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИИ (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

(collision with a suddenly stopped vehicle refers to a collision).

4) Collision with an obstacle - an incident in which a vehicle has run over or hit a stationary object (bridge support, pillar, tree, building materials, fence, etc.).

5) A collision with a pedestrian is an accident in which a vehicle has run over a person or he himself has bumped into a moving vehicle. This type also includes accidents in which pedestrians were injured by the cargo carried by the vehicle.

6) Collision with a cyclist - an incident in which a vehicle runs into a cyclist or he himself collides with a moving vehicle [3].

Hitting a horse-drawn vehicle and hitting animals, as types of road accidents, almost never entail the infliction of serious harm to human health or his death.

Among other incidents, the following can be singled out as the most dangerous: falling of the transported cargo on a person; collision with persons who are not participants in the movement; falling of passengers from a moving vehicle or in the cabin of a moving vehicle as a result of a sharp change in speed or trajectory.

The procedure for recording and registering road traffic accidents is determined by the Accounting Rules. They stipulate that the number of the dead includes people who not only died at the scene of the accident, but also died from their injuries within 7 days from the moment of the road traffic accident. The wounded include all those injured in the accident, who were seriously injured.

Each of the above ways of committing an accident is characterized by an individual set of traces (the mechanism of their formation at the scene), which distinguishes them from each other and from other types of crimes. But the overwhelming number of forensic experts identify the most general list of traces that are typical for almost all road traffic accidents.

A) Traces formed as a result of road accidents of this category and the mechanism of their formation.

For road accidents that resulted in the infliction of grievous bodily harm or death through negligence, both ideal and material traces are characteristic [4].

Ideal traces of a crime are preserved in the memory of a person and are revealed, first of all, by interrogating all participants in a road traffic accident - drivers, pedestrians, eyewitnesses of an accident, other witnesses, the victim (if he survived and, for health reasons, he is able to testify).

Revealing ideal traces can be difficult. For example, the driver of a vehicle is not always, due to the transience of the incident, can recreate a picture of what happened. Realizing his guilt, the driver can distort information, create a false alibi for himself, declare that his car was allegedly stolen long ago.

The victim, due to his injuries and wounds, the unexpectedness of what happened, may not remember

anything at all. And in the event of the death of a person, one of his relatives can be recognized as a victim, who, in most cases, does not have any real information about the causes and conditions of the accident.

Persons who have any information about the crime may be questioned as witnesses. In this case, there may be several categories of witnesses. These are persons who directly observed the course of the accident, persons who were at the time of the crime in the immediate vicinity of the victim (for example, other pedestrians who crossed the street with the victim), persons who are in the vehicle together with the guilty driver or victim (if the data persons themselves are not recognized as victims).

Witnesses can also give distorted information. Witnesses can report: what vehicles were involved in an accident, about the relative position of vehicles and obstacles before and during the incident, about the approximate speed of vehicles, about the behavior of a pedestrian and the place where he was hit, what traces could have been left vehicle, how the drivers of vehicles explained the incident immediately after the accident, etc.

Some people, due to their psychophysiological state (old age, childhood, mental disorders, etc.), do not always adequately perceive the picture of what is happening and may be conscientiously mistaken in the veracity of their testimony. Other witnesses, on the contrary, deliberately give false testimony, in view of material interest (the material rewards promised to them by the guilty or the victim for the so-called "necessary" testimony), or due to the fact that they were at the time of the accident together with the guilty (including in a vehicle), or those who are related to it and other close relationships.

As witnesses, ambulance staff (about the state of the road traffic accident participants at the time of their arrival) or doctors of medical institutions where the people injured in the road accident were admitted (for example, in the case when the victim died in hospital) can be questioned as witnesses.

Eyewitnesses are persons who most often observe the consequences of an accident immediately after its commission (drivers, passing vehicles, as well as their passengers). These persons can explain, for example, how the vehicles were located after a collision or rollover, indicate the location of the corpse after the collision, or confirm that the guilty driver provided assistance to the victim, etc. Also, eyewitnesses can themselves participate in providing assistance to people who have been injured in an accident (they help to get out of the vehicle or take them to medical institutions).

This kind of information can be obtained, if necessary, and, during interrogation as witnesses, attesting witnesses who participated in the inspection of the scene or in the conduct of investigative experiments.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Material traces of an accident are divided into traces [5]:

undercarriage of vehicles,
footprints are objects,
traces of a substance,
traces of damage on vehicles during an accident,
traces of damage on the victim's body.

Material traces of an accident are located directly on the terrain (road, environment) and on various objects (vehicle, victim and his clothes, etc.) and can be found on the roadway, vehicle and obstacle (other vehicle, structure, person).

Material traces characterize the movement of the vehicle and the victim, the place of collision or collision [6].

B). Traces of the vehicle running gear - the traces of the vehicle movement left on the trace-receiving surface (road surface, soil, etc.) as a result of the translational-rotational movement of the wheel. These can be: superficial and volumetric traces, traces of braking, traces of sliding (skidding).

Surface marks are classified into two subtypes: layering marks and delamination marks.

Layering traces most often remain on the asphalt pavement from the wheels of a vehicle that has driven off a country road. In this case, soil particles are transferred by the tire tread to the road surface. Peeling marks are formed by the tread of a rotating wheel on the surface of the carriageway by pulling off particles of the road surface.

Volumetric traces are formed on a soft surface (snowy, country, dirt road, etc.). The tire tread pushes through the soft layer of the roadway, leaving a display in which each protrusion corresponds to a wheel depression and each indentation corresponds to an elevation of the wheel. Surface and volumetric tracks convey the characteristics of the tire with great accuracy, which in some cases allows the identification of a specific tire.

Braking traces ("skid"). Traces of braking are one of the most important objects of analysis in a road traffic accident that resulted in the infliction of grievous bodily harm or death by negligence. Following the traces of braking, the following are determined: the direction of movement and the speed of the vehicle, the stopping distance, the place of collision (collision), the mechanism of approach of vehicles, the path of the pedestrian to the place of collision and other circumstances.

Braking traces are different. These are tread prints, wheel skid marks, or a combination of both.

Braking marks characterize the movement of the car, its technical condition, as well as the actions of the driver. Thus, curvilinear traces of tread marks may indicate that the driver is trying to avoid an accident by maneuvering before braking. The presence of only traces of sliding is a sign of sudden danger or panic action by the driver. The same sign in long tracks may

indicate a high speed of the car, which the driver tried to extinguish by hard braking.

The braking mark looks like a solid black stripe, but sometimes each wheel can leave two narrow stripes. This is because the pressure with which the tire is applied to the road changes in the lateral direction of the contact area between the tire and the road. The side of the tire has a higher pressure than the middle. As a result, the side parts of the tire are worn more and the slide tire leaves two narrow stripes. These tracks are typical for braking a car moving at low speed (up to 40 km / h) [7].

Skid marks (skid marks) can also form when trying to brake on a slippery surface (asphalt wet after rain, icy road surface, etc.).

Dragging marks. Traces of dragging on the road are formed at the moment of hitting the victim by the transport, grabbing clothes by machine parts and dragging it. The place of collision is determined by the traces of slipping of the victim's shoes. In some cases, they make a conclusion about the position of the victim at the time of the collision. So, when walking, a person alternately transfers the weight of the body from one leg to another. At the moment of a collision, pressed against the road by the gravity of the body, the sole of the shoe slides, leaving marks on the road. These tracks are most often in the form of one (less often two) sliding strips 20 - 40 cm long, located parallel to the braking tracks. The severity of shoe slip marks depends on many factors: the condition and type of road surface, the speed of the car, the weight of the victim, the material of the sole of the shoe.

When the clothes are seized by the details of the front and side parts of the car, the victim falls onto the road, and traces of the body being pulled through are formed on it. These traces can be easily traced on a dirt road or on a road surface that has layers.

The body of the victim, thrown away after the collision, leaves extensive traces of dragging, formed due to the disturbance of the layers on the carriageway. They look like wide stripes (up to the size of the victim). Sometimes blood is found in such traces. Dragging marks indicate the direction of movement of vehicles.

The forensic value of the traces of movement lies in the fact that their study makes it possible to establish the type of vehicle (car, truck, tractor) and its brand. Of particular value are the traces left by the tread of the tire, which has characteristic features - damage, wear, objects embedded in the tread pattern, etc. Such traces are of great importance, for example, for tracing a driver who fled from the scene [8].

The study of the tracks allows you to establish the direction of movement of the vehicle.

When determining the direction of movement of a vehicle, one should keep in mind:

- in the tracks of off-road tires, the tops of the corners of the pattern are directed, as a rule, in the direction opposite to the direction of travel,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- splashes of water and liquid mud (when moving over puddles), are thrown in the direction of the wheel forward and to the side,

- dust entrained in the air flow is placed along the track in a fan, opened in the direction opposite to the direction of movement of the vehicle,

- when the wheels of the vehicle run over rods, straws, and other similar objects, they break or bend at an angle open in the direction of movement,

- in the volumetric trace on its side walls, arcuate stripes are formed, going from the bottom upward along the corners facing in the direction of movement,

- drops of oil, blood and water falling from the vehicle will be located along the road in spots narrowing in the direction of travel,

- the bottom of the track sometimes consists of ledges, the gentle sides of which are turned towards the direction of movement,

- pieces of soil are moved by wheels in the direction opposite to the direction of movement,

- the grass is smoothed by the skid wheels in the direction opposite to the direction of travel, a gap is formed on the side opposite to the direction of travel near the stone pressed into the ground by the vehicle.

2. Traces-objects are detached parts and parts of a vehicle as a result of an accident, found at the scene of the accident, which are used to search for the vehicle, its identification, as well as to determine the area of collision, collision.

Objects remaining at the scene can be grouped as follows [9]:

fragments of headlight glass, organic glass and other glass components of the vehicle,

soil crumbled from parts of the vehicle,

wreckage of vehicle parts.

Shards of glass. At the scene of the accident, fragments of glass broken on the car may be found: headlight diffusers, sidelights, bulbs, windshield and side windows.

When investigating collisions, it is important to study the glass fragments of a broken headlight lens. By their location on the road, you can determine the speed of the car, the headlight reflector device, the conditions of the collision and other circumstances. The analysis of the location of the glass shards detection should be considered in two aspects - depending on whether the collision occurred at the beginning or at the end of braking.

When hitting the victim at the beginning of braking, when the speed of the car is still high enough, the glass of the headlamp lens breaks. The car gives the victim's body an acceleration, as a result of which the body "sticks" to the headlight. At this time, the bulk of the fragments is pressed inward. The action of the braking system slows down the movement of the vehicle. The human body, maintaining the acceleration given to it, moves forward by inertia and releases the headlight. Pieces of glass from the

headlight are ejected from the lens by centrifugal forces.

If a collision occurs at the end of braking, when the speed of the vehicle is low, fragments of the headlight glass crumble at the place of its damage, some of the small ones remain in its body, on the clothes and body of the victim, and most of the large ones are scattered on the road.

The windshield is damaged when the victim is hit by the front of the car.

Side windows are damaged if the victim hits the side of the vehicle. In this case, there may be other traces on the glass and its parts: fingerprints, lipstick, blood and other biological substances.

In collisions, at high speeds, fragments of headlight diffusers fly out onto the roadway, and when vehicles are thrown, they can be detected at a certain distance from the collision site.

Fragments of windshield or side windows can crumble, both inside the car's interior and onto the roadway. When a vehicle rolls over, glass shards can be detected at a considerable distance from the collision site.

Sometimes fragments of windshields, side windows, and interior lighting remain in open wounds, on clothes, on the bodies of persons who were in the vehicle at the time of the accident.

As a result of an accident, soil particles may crumble from the bottom and other parts of the vehicle. It can be dust, dry and wet dirt, soil with vegetation elements, wet snow, etc. The crumbling soil particles can be used to determine the place of collision of vehicles or their initial location, in case of a change in the situation at the scene of the accident. Also, soil particles can be found on a corpse or on the body and clothing of the victim.

As the wreckage of vehicle parts found at the scene of the accident, most often those parts that are attached to the outside of the car appear:

- side mirrors;
- antenna;
- additional side headlight;
- door handle (protruding);
- decorative radiator grill;
- spoiler, bumper fang;
- bumper and other details.

Finding them at the scene is of great importance. According to the shape, design and purpose of the part, its type is determined and, depending on this, the model (brand) of the car to which this part belongs is determined in the future. For example, in a collision, it is extremely important to determine from which of the colliding vehicles this or that part has separated.

Traces - substances found at the scene of an accident are: the traces of blood, traces of fuels and lubricants, pieces of paintwork.

Traces of blood. When analyzing traces of blood, it should be borne in mind that they are formed on the road behind the collision site.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИИ (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

The formation of traces of blood depends on whether the victim is hit in a vertical or horizontal position. In the first case, blood is rarely concentrated in one place. In its footsteps, one can trace the place of the initial fall of the body, its movement in the process of throwing it off, and the place of its final stop. Traces of blood, as a rule, disintegrate in the form of separate drops of various frequencies at the site of the initial fall and extensive spots at the site of the final stop of the body after movement. In the second case, due to the significant damage to the body and the abundant outflow of blood, extensive puddles are formed with drips towards the slope of the roadway [10]. When the body is moved again, these puddles have traces of fan-shaped splashing.

Taking into account the shape, size and mutual arrangement of blood traces, the question is being resolved in what position (standing, sitting, lying) the victim was at the moment of the collision.

In the event of a collision of vehicles or an obstacle, traces of blood can be found inside the car (on the seats, dashboard, steering wheel), on the clothes of people in the cabin, on the obstacle.

Also, in such accidents, traces of brain matter can be detected.

Traces of fuels and lubricants (gasoline, oil, coolant, lubricants, etc.) are formed directly at the point of collision with another vehicle or obstacle. They are in the form of puddles or tracks when the vehicle changes its original position in a collision. In the case when the vehicle has disappeared, the direction of its movement is determined by the direction of the tracks or the shapes of droplets of fuels and lubricants. Drops of liquid falling during movement have a pear-shaped shape, their narrow end is directed towards the direction of movement.

Also, traces of fuels and lubricants remain on the body and clothing of the victim.

Pieces of paintwork (paint or varnish on a vehicle or its parts) can be found:

- on the carriageway of the road surface when a vehicle rolls over;
- on another vehicle, in a collision;
- on clothes, the body of the victim and the corpse;
- on poles and fences when hitting an obstacle, etc.

4. Traces of damage on vehicles.

1. Damage to the vehicle in collision and rollover [11].

Vehicle collisions can be classified into oncoming, sideways and passing vehicles.

The practical significance of the classification of the collision marks is that on its basis, with the help of trace information when examining the scene of the accident, it is possible to determine the situation of a collision of vehicles.

Oncoming (frontal) collisions occur in two-way traffic and are the most dangerous, since vehicles are

moving towards them, as a rule, at high speed. It is this type of road traffic accident that has a high mortality rate.

Head-on collisions occur mainly when overtaking, when, due to an incorrect assessment of the road situation, the driver enters the oncoming lane and vehicles are hit by their front parts (in whole or in part). In this case, the deformation of parts occurs: a rupture of the body metal, a break in the fastening of various components (engine, wheel suspensions). These collisions are characterized by the direction of damage along the longitudinal axis from the front to the rear of the vehicle.

Some parts (headlights, sidelights, body parts made of aluminum and other brittle alloys and glass) are destroyed and scattered on the roadway. At the same time, under the influence of deformation, dirt (snow) crumbles from under the wings of the car. The combined analysis of these tracks allows you to determine the location of the collision of vehicles.

The second type of tracks is transverse collisions, which are divided into cross and oblique.

In cross-collisions, vehicles are positioned so that their longitudinal axes make up a right angle or close to it. They arise in a collision, as a rule, at intersections, when exiting courtyards, etc. Collisions often occur at high speed, in places with limited visibility: "closed" intersections, insufficient visibility. This type of collision is unexpected for the driver, who enjoys the priority right of way, as he believes that other participants in good faith comply with the Rules of the Road [12].

Primary impact marks are located on the front of one and on the side of another vehicle. In this case, their repeated collision is possible, because from the impact they rotate around the center of gravity. However, there is less damage from the second collision.

Damaged vehicle parts can leave scratches on the road surface, which determine the movement of vehicles during a collision.

Oblique collisions occur when maneuvering (turning, turning), when one vehicle is moving in a straight line, and the second maneuvers and crosses the path of the first at an angle. The collision angle is generally less than the straight one with respect to the longitudinal axes of the vehicles. Therefore, the damage is located according to the movement of transport (on a vehicle moving in a straight line - on the front corners of the body: on the maneuvering - on the side).

The third group is made up of incidental collisions. They are less hazardous and usually leave only damage to the vehicle.

When overturning, deformation of the roof, pillars, front of the car occurs, transverse breaking of the body, etc.

2. Damage to the vehicle due to collision with a pedestrian or other obstacle [13].

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

When hitting a pedestrian, the following damage to the vehicle is typical:

- broken headlight diffusers;
- damage to the bumper (dents, scratches) or its absence;
- broken windshield or side windows;
- damage or absence of outside rear-view mirrors;
- damage to body parts (pillars, doors, fenders, hood, etc.).

Also, particles of the victim's clothing or particles of the obstacle substance remain on the vehicle.

5. Traces on the corpse, clothes and shoes of the victim. The corpse, his clothes and shoes are described in detail during the inspection of the scene. Bodily injuries are described in detail by nature, condition. Open wounds are subject to examination in order to detect foreign bodies in them. In this regard, wounds on areas of the body unprotected by clothing are of great importance, in which there may be particles of paint peeling from the car, which make it possible to identify the car.

Damage to the corpse and the victim is divided into: received inside the passenger compartment of the vehicle, collision damage.

Damage received inside the vehicle interior can be in the form of:

- open and closed craniocerebral trauma, cerebral hemorrhage,
- bruised wounds and fractures of the frontal part of the head, bones of the nose, jaws, bruises on the face, blunt injuries and fractures of the chest, fractures of the femur and lumbar spine, due to impact on the steering wheel, dashboard, front seats,
- abrasions and tears of facial tissues, cuts from broken glass,
- crushing and tearing of abdominal tissues of internal organs, hemorrhages in body tissues and internal organs.

Collision injuries can also be fractures of all types of bones, tears and crushing of tissues and organs, tears of body parts.

It is extremely important to study the traces formed on the victim's clothes, which makes it possible to find out the behavior of the victim at the time of the collision or collision of vehicles, and to resolve the issue of the border of the territory to be inspected.

The great importance of marks on clothes is due to the fact that it is she who is the object that first comes into contact with the car and the road surface. The marks on the clothes and on the victim's body are interconnected. The location of the marks on the clothes corresponds to the injuries on the corpse.

Damage to clothing occurs as a result of a direct and sliding impact by the front wheels of the vehicle and sliding of the body along the roadway. Impacts with parts with flat surfaces at right angles (direct

contact) entail crushing the threads, sometimes transferring the shape of the trail-forming surface.

The sliding impact causes individual strands to break or significant fabric tears from sharp-angled details. The shape of the break depends on the nature of the interlacing of the warp threads. With a sliding impact of a car moving at high speed, particles of pile tissue can be found on its parts.

When clothes are moved by the wheels of transport, both the tearing of the threads and their crushing occur.

By the nature of the damage to the clothes, the surface of the car that was in contact with the clothes, the mechanism for the formation of marks, is determined. So, when the victim's body slides on the carriageway, extensive traces are characteristic in the form of folds of worn tissue, which alternate with its intact sections. The folds are smoothed in the opposite direction to the sliding of the body.

Pieces of car paint, shards of glass, dust often fall on the victim's clothes. These particles can be found on the surface of clothing fabric, in folds, seams, pockets. So, traces of paint layering appear, as a rule, with a sliding impact. The mechanism of their formation is explained by the fact that upon impact, due to friction of clothing and painted parts of the machine, the paint heats up, and its particles are transferred to the clothing. Layers of paint on clothes are pronounced or subtle in the form of transverse, parallel stripes.

Clothing may have traces of "metallization" formed when it comes into contact with the chrome parts of the vehicle.

The victim's footwear retains traces of interaction with the road surface. The study of these tracks is necessary to understand the collision mechanism. Traces in the form of tears and scratches are usually formed on the victim's shoes. When the vehicle wheel hits the foot, the shoe head is crushed and rough tears occur. Deformation of the shoe occurs in the direction of movement of the vehicle. Characteristic marks are also formed on its sole in the form of parallel rectilinear or arcuate scratches. The study of these traces allows you to determine the nature of the victim's movement, as well as the direction of movement of the car at the time of the collision.

Great forensic value have traces that have arisen on objects that were with the victim: a bag, a briefcase, a suitcase, etc. They are formed as a result of contact of these objects with parts of the vehicle and have the character of surface damage or destruction. In turn, the objects of the victim leave traces of layers, dents, scratches on the vehicle [14].

The forensic value of the traces formed as a result of the interaction of the victim's objects with vehicles is that with their help it is possible to establish the fact of a collision with a person, determine which part of the blow was struck, the position of the victim

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

at the time of the collision, and also explain the nature and mechanism bodily harm.

Knowledge of the mechanism of the formation of tracks as a result of a road traffic accident allows you to correctly simulate the incident and collect the

largest amount of information useful for the investigation. This classification of ways of committing an accident that can lead to serious harm to health or death through negligence is highlighted by all criminologists.

References:

1. (n.d.). *National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic. Crime and law and order in the Kyrgyz Republic*. Retrieved from <http://www.stat.kg/ru/publications/sbornik-prestupnost-i-pravoporyadok-v-ky>
2. (n.d.). *Regulations on the Main Directorate for Road Traffic Safety (GUOBDD of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic) of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic*. Retrieved from <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/12027?cl=ru-ru>
3. (n.d.). *This classification of ways of committing an accident that can lead to serious harm to health or death through negligence is highlighted by all criminologists*.
4. Belkin, R.S. (2004). *Forensic textbook. 2nd edition altered, revised, and add.* Moscow: Publishing house "Norma".
5. Zuev, P.M. (1990). *Accident investigation technique. Tutorial.* Moscow: Moscow.
6. Zavidov, B.D. (n.d.). *Ph.D. member of the International Union of Journalists of Russia, winner of the medal A.F. Horses*.
7. (1983). *Comprehensive technical and traceological research of car parts. A guide for experts.* Resp. ed. G.L. Granovsky. Moscow: Moscow.
8. (2004). *Investigation of road accidents (General and specific provisions, specifics and innovations). Information and legal system "Garant"*.
9. (2004). *Investigation of road accidents (General and specific provisions, specifics and innovations). Information and legal system "Garant"*.
10. (1986). *This feature is characteristic of bias tires. Zuev P.M. Tactics for inspecting the scene of a road traffic accident: Textbook.* - Moscow.
11. (1983). *Comprehensive technical and traceological research of car parts. A guide for experts.* Resp. ed. G.L. Granovsky. Moscow: Moscow.
12. (2003). *Investigation of road accidents.* Under total. ed. V.A. Fedorova, B. Ya. Gavrilov. - 2nd ed., Rev. and add. - Moscow: Publishing house "Exam".
13. (1996). *Forensic Medicine. Textbook for universities.* Under total. ed. Doctor of Medical Sciences, Professor V.V. Tomilina. (p.370). Moscow: INFRA.M - NORMA.
14. Ermolovich, M.V. (2001). *Expertise in cases of road accidents.* Tutorial. (p.233). Moscow.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 22.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Normat Temirovich Yuldashev
Termez State University
Associate Professor
Candidate of Philological Sciences
yuldashevn@tersu.uz

INTERPRETATION OF TRADITIONAL IMAGES IN CHULPON POETRY

Abstract: In this article, the poetic interpretation of the images of flowers, nightingale, moon, sun, night, road, passenger, which are actively used to illuminate the skills of the Abdulhamid Chulpon. The fact that these images were a tool in the expression of the Chulpon aesthetic ideal was put in the center of the analysis by the researcher.

Key words: image, flower, nightingale, moon, sun, night, road, passenger, sweetheart, tradition, innovation, lyrical hero.

Language: English

Citation: Yuldashev, N. T. (2021). Interpretation of traditional images in Chulpon poetry. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 754-758.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-80> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.80>

Scopus ASCC: 1200.

Introduction

The role of emblems such as the traditional Flower, Nightingale, Moon, Sun, Night, Road, Passenger in the poet's poetry plays an important role in illuminating the poetic skills of the Chulpon. In genealogical works, in principle, there are two: botini and zohiri. An apparent and chosen concept that gives a certain form to the work, the side of the botini based on the signs. The same principles are observed in the poems created by the poets of DJadid, including Fitrat, Chulpon, Botu, Elbek with the images of flowers and nightingale. It was used in classical poetry as a flower - sweetheart, as a nightingale - valentine. Mirza Bobur's:

Сен гулсену мен ҳақир булбулдурмен
Сен шуъласену ул шуълага мен кулдурмен,
Нисбат йўқтур деб интижоб айламаким
Шаҳмен элга, вале сенга кулдурмен –
in ruboyi it is similar to a nightingale, a gloomy
flower. Chulpon, who used tradition creatively:

Унинг гулзорида булбул ўқиб қон айлади
бағрим,

Кўзимдан ёшни жў айлаб, аламлар ичра
қотдимку -

just like the dactylic finished. But the creative
person can also create a personal symbolism,

influenced by the reality of the social environment at
the request of symbolism. Below we observe that the
image of a flower in the Fitrat, Botu, Chulpon is used
in a different sense:

On Fitrat :

Ҳақсизлик шаҳрининг қон ҳидли йили
Армоним гулидан бир япроқ узиб,
Баҳорсиз гулларга совуриб туйди,
У қон япроғим сўлиб-сарғайди...

"Looking for the Behbudi feretory" [1]

On Botu :

Кўксингдаги эрк чечагин бой бериб
Эрга билан мотам гулин тутарсан.
Қўлингдаги бахт чолгусин синдириб
Қайғу-алам ўчоғида ёқарсан...

"For Uzbek girl" [2]

Chulpon :

Азиз отам қўлимдаги гулларнинг
Мотам гули эканини билмайсан.
Шодлик гули кўпдан бери сўлганин
Ер остида пок руҳингла сезмайсан...

"In memory of Mahmudkhudja Behbudi"

Although harmony in nature and the human
psyche, as a Flower - symbol, forms the essence of
divine unity, in addition to the polyphonic character in

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

the above fragments, has become an important means of illuminating the period tragedies...

Analysis of Subject Matters

In the valentine of the rose - in nightingale, Chulpon promotes its conception of freedom, liberty. Hazrat Navoi's "the Unseen suction of pride..." "the famous rubois beginning as" the gift of the bird", created in harmony with the spirit of the musad of the Furqat "Saying kuyaver Sayyad", was the reason for the debated discussions by the munakkids in their time. Ayn wrote: his (Chulpon's-N.Y.) to understand the idea, it is enough to read the poem "The Gift of the bird". This poem is dark, cynical, for its symbolic (symbolism) writing. He said: "We are free from the grip of revolution, we have our own dwelling (nests). But we could not use it, we held our reinsurance in the hands of those colonialists again. Our dwelling, a lot of mentality (scam) is spent and put in the car. The grain holder has small holes in it. That's how we are deceived," he says. And if we make this more clear and say with the language of Vadud effendi, one of the muhibs of the Chulpon: "we are a toy in the hands of the Russians. It turns out that" we have to go ahead and do everything " after Moscow ordered. That's what the content of the "bird's apprehension" consists of. [3] Munaqqid is right from their ideological point of view. The truth of the poet is evident in his attitude towards the traveler, who has fallen from the nest of the bird poor and has suffered a cataclysmic disaster;

Куш бечора кўрадиким уясидан айирғайлар,

Уясидан айирмоқла қанотини қайирғайлар.

Майда симдан силлиқ қилиб, моҳирона тўқилган бир

Қафас топиб, дарчасини очиб дерлар «Масканга кир».

From the picture it is clear that in the pronoun of the poor bird's parting from the nest, the wingspan of the wing, the band is expressed passion, the motives of masculinity. Of course, he did not enter this camp with his freedom, included. So the environment is subordinated to the male. Given that the poem is written after the "Somon parcha", one can feel that the poet is still in the spirit of surrender, in the mood.

There will be no other dream of freedom than "a bird that lives in a dream of forests". Freedom is the ideological limelight of Chulpon. Chulpon sees himself in the image of a bird "beating his weak body on the walls", full of soft flesh and blood. The whole consolation of the bird is that it is full and shallow. The whole manifestation of the poet is burning and burning. The botini intention of both the bird and the poet is one:

Унинг бутун тасаллиси тўлиб-тошиб сайрамоқдир,

Кўм-кўк дала ўрмонларни эслаб-эслаб йиғламоқдир...

The principles of explaining mental suffering in the image of a bird are also three in the creativity of the contemporaries Magjon Jumaboy, Botu and Elbek of the Chulpon. For example:

On Magjon:

Булбул куш! Кўзимда ёш, дилимда ўт
Тўлиб, мен сенга келдим, ичимда чўғ.
Дардима сенгина дармон бўларсан,
Бошқадан аниқ билдим, ҳеч фойда йўк...

"Nightingale"["Bulbul"] [4]

On Botu:

Мунгли булбул, сўйла менга нечук сен
Кетмакчисан, ташлаб гўзал боғларни.
Қандай ёвуз булбулсенким тинмай
Ханжарлайсан кўксимдаги ярамни...

"To what place"["Qayong'a"]

On Elbek :

Тинмай тун-кун гул шоҳида сайраб турғон
Мунгли куш,

Айтчи, сенинг сайрашингни гул ҳам бироз
сезарми.

Сезган чоқда сенинг шундай қизғончили
ҳолингга,

Кўмак этиб эсларидан бир озгина шошарми...
"Nightingale" ["Bulbulg'a"]

it seems that the image of the Nightingale in the images is a sign of the grief and longing of the nightingale, who is leaving the beautiful gardens in the essence of the gift of mung's quality. For the lyrical hero, the nightingale's mistress is called - "to slice, wound the wounds on the chest with a dagger." Magjon, Botu and Elbek train these motivations of the Chulpon :

Шу юлинган парлаингла учолмассан йўқсил
куш,

У умидлар ҳавосидан энди бироз тубан туш...
synchronized with strings. After all, Chulpon "paradise-like gardens" bulbul is free shield", "mountains like the sky without slaves" sees the bitter fate of the children of the nation, scattered on all sides in the image of the gloomy image of the dead. In general, in the poetry of Chulpon, the nightingale is a "symbol of wise and just people, whose right is bound".

A. F. Losev writes that" if anyone in the future talks about the color and flowers in nature or the mythology of a certain landscape of nature, then first of all, what this mythology gave to art, it should be checked", - [6]. For example, in some mythologies the Moon is given in the image of the evil Night Queen - Gekata. In Pushkin, the moon is the queen of the evil night. He disturbs the poet. The poet's attitude to him is cynical. Behind the moon-invisible curtains, but the movements are fast, furious. In Tyutchev-the moon-god, genius, the divine power that gives rest to the soul, but sleepiness, excitement.

In the eastern poetics it is expressed in the image of a love dagger, which wounded The crescent - sweetheart eyebrows, the full moon - valentine faces,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

the golden sickle of the moon - sweetheart hajr a burnt valentine heart. For example, Navoi's:

Сабр кўнгилда, кўнгил ул ойда, ул ой кемада,
Ваҳки, бориб термулиб кўз мунграйиб жоним
колур –

the couplet is given in the image of the moon - lover. Chulpon says "there is no fidelity in the light of the months". Therefore, he will be disappointed in him, but the poet, knowing that the moon is not his fault, will be kind to him. Peach sees his reflection on the face, and sows. From the hair of sweetheart wants the rays of the full moon to kiss at dawn. But the faces of the moon were covered by a black cloud of moistured winter. Therefore, the moon, which heard the arrival of spring, "came to the eyes as zamharir age". In Chulpon there are such synonyms as the moon: full moon, red moon, white moon. But for the poet in a dream is a red moon:

Бир йилдирки, кўк юзида туғилди,
Қизил қонлар орасидан қизил ой,
Бир тарафдан қаҳр, зулмат қувилди
Шаркни яна ул қизил ой қутқорғай...

«Қизил байналмилал» [“Red international”]

The poet, who was under the influence of Ejen Poten "Baynalmilal" ["International", embodied the unity of the Eastern nations, crushed in the image of the "red moon". These motives in Chulpon poetry can also be observed in the creativity of his contemporaries Magjon Jumaboy. The sun is shining, and the stars are shining in the sky, on which the dark wings spread. The poet imaginary, who sees the moon in the soul mahram from the window of the black house, yearns with him:

Қайғули ой, менда сенинг қайғунга ўртоқ,
Менда-да бурун бор эди тож билан тахт,
Ёш эдим, ялинди эдим, ботир эдим,
Қўлимга қўниб эди у ёқут бахт...
Мана энди камадилар тор ўнгулга
Муниси кўмгай энди тирик гўрга.
Меҳрли ой, мени ёнингга олгин,
Бўлайлик икки мунглик бизлар бирга... [7]

«Ойга» [“To the Moon”]

The image gives a sad impression on the reader as a "witness", who sees all the sights in the moon - floor. The use of epithets "sad", "elegiac" in relation to the Moon also symbolizes an imprint of "insulting language", which is not accidental.

Everyone goes through a certain path of perfection in life. This is to some extent the way in which a person perceives himself, the way in which his worldview is formed. In tasavvuf literature, this path is called - "the path of love, the path of mystery, the path of freedom". [8] a person who has suffered hardship and maths in this way, and has fulfilled his deeds, only conquers his enlightened addresses and achieves the rank of perfection. In the creativity of Chulpon, which is well aware of both secular and mystical literature, we encounter various interpretations of road and passenger images.

Research Methodology

It is known that Chulpon entered the literary process through Djadid literature. He breathed his air. At the age of seventeen, he became a zealous promoter of literature with the article "Adabiyot nadir" ["What is literature"], which he wrote. The nation saw the path leading to enlightenment and truth in literature. That's why he lived with the desire to create new literature from the very first period of his creation. When we observe the literature-theoretical and publicistic articles of Chulpon, we understand the suffering of the passenger suffering from "yo'lsizlik" ["roadlessness"]: "Let me tell a little about my own corruption: I read Navoi, Lutfi, Baykara, Mashrab, Umarchan, Fazli, Furqat, Mukumi: the same, the same, the same! The dream is another thing – looking for news! I read Botu, Gayrati, Altai, Oybek, Julkunboys, it's just a pleasure! Even if they are burning lights for me, for my sooner! Avlani, Tavallo Siddiqui and Hakimzade, I do not read, those who put me in this state!!!". [9] Deeply realizing that "the young really luscious of the east, who remained between the old literature and the new literature, is in a situation", Chulpon sought a way to world literature, without degrading the creativity of classical poets. For the same reason, he turned to Tagore. Our common goal was to publish three articles about "the Golden Bridge" between Eastern and Western literature – great indian literature, and to enjoy Uzbek readers with his works. Chulpon thus encouraged the younger generation to take advantage of the vast opportunities of world literature. As the teacher Ozod Sharafiddinov reasonably pointed out: "unfortunately, both in 20 years and in later periods, this cry of Chulpon did not reach anyone's ears. Because the literary policy carried out in the years of soviet power - rather than creating truly samples of art-was aimed at turning writers into faithful soldiers of the ruling ideology. [10]

In the prose and poetic works of Chulpon, we also meet heroes who set out on a journey in search of knowledge. The hero of the story "Do'xtir Muhammadyor" ["Doktor Mukhammadyar"] is in foreign lands in search of knowledge. As a result of this, they lead a happy life. Miryakub, the hero of the novel "Kecha" ["Yesterday"], also meets jadid on a trip to the Crimea. Djadid has a positive impact on his outlook. In addition, "Йўл эсдалиги" ["Road memorabilia"], "Вайронлар орасидан" ["Among the ruins"], in their travels, also portrays the gloomy landscapes of the country as Chulpon – tourist.

In the poetry of Chulpon, the road, the passenger's images rose to a separate system level. The lyrical hero, shot to glory with noble intentions, great deeds in his heart, passes through vast deserts, seas to unravel the old thicket of the east:

Йўлимизда чўллар, сувлар, денгизлар,
Босувчисин таниб бўлмаслик излар,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Шул изларни босиб, денгизлар кечиб

Буюк амал билан борамиз бизлар.

Юракдаги сақлаб юрган амаллар

Йўллардаги денгизлардан улўғроқ.

Эзилганлар тилак тилар бу йўли

Бурунгидан тўлуғроқ.

Маҳкам қилиб боғланган камарлар!

– Тезрак!

– Қанот!

Қушлар янглиғ учайлик

Кенг чўллардан, денгизлардан кечайлик.

Шаркнинг эски чигалини ечайлик.[11]

A great deed in the eyes of Chulpon – a greater goal than the seas on the roads – to unravel the old thicket of the east. The heart of the lyrical hero is so filled with the hope of unraveling the “Эски чигал” [“old confused”] that he is even ready to fly with wings tied. Because the opening of the “эски чигали” [“old confusion”] of the east is the original provision of the passenger. From the text of the poem it is also understood that the arrival address of the lyrical hero is one – “the road to wish the oppressed” – the road to independence.

In the poetry of Chulpon, the traveler develops on the basis of a certain evolutionism. This is a process associated with the concepts of the environment, space and time in which the poet lived. It is known that Chulpon lived all his life with the dream of independence. Unfortunately, the suppression of the autonomy of Turkistan, the defeat of the national independence movement turned the noble dissatisfactions of the poet into a mirage. In this respect, in the poems written by the poet in his 20-ies, the spirit of depression, melancholy, takes precedence. In the poem “Юпанмоқ истаги” [“The desire to relax”], written in 1922 year, we observe such spiritual suffering:

Чарчаган йўловчи йўлдан адашса,

Текис йўл қолса-да тоғларни ошса,

Йўлни кўрсатувчи юлдуз-да қочса,

Шунда юпатгайми яланғоч чўллар? [12]

Analysis and results

Of course, the life of the poet was not free. The blame stones poured on his head, the transformation of noble deeds into mirage – the crossing of the pathways of the passenger's desire, sometimes the escape from him in the direction of the star causes the lyrical hero to seek comfort in life. "I do not know who comforted my heart?". The answer to this question,

which is given in the first verse of the poem – is quoted in the last verse. “Чақмаса гугуртни асл ўғуллар” [“Original sons of matches without bites”] - the soul does not relax.

The critic scientist of Chulpon D.Kuranov thought about this subject, comes to such a conclusion: "it is necessary to think about it..." Even in a series of poems of the steppe, such as "Юрт йўли" [“Motherland way”], "Ишқ йўли" [“The way of Love”], "Меним йўлларимда" [“On my way”], "Уч-тўртта юлдуз" [“Three-four stars”], "Созим" [“my music”], the path motivation is now. A generalizing aspect of their bar is that the passenger – lyrical hero who set out has a specific address: he wanted a sweetheart, either a valentine set out in anticipation of a star; when the hope of getting to the lover is cut off or the star is dimmed, the passenger is put on the middle and vice versa. It can be said that in the poetry of the steppe, the image of "road" is interpreted as a symbol of the struggle for the goal – national freedom and development...". [13]

The lyrical hero of the poet sought his own way all his life. In his heart, the desire to always walk the way is boiling. Abdurahman Muftizoda wrote on his soul in the poem "Улуғ йўловчига" [“To the Great passenger”], "Бироқ қайтмоқ йўқдир тушган йўлингдан" [“But, no return from your fallen path”], “Меним йўлларимда” [“I am on my way”] in the poem "the desire to walk the way in my heart is boiling", it is possible to know from such lines as, looking for the essence from the social system in which injustice reigns, "the path of truth, of course, that is.

There is a soul in the words of the lyrical hero of the Chulpan of D. Kuranov "either lover wanted sweetheart, or valentine wanted a star." The famous work of the poet "Stepped as a kalandar the world" in the "Kalandar ishki" couplet also reflected the suffering of Valentine, burning with the work of independence. In addition, two pseudonyms of the poet are connected with the concepts of the road, passenger, passenger. Road and passenger images in the creativity of Chulpon are considered one of the important symbols of a deeper understanding of the poetic world of the poet.

In general, traditional emblems used in the creativity of jadid poets, along with the expression of the concept of creativity, as a purely aesthetic phenomenon, are an important tool in revealing the poetics of the poet.

References:

1. (1922). *Ўзбек жаш шoirлари*. (pp.18-19). Tashkent: Ўздavnashr.

2. (n.d.). *Ўзбек жаш шoirлари*. (pp.62-63).

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

3. (1927). *Ajn. Ŷzbek josh shoirlari*. ChŶlpon. Kizil Ŷzbekiston. 14 fevral.
4. Zhumaboev, M. (1989). *Shygirmalary*. (p.18). Almaty: Zhazushy.
5. (n.d.). *Ŷzbek josh shoirlari*. (p.70).
6. Losev, A.F. (1991). *Filosofija*. Mifologija. Kul`tura. (p.50). Moscow.
7. Zhumaboev, M. (n.d.). *Shigirmalari*. (pp.67-68).
8. (1998). *IbroŶim Xakkul. Irfon va idrok*. (p.109). Tashkent: Ma#navijat.
9. (2016). *ChŶlpon. Asarlar. TŶrt zildlik*. IV zild. (p.32). Toshkent: Akademnashr.
10. Sharafiddinov, O. (2004). *Izhodni anglash bahti*. (p.75). Tashkent: Shark.
11. (2016). *ChŶlpon. Asarlar. TŶrt zildlik*. IV zild. (p.57). Toshkent: Akademnashr.
12. (n.d.). *ChŶlpon. Ŷsha kitob*. (p.114).
13. Kuronov, D. (1998). *ChŶlpon pojetikasi (nasrij asarlari asosida)*. Doktorlik dissertacijas. (p.120). Tashkent.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 22.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Victor Goldade

Francis Skorina Gomel State University
Dr. Sci. (Eng.), Professor,
V.A. Belyi Metal-Polymer Research Institute
of the NAS of Belarus, Gomel, Belarus
victor.goldade@gmail.com

Mikhail Kovalenko

Francis Skorina Gomel State University
Postgraduate, Gomel, Belarus
daimne90@mail.ru

Sergei Zotov

V.A. Belyi Metal-Polymer Research Institute of the NAS of Belarus
PhD, Leading Researcher, Gomel, Belarus
zotov-1969@mail.ru

ELECTRET CHARGE IN NANOCOMPOSITES BASED ON POLYETHYLENE

Abstract: The electret state of nanocomposites based on low density polyethylene has been investigated. It was found that the increase of montmorillonite content in the samples leads to an increase in the absolute values of thermally stimulated currents. The treatment of samples in a corona discharge leads to an increase in the effective surface charge density. In the positive and negative corona discharges, the LDPE samples acquire approximately the same charge, and their modification with montmorillonite slightly increases the amount of charge. A relationship has been established between the initial value and the relaxation rate of the technological charge of the electret. The higher the technological charge, the faster its decline occurred.

Key words: polyethylene, nanocomposite, electret, technological charge, charge relaxation.

Language: English

Citation: Goldade, V., Kovalenko, M., & Zotov, S. (2021). Electret charge in nanocomposites based on polyethylene. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 759-765.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-81> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.81>

Scopus ASCC: 2507.

Introduction

An electret is a piece of dielectric with a quasi-permanent electric charge. The term "quasi-permanent" means that the time constants characterizing the discharge of the electret significantly exceed the time intervals during which the given electret is studied [1, p. 11]. The study of the electret effect began at the beginning of the last century after the discovery of electrets in 1919 by the Japanese physicist Eguchi [2], although theoretically the existence of electrets was predicted by the English physicist Heaviside back in 1892 [3].

Electrets have been studied most intensively since the 1960s, due to the wide possibilities of their practical application in electronics, electrical engineering, biology, medicine, and many other fields of science and technology [4-11]. For example, in mobile communication systems, electro-acoustic converters on electrets have almost completely replaced converters of other types due to the high economic efficiency of their production, as well as because of the advantages in their consumer properties (miniature size, low power consumption) [12].

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

It should be noted that for all of these technical applications of electrets, materials with high density and charge stability are required. Therefore, the problem of stabilizing the electret charge and increasing its density is relevant for physics and materials science, both from a scientific point of view and in terms of wider use of electrets.

In recent years, a line of research has been intensively developing related to the study of the effect of ultra- and nanodispersed fillers on the stability and magnitude of the electret charge of polymers [13-18]. The presence of such fillers in the system determines the manifestation of so-called size effects due to the anomalous structural characteristics of nanosized particles (distortion of the crystal lattice due to changes in interatomic distances and bond angles), special physical (collectivization of electrons, delocalization of electron density), thermodynamic (the ability of particles to be highly efficient traps for charges carriers) and other properties of fillers.

It is obvious that the creation of stable electret materials based on polymers should be based on the principles of complex modification of these polymers, including various types of effects on them. It is preferable that these effects contribute to the formation of electrically active centers in polymers, which could disturb the local electrical equilibrium, create a nonzero electrical moment and cause forced polarization in microvolumes of the polymer matrix, including with the participation of injected (introduced from the outside) carriers of electric charge [13, 15, 16, 18-20].

In a number of works, the electret properties of polymer nanocomposites based on polyethylene filled with carbon black (filler particle size 30–40 nm) have been investigated [14, 21, 23]. It is shown that the maximum effective surface charge density σ_{ef} occurs at a filler content of about 4 vol. %. It is characteristic that the stability of the electret state also significantly increases in LDPE filled with carbon black (4 vol.%), in comparison with unmodified LDPE [22, 23].

An interesting fact is that the content of the filler is 4 vol. % is optimal in terms of the magnitude and stability of the electret charge both for nanodispersed carbon black and for larger filler particles (talc, titanium dioxide, silicon dioxide). Moreover, the nature of the filler particles (conducting or dielectric) also does not play a significant role in this case. This can only be explained by the fact that the main role in creating a stable electret state of polymer composites is played by the transition layer at the polymer-filler interface, which is the concentration of energy traps of various depths for injected charge carriers.

Analysis of the literature data indicates that the introduction of nanosized additives into polymers by the methods of volumetric and surface modification can significantly increase the charge, time-, and thermal stability of polymer electrets. However, the experimental material accumulated to date does not

allow making any generalizing conclusions about the mechanisms for increasing the magnitude and stability of the electret charge in polymer nanocomposites, especially since in some cases such an increase is not observed. Nevertheless, the prospects for improving the electret properties of polymer nanocomposites look promising, and they consist, first of all, in an integrated approach to the process of polarization of polymers, including, first, surface and bulk modification of polymers, including at the level of chemical interactions, and -second, the use of new methods of physical influence, such as, for example, laser irradiation with different wavelengths. It is known, for example, that laser treatment of fillers for polymer composites increases the indices of physical, mechanical and tribotechnical properties [24].

The aim of this work is to study the charge state of polyethylene-based nanocomposites polarized in a corona discharge. Corona electrets (obtained as a result of processing the samples under study in a corona discharge) are among the objects most convenient from the point of view of studying polarization mechanisms, especially in composite dielectrics.

Materials and research methods

For the preparation of samples, powdered low density polyethylene (LDPE) was used, which was mechanically mixed with a filler at a content of the latter from 0 to 3 mas %. Highly dispersed montmorillonite (MMn) with an average particle diameter of 20 nm was used as a filler. Samples of films with a thickness of 150-200 μm were prepared by hot pressing.

The samples were polarized in a corona discharge (positive and negative) in several stages: 1) heating the furnace together with the sample to a temperature of 80 °C and fixing it; 2) switching on the corona discharge and holding the sample in it for 15 minutes; 3) natural cooling of the furnace to 25 °C, while the corona discharge was not turned off. The voltage across the needle electrode was 25 kV, while the field strength between the electrode and the sample was 10 kV/cm.

The electret charge was measured by standard methods [25]. The effective surface charge density (ESCD) of the samples σ_{eff} was determined using an IPEP-1 meter of electrostatic field parameters (manufactured by OAO MNIPI, Belarus, Minsk). The measurement was carried out with an electrode at 2 cm from the test sample. The measurement error (for each point from 5 to 8 samples) varied for each of the groups of samples and will be discussed below. Thermally stimulated depolarization of the samples (electret-thermal analysis) was carried out between two electrodes by heating the sample to 120 °C at a constant rate and measuring the thermally stimulated current (TSC). As a result, a TSC spectrum was obtained for each sample.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Results and discussion

In Fig. 1 one can see that immediately after the formation by hot pressing, a sufficiently large charge appears on all samples (group I), which decreases over time and stabilizes after about 200 minutes (group II). We called this steady-state electret charge as a

technological. It is somewhat higher in samples containing MMn, which is possibly due to the Maxwell-Wagner polarization at the filler-binder interface, which proceeds more intensively at an elevated temperature of sample formation.

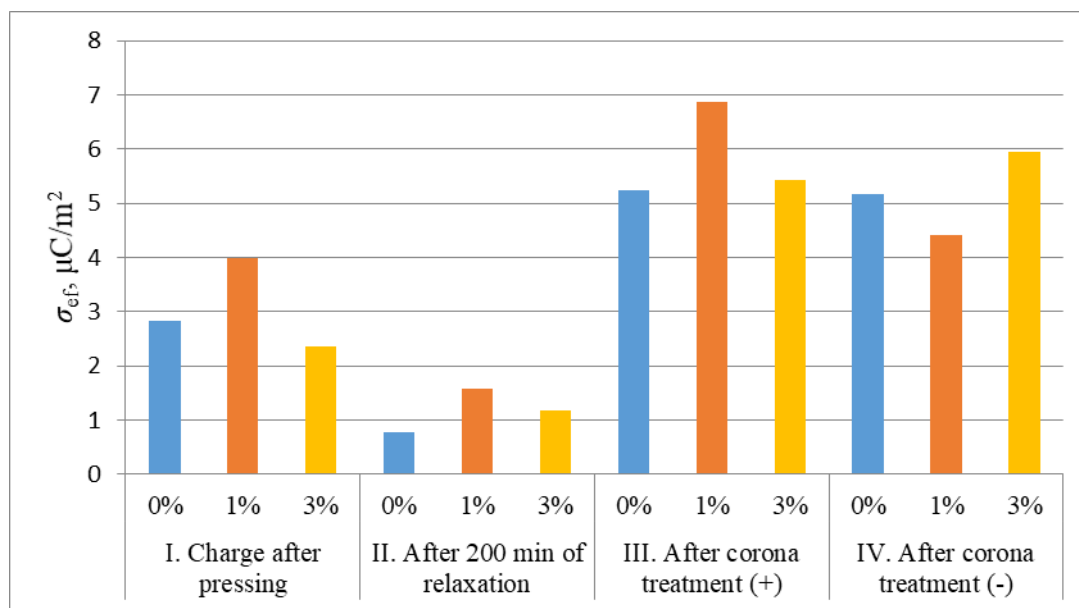

Fig. 1 – ESCD values in LDPE-based samples with different MMn concentration, before and after corona treatment with positive (+) and negative (-) polarity

The treatment of samples of group II in a corona discharge of positive polarity (group III) leads to a rather significant increase in ESCD, and the modification with a filler slightly increases the charge. An insignificant increase in ESCD at a filler content of 1 mas % is apparently due to the so-called “effect of low concentrations”, when an increase in the parameters of some physical-mechanical properties is observed in polymer nanocomposites at a low filler concentration [26]. The results obtained agree with the data of [14], which shows that the maximum effective surface charge density occurs at a filler content of 4 vol. % (which corresponds to about 1% of the mass.).

The processing of samples in a negative corona (group IV) also leads to an increase in ESCD, and the maximum charge is formed in composites with a filler concentration of 3%. This is confirmed by the results of electret thermal analysis.

The Fig. 2 shows the generalized TSC spectra of LDPE samples after their formation by hot pressing and charge stabilization. The first peak of TSC in the temperature range of about 70 °C corresponds to the relaxation of the technological charge concentrated

mainly in the amorphous part of the polymer. The second peak at a temperature of about 110 °C corresponds to the melting point of the crystalline phase of polyethylene and is caused by charge carriers of the opposite sign. An increase in the MMn concentration leads to an increase in the absolute values of the currents, which is due to the Maxwell-Wagner polarization at the filler-matrix interface.

The treatment of samples in a corona discharge changes the picture of charge relaxation and leads to a sharp increase in TSC (Fig. 2, b), and the intensity of the peak corresponding to the melting temperature increases by 2-3 orders of magnitude (up to 10⁻⁹ A). Analyzing the TSC spectra of the samples, it can be assumed that treatment in a corona discharge has a weak effect on the polarization in the amorphous regions and a strong effect on the polarization of the crystalline phase: in the region of the polymer melting temperature, all charges are released upon destruction of the crystalline phase. In addition, an increase in the concentration of the filler in the sample positively affects the polarization.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

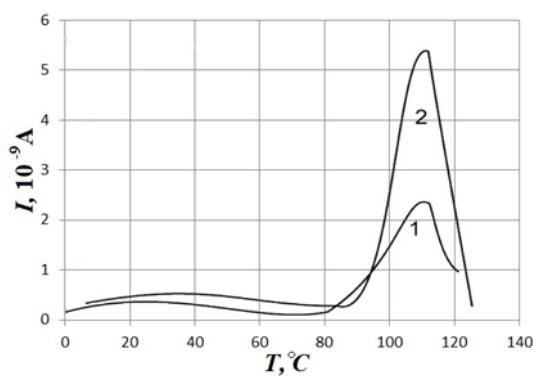
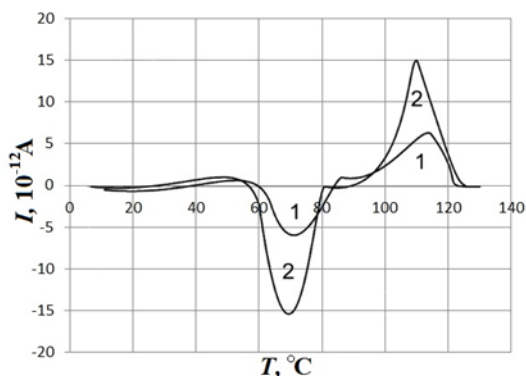

Fig. 2 – TSC spectra of LDPE films with different MMn concentration before (a) and after (b) treatment in a corona discharge of negative polarity. MMn concentration: 1 mass. % (1), and 3 mass % (2)

When making electrets, it is important to obtain samples that retain their properties for a long time. Consequently, not only the value of the charge is important, but also its relaxation in time, reproducibility in experiments, etc. Therefore, several additional parameters were used in the work, namely:

- the spread of ESCD values during manufacture (in %) within a certain group of samples; the higher this parameter, the stronger the samples in the group differ from each other, respectively, the lower the predictability of the result when they are polarized;
- change in the charge of the electret over time – an absolute value showing the difference between the charge of the electret immediately after manufacture and after some time, in a steady state;
- rate of charge change, $\mu C/(m^2 \cdot min)$, it shows the rate at which the electret charge changes over a certain period of time;

– the value of the charge changes in relation to the initial one, in percentage terms, it shows what fraction of the charge from the initial one the electret lost after a certain period of time; the higher this parameter, the more the electret is “discharged”.

Comparing the obtained values of ESCD within the groups, we determined the scatter of σ_{eff} values in relation to the mean (Fig. 3). It can be seen that, with an increase in the filler concentration in the sample, the spread of the ESCD values decreases. The highest scatter (54%) is for pure films, and for samples with a filler concentration of 3%, ESCDs differ from the average value by only 10%. Consequently, a more accurate (predictable) result of polarization can be obtained in the manufacture of filled films.

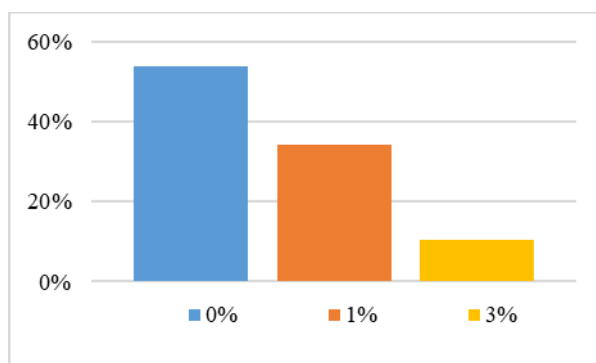

Fig. 3 – The spread of the charge values after the preparation of samples with different filler concentration

The charge relaxation process occurs most intensively during the first 200 minutes after sample preparation. During this time interval, the highest rate of charge decrease was recorded for samples with a filler concentration of 1% (Fig. 4). It is noteworthy that the technological charge of these samples was the highest after manufacture (see Fig. 1). In other groups

of samples, the change in charge occurred at approximately the same rate, more than half that of samples with a filler concentration of 1 mas %. Here one can observe the following tendency: the greater the initial value of the sample charge, the higher the charge relaxation rate.

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	ПИИИ (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

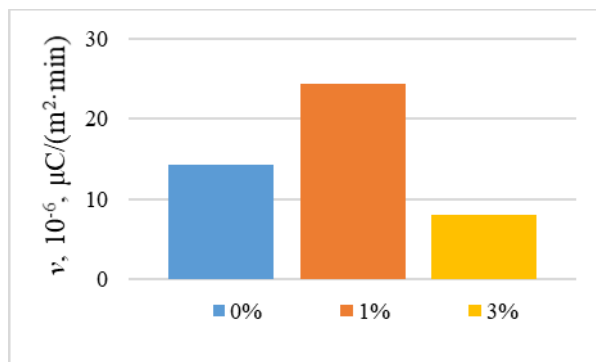

Fig. 4 – Average decay rates of ESCD for samples with different filler concentration

As a result of the relaxation of the charge after 100 days, the pure polyethylene had less than 30% of the ESCD of the initial values (Fig. 5). A significant decrease in σ_{ef} is also observed for samples with a filler concentration of 1%, while these samples, as already noted, differed from other groups of samples

by the highest initial technological charge. In the group of samples with a filler concentration of 3%, the charge loss was 50% of the initial value – the smallest value in the group.

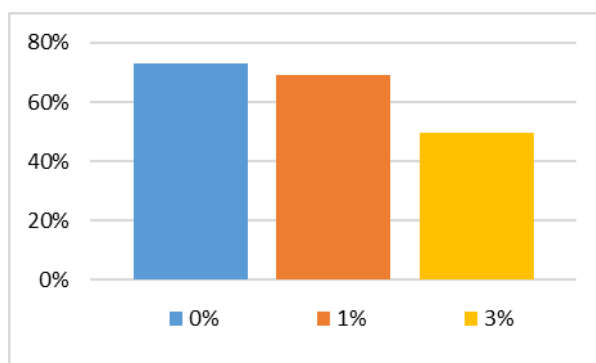

Fig. 5 – The relative decrease in the charge of the samples in relation to the initial value after 100 days

The results obtained indicate that polyethylene films acquire a high electrostatic charge during the manufacturing process, therefore, immediately after manufacturing, it is difficult to estimate the purely electret charge, since the surface density of the technological charge in this case will depend not only on the magnitude of homo- and hetero-charges, but and from electrostatic charge.

The cycle of "discharge" of the electret can be realized according to the following mechanism. In the first hours of the electret's life, the surface electrostatic charge, easily interacting with the environment, quickly relaxes. Then, for a longer time, relaxation of more equilibrium electret charges occurs. At the same time, it was found that filled films have a lower ability to accumulate an electrostatic charge.

Conclusion

The electret state of nanocomposites based on high-pressure (low density) polyethylene has been investigated. It was found that an increase in the montmorillonite concentration in the samples leads to an increase in the absolute values of thermally stimulated currents, which can be explained by the

Maxwell-Wagner polarization at the filler-binder interface. The treatment of samples in a corona discharge leads to an increase (by 2-3 orders of magnitude) in the intensity of the TSC peak, which corresponds to the melting point of polyethylene. In addition, the treatment of samples in a corona discharge leads to an increase in the effective surface charge density. In the positive and negative corona discharges, the LDPE samples acquire approximately the same charge, and their modification with montmorillonite slightly increases the amount of charge. A relationship has been established between the initial value and the relaxation rate of the technological charge of the electret. The higher the technological charge, the faster its decline occurred.

Based on the data presented, it can be argued that nanodispersed montmorillonite can be used as a filler to increase the stability and value of the electret charge in polyethylene. At low filler concentration, an increase in the ESCD is observed, the charge decay and the spread of the ESCD values of the samples decrease.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Acknowledgments

The work was carried out within the framework of task 6.52 of the State program of scientific research "Physical materials science, new materials and technologies", subprogram "Polymer materials and

technologies" (2020-2025), as well as with the financial support of the Ministry of Education of the Republic of Belarus (grant of the Ministry of Education of the Republic of Belarus dated 03.05.2021, state registration number 20210986).

References:

- (1983). *Electrets*. Ed. G. Sessler. (p.487). Moscow: Mir Publ..
- Eguchi, M. (1925). On the permanent electret. *Phil. Mag.*, vol. 49, pp.178–192.
- Heaviside, O. (1892). *Electrical papers*. (pp.488-493). New York: Chelsea Publishing.
- Gubkin, A. N. (1978). *Electrets. Electret effect in solid dielectric*. (p.192). Moscow: Nauka Publ..
- Lushcheykin, G. A. (1984). *Polymer electrets*. (p.183). Moscow: Khimiya Publ..
- Kravtsov, A. G., Goldade, V. A., & Zotov, S. V. (2003). *Polymer electret filter materials for respiratory protection*. (p.204). Gomel': IMMS NAN Belarusi Publ..
- Pinchuk, L. S., & Goldade, V. A. (1998). *Electret Materials in Engineering*. (p.288). Gomel': Infotribo Publ..
- Rychkov, A. A., & Boytsov, V. G. (2000). *Electret Effect in Polymer-Metal Structures*. (p.250). Saint-Petersburg: RGPU Publ..
- Makarevich, A.V., Pinchuk, L.S., & Goldade, V.A. (1998). *Electric fields and electroactive materials in biotechnology and medicine*. (p.106). Gomel': IMMS NAN Belarusi Publ..
- Kestelman, V. N., Pinchuk, L. S., & Goldade, V. A. (2000). *Electrets in engineering: fundamentals and applications*. (p.281). Boston; Dordrecht; London: Kluwer Academic Publishers.
- Sessler, G. M., & West, J. E. (1987). *Applications*. In: *Electrets*. Ed. G. M. Sessler. (pp.347-381). Berlin; Heidelberg: Springer-Verlag.
- Rychkov, D. A., Kuznetsov, A. E., & Rychkov A. A. (2013). *Stabilization of the charges of polymer electrets*. (p.159). Saint-Petersburg: RGPU Publ..
- Hillenbrand, J. (2006). Electret properties of biaxially stretched polypropylene films containing various additives / J. Hillenbrand [et al.]. *Journal of Phys. D: Appl. Phys.*, Vol. 39, Issue 3, pp. 535–540.
- Galikhanov, M.F. (2004). Corona electrets based on high-pressure polyethylene filled with carbon black. M.F. Galikhanov [et al.]. *Materials, technologies, instruments*, Vol. 9, No. 1, pp. 57–60.
- Pinchuk, L.S. (2000). Polarization model of hardening of thermoplastics containing ultradispersed inorganic fillers. L.S. Pinchuk [et al.]. *Journal of technical physics*, Vol. 70, No. 2, pp. 38–42.
- Goldade, V. (2001). *Electro-physical properties of polymer fibrous materials*. V. Goldade [et al.]. Przegląd Electrotechniczny, Rok 77, Special Ed.: Int. Conf. on Advances in Processing, Testing and Application of Dielectric Materials (APTADM'2001), Wrocław, Poland, Electrotechnical Institute, 17-19 Sept. 2001, pp. 76-79.
- Galikhanov, M.F. (2004). Corona electrets based on fluoroplastic compositions with titanium dioxide. M.F. Galikhanov [et al.]. *Mechanics of composite materials and structures*, Vol. 10, No. 2, pp. 259–266.
- Hillenbrand, J. (2009). The effect of additives on charge decay in electron-beam charged polypropylene films. J. Hillenbrand [et al.]. *J. Phys. D: Appl. Phys.*, Vol. 42, No. 6, pp. 1–8.
- Gorokhovatskiy, Yu. A., & Tazekov, B.A. (2009). On the nature of the electret state in composite films of high-pressure polyethylene with nanodispersed SiO₂ fillers. *Izvestiya of A.I. Herzen RGPU*, No. 95, pp. 64–77.
- Boitsov, V.G. (1995). Stresses and charge stability in non-polar polymeric electrets. V.G. Boitsov, A.A. Rychkov, I.N. Rozhkov. *Functional materials*, Vol. 2, No. 2, pp. 296–298.
- Karimov, I.A., & Galikhanov, M.F. (2014). Influence of additives on the electret properties of polyethylene extrusion sheets. *Bulletin of Kazan Technological University*, Vol. 17, No. 2, pp. 161–163.
- Osina, Yu.K. (2013). Effect of carbon black additives on the stability of the electret state of high-pressure polyethylene. Yu.K. Osina, M.E. Borisova, M.F. Galikhanov. *Scientific and technical bulletin of SPbSPU. Natural and*

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

- engineering sciences*, No. 4 (183), part 1, pp. 151–157.
23. Borisova, M.E., & Osina, Yu.K. (2014). *Investigation of the stability of the electret state of high-pressure polyethylene films with a finely dispersed filler of technical carbon*. Sixth All-Russian Karginy Conference "Polymers-2014": Volume II. Collection of abstracts of poster presentations: Part 1, Moscow, January 27-31, 2014, Lomonosov Moscow State University. (p.562). Moscow.
24. Sorokin, V.G. (2016). Composite materials based on thermoplastic matrices and components modified by short-pulse laser radiation. V.G. Sorokin [et al.]. *Mining mechanics and mechanical engineering*, No. 2, pp. 86-95.
25. Lushchekin, G.A. (1988). *Methods for the study of electrical properties of polymers*. (p.218). Moscow: Chemistry Publ..
26. Pinchuk, L.S. (2000). Polarization model of hardening of thermoplastics containing ultradispersed inorganic fillers. LS Pinchuk [et al.]. *Journal of technical physics*, Vol. 70, No. 2, pp. 38–42.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 ПИИЦ (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 9.035
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 22.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Elena Lagay

Uzbek state University of World Languages
 Ph.D., associate professor,
 Tashkent city, Republic of Uzbekistan
elenalagay@mail.ru

TEACHING TAKING NOTES AS A TYPE OF SPEECH ACTIVITY TO PHILOLOGY STUDENTS

Abstract: The article deals with the methodological aspects of teaching students-philologists scientific speech. In modern conditions of expanding international cooperation in all areas, the task of fostering a culture of scientific thinking, and a culture of scientific speech, accordingly, is especially relevant. Students experience the greatest difficulties when creating an independent monologue statement. The article substantiates the expediency and effectiveness of systematic work based on the implementation of various exercises for teaching note-taking for the development of students' abilities to navigate in the general composition of the educational and scientific text, identify the key thoughts on which the text is built, concisely formulate basic information. The implementation of such exercises contributes to the formation of the speech experience, which is necessary for the independent production of scientific texts of any genre.

Key words: scientific style, philology students, note-taking skills, exercise system.

Language: Russian

Citation: Lagay, E. (2021). Teaching taking notes as a type of speech activity to philology students. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 766-770.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-82> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.82>

Scopus ASCC: 1203.

ОБУЧЕНИЕ КОНСПЕКТИРОВАНИЮ КАК ВИДУ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ

Аннотация: В статье рассматриваются методические аспекты обучения студентов-филологов научной речи. В современных условиях расширения международного сотрудничества во всех направлениях задача воспитания культуры научного мышления, и соответственно культуры научной речи, особенно актуальна. Наибольшие трудности студенты испытывают при создании самостоятельного монологического высказывания. В статье обосновывается целесообразность и эффективность систематической и планомерной работы, основывающейся на выполнении комплекса разнообразных упражнений, по обучению конспектированию для развития у студентов умений ориентироваться в общей композиции учебно-научного текста, выявлять ключевые мысли, на которых строится текст, лаконично формулировать основную информацию. Выполнение подобных упражнений способствует формированию речевого опыта, необходимого для самостоятельного продуцирования научных текстов любого жанра.

Ключевые слова: научный стиль, студенты-филологи, навыки конспектирования, система упражнений.

Введение

На современном этапе развития общества выдвигаются новые требования к профессиональной подготовке выпускников вуза, в числе которых формирование современной

языковой личности, главной личностной компетенцией которой является коммуникативная компетенция.

В связи с этим язык рассматривается как особое средство общения, способное

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

функционировать в разных коммуникативно-речевых ситуациях. Потому актуальным для современной научной парадигмы выступает понятие функционального стиля.

Каждый функциональный стиль в системе современного русского литературного языка обнаруживает тенденцию к обособлению. Эта особенность прослеживается практически на всех уровнях языковой системы и объясняется прежде всего конструктивным характером стиля, определяющей основой которого является учет закономерностей функционирования языковых средств в зависимости от реальной задачи речевого общения в данной сфере. Именно коммуникативная установка, определяющая содержание высказывания, вызывает необходимость выделения из системы языка таких единиц, особенностей функционирования которых наиболее существенны для выражения данного содержания. Эта связь языкового построения с содержанием особенно свойственна научному стилю.

С точки зрения академика В.В.Виноградова, стили языка - это «частные системы форм, слов, рядов слов и конструкций внутри единой структуры языка как «системы систем» [1, с. 5]. Все признаки научного стиля и языковые средства их выражения «представляют собой не совокупность, не набор, а именно систему взаимосвязанных средств, которая в целом и придает особый характер данному виду речи, создает его качество...» [2, с.117].

Нет необходимости доказывать, что одним из основных профессиональных умений студента-филолога является умение пользоваться монологической речью научного стиля. Степень владения монологической речью научного стиля определяет и готовность студентов к восприятию лекционных курсов по лингвистическим дисциплинам, а также научной литературы.

Как отмечают Н.А.Буре, М.В.Быстрых, С.А.Вишнякова, «формирование и развитие умений нормативного, свободного и адекватного общения в учебно-профессиональной сфере, что в целом повышает эффективность процесса овладения знаниями по специальным предметам и, в конечном счете, нацелено на свободное общение в производственной сфере, - важная часть подготовки студентов, и в особенности студентов-филологов. Иначе говоря, вместе с комплексом специальных знаний каждый специалист-профессионал, получающий высшее образование, должен освоить определенный минимум знаний, навыков и умений по научному стилю речи» [3, с. 3].

Однако в действительности овладение навыками использования научной речи является проблемой для студентов. Еще большей эта проблема оказывается для тех, для кого русский

язык не является родным, а количество таких студентов (в основном представителей тюркоязычных национальностей), обучающихся на филологических факультетах высших образовательных учреждений Республики Узбекистан, преобладает. Перед такими студентами стоит задача овладения своей специальностью – русским языком – на языке этой специальности.

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Важнейшим условием повышения эффективности учебного процесса является взаимосвязанное обучение видам речевой деятельности. Успешно сформированные у студентов навыки и умения во всех видах речевой деятельности в учебно-профессиональной сфере общения приводят к лучшему пониманию основного содержания учебной лекции по профилю будущей специальности, умению использовать приемы конспектирования как аудируемого, так и прочитанного материала, умению отбирать и передавать основную информацию учебно-научного текста, использовать при оформлении речи изученные лексико-грамматические конструкции научного стиля речи. Это обуславливает необходимость разработки в методике преподавания способов и приемов, способных облегчить и ускорить процесс овладения языком научной литературы.

Для успешного достижения этой цели необходимо не только совершенствование методического мастерства, но и глубокое всестороннее изучение стиля научной речи. Потому, рассматривая научный стиль с теоретических позиций функциональной стилистики, на наш взгляд, главной методической задачей является формирование у студентов умений выделять, анализировать, а самое главное – использовать в практических целях языковые и конструктивные особенности научного стиля, представляющие некоторый целостный комплекс.

МЕТОДОЛОГИЯ

Использование теоретического метода, включающего в себя анализ, синтез и критическое осмысление имеющихся научно-методических источников, научного наблюдения и опытного обучения позволило определить методические подходы к обучению научному стилю студентов-филологов и доказать их результативность.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Изучению специфики и системности научного стиля посвящено большое количество исследований конца прошлого столетия. Однако, в связи с тем, что в настоящее время наука в нашей жизни приобретает все большее значение, исследование научного стиля является до сих пор

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

первостепенной задачей лингвистов, методистов, дидактов.

Один из авторитетнейших специалистов в области функциональной стилистики, основатель Пермской школы, доктор филологических наук, профессор М.Н.Кожина в свое время отмечала, что специфические черты научного стиля неразрывно связаны с экстралингвистической основой, с одной стороны, и с конкретными языковыми средствами, которые их выражают, с другой стороны, а «основной специфической чертой научного стиля является отвлеченно-обобщенность и абстрактизация» [4, с. 21].

Научный стиль характеризует точность и системность изложения, четкость и убедительная аргументация. Каждая стилевая черта имеет свое, присущее ей, языковое выражение.

Так, например, по мнению М.П. Сенкевича, «без точности научных знаний невозможен прогресс науки. Отсюда преобладание в научной речи тех языковых средств, которые однозначны и способны максимально выразить сущность понятий. Это термины» [5, с. 35].

Таким образом, все признаки научного стиля и языковые средства их выражения «представляют собой не совокупность, не набор, а именно систему взаимосвязанных средств, которая в целом и придает особый характер данному виду речи, создает его качество...» [4, с. 117].

Как показывает наш опыт работы в вузе, уровень владения студентами навыками использования научной речи в практической деятельности не всегда вполне отвечает современным требованиям государственного образовательного стандарта. Студенты вообще мало используют монологическую речь научного стиля; факты лингвистики объясняются ими языком, далеким от литературной нормы, следовательно, неточно, невыразительно, элементарно. У студентов практически не развиты навыки письменной фиксации существенной информации, воспринимаемой на слух, то есть конспектирования устного монологического высказывания, тогда как конспектирование лекционного материала является важным умением для осуществления учебной и профессиональной деятельности студентов вузов.

На сегодняшний день как в психологической, так и в методической литературе конспектирование определяется неоднозначно. Одни авторы рассматривают его как самостоятельный вид речевой деятельности, другие - как одну из форм письменной речи.

Более четкое и полное определение конспектированию, на наш взгляд, даёт в своих работах В.П. Павлова. По её мнению, конспектирование есть «процесс мыслительной переработки и письменной фиксации читаемого или аудируемого текста; процесс, результатом которого является запись, позволяющая её автору немедленно или через некоторый срок с необходимой полнотой восстановить полученную информацию» [7, с.3].

Для того чтобы успешно осуществлять конспектирование учебно-научной информации, студенты должны уметь решать следующие задачи: ориентироваться в общей композиции учебно-научного текста (читаемого или аудируемого); видеть логическое развитие учебно-научного монологического высказывания или текста, понимать систему изложения лектором информации в целом, а также ход развития каждой отдельной мысли; выявлять ключевые мысли, на которых строится текст; определять детализирующую информацию; лаконично формулировать основную информацию, не перенося в письменно создаваемый вторичный текст все целиком и дословно [8, с.56; 9, с.34].

Работа в аудитории доказывает, что для формирования вышеназванных умений и навыков достаточно эффективна разработанная нами система упражнений разной степени трудности, выполняемых в устной и письменной форме. Приведем примеры некоторых из них.

К группе упражнений, направленных на формирование навыков грамматической правильности письменной речи; прогнозирования смысла лексических единиц и высказывания в целом; определения значений ключевых синтаксических структур и составляющих их грамматических форм слова; выделения базовых синтаксических моделей научного стиля речи; упрощения структуры предложения, можно отнести следующие.

Упражнение.¹ Дополните предложения нужными по смыслу глаголами.

1. «Набор» стилевых черт не так уж многочислен, и поэтому нередко та или иная стилевая черта ... присущей одновременно нескольким стилям (оказывается; объясняется; обозначается). 2. Слово ... строительным материалом, используемым для производства речи (текста) (определяется; является; выделяется). 3. Некоторые черты, в частности точность, логичность, образность и др.,

* Текстовое содержание упражнений основывается на материале учебников: 1) Валгиной Н.С., Розенталь Д.Э., Фоминой М.И. Современный русский язык/под ред. Н.С.Валгиной. - М.: Альянс, 2018. - 527 с.; 2) Кожина М.Н.,

Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка. - М.: Флинта: Наука, 2011. - 464 с.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

существенно ... по своим свойствам в пределах различных функциональных стилей, оказываются вариативными (проявляются; делятся; различаются) [6, с.32].

Упражнение. Составьте и запишите предложения, используя слово *который*.

Образец: Морфология – раздел грамматики; изучает слово в аспекте его грамматических свойств. = Морфология – раздел грамматики, в котором изучается слово в аспекте его грамматических свойств.

1. *Деепричастие – неспрягаемая форма глагола; совмещает в себе грамматические свойства глагола и наречия.*

2. *Вводные слова – это слова; грамматически не связаны с членами предложения, не являются членами предложения и выражают отношение говорящего к высказываемой мысли, характеризуют способ ее оформления и т.п.*

3. *Сложное синтаксическое целое – это сочетание нескольких предложений в тексте; характеризуется относительной завершенностью темы (микротемы), смысловой и синтаксической спаянностью компонентов [10, с.78].*

Упражнение. Преобразуйте сложные предложения в простые, используя причастные обороты.

1. *Среди синонимов есть небольшая группа полных (или абсолютных) синонимов, которые имеют одинаковое лексическое значение и не отличаются по своей экспрессивной окрашенности и стилистической закреплённости.*

2. *Профессионализмы – слова, которыми традиционно принято обозначать тот или иной предмет или явление в определённой профессиональной среде.*

3. *В школьной практике в местоимения не включают местоименные наречия, которые объединяются с собственно наречными лексемами [10, с.66].*

Упражнение. Трансформируйте в предложениях части сказуемого с помощью краткого прилагательного или причастия.

Образец: Употребление слова в одном определённом значении - особенность, характерная для лексической системы научного стиля речи. - Употребление слова в одном определённом значении характерно для лексической системы научного стиля речи.

1. *Оптимальное сочетание коммуникативной и эстетической мотивированности языковых и речевых средств является важным условием для художественного текста.*

2. *В научной речи являются распространёнными конструкции с*

производными предложениями в течение, в продолжение, в свете и др.

3. *Экспрессивная функция, которая обуславливается воздействующей направленностью на адресата, проявляется в определённых стилевых чертах [10, с.73].*

Еще одна группа упражнений направлена на формирование навыков и умений логического развития мысли в тексте; выделения ключевых лексических единиц текста и базовых синтаксических конструкций; отбор значимой информации целого сообщения.

Упражнение. Прочитайте текст, разделите его на абзацы.

Н а у ч н ы й стиль подразделяется на подстили – собственно научный, научно-учебный, научно-технический, научно-популярный, представляющие собой как бы варианты научного стиля; последний подстиль добавляет к стилистическим чертам научности черты популярности. Жанр также влияет определённым образом на характер речи (ср. стиль монографии, статьи, автореферата, научной информации и т.д.). О ф и ц и а л ь н о - д е л о в о й стиль распадается на собственно законодательный, юрисдикционный, административный подстили, иногда выделяют еще и дипломатический. Они включают ряд жанровых разновидностей: кодекс, устав, инструкция, договор, приказ, акт, заявление и т.д. Жанрово-стилистические отличия в официально-деловом стиле заметнее, чем, например, в научном, т.е. внутренняя функциональная дифференциация в деловой речи ярче и определеннее. Самое общее стилистическое расслоение х у д о ж е с т в е н н о й речи происходит, очевидно, в соответствии с тремя родами литературы: лирикой, эпосом, драмой.

Р а з г о в о р н о - б ы т о в а я сфера общения, характеризующаяся в целом весьма четкими специфичными стилистическими особенностями, в то же время неоднородна в стилистическом отношении. Прежде всего выделяются разновидности устной и письменной (главным образом эпистолярной) речи Такова в самых общих чертах внутренняя дифференциация функциональных стилей [6, с.26].

Упражнение. Прочитайте текст. Найдите и выпишите ключевые слова.

В процессе обучения языку, овладения им нередко весьма грубые, как бы лежащие на поверхности, нарушения элементарных стилистических норм речи (наряду, конечно, вообще с нарушением норм языка). Их можно назвать стилистическими ошибками.

Вопрос об этих ошибках, их классификации и соотношении с другими ошибками в речи школьников является одним из актуальных в методике преподавания русского языка.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Одной из причин недостаточной культуры речи школьников оказывается все еще встречающееся извинительное отношение учителей к так называемым стилистическим ошибкам. Причем часто к стилистическим относят в школьной практике все нарушения языково-речевых норм, кроме орфографических, пунктуационных и орфоэпических: ошибки в использовании лексики и фразеологии, морфологии и синтаксиса и даже логические и фактические.

В последнее время значительно повысились требования к стилистической культуре речи школьников, внимание к вопросам коммуникативной целесообразности при отборе языковых средств и построении речи [6, с.110].

Упражнение. Прочитайте текст. Расположите абзацы в логической последовательности, обратите внимание на формальные сигналы связи (местоимения, союзы, вводные слова).

При понимании языка и речи как единства функций и стилистических стилей можно считать стилями и языком, и речью, иначе говоря, стилями функционального аспекта языка в процессе речевой деятельности, в реальности его употребления в актах общения.

Поэтому правомернее считать, что функциональные стили - это, безусловно, стили речи в широком смысле, реально существующие в речи (со всеми их более частными разновидностями: подстилевыми, жанровыми и др.), в процессах речевого общения.

Функциональные стили можно называть языковыми только в смысле того, что это лингвистическое (а не литературоведческое или какое-либо иное) явление, существующее в сознании говорящих.

Однако такое понимание соответствующих терминов справедливо именно при трактовке языка в динамическом плане (языка как функционирующей системы). При узком же, одностороннем понимании языка указанное соотношение стилей языка и стилей речи отпадает [6, с.76].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выполнение этих и подобных упражнений, как показала наша педагогическая практика, способствует формированию умений конспектирования и в целом, - речевого опыта, необходимого для самостоятельного продуцирования научных текстов любого жанра.

References:

1. Vinogradov, V.V. (1963). *Stilistika. Teoriya poeticheskoy rechi. Poetika.* (p.255). Moscow: Izd-vo AN SSSR.
2. Kozhina, M.N. (1972). *O rechevoj sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi.* (p.395). Perm'.
3. Bure, N.A., Bystryh, M.V., Vishnyakova, S.A., et al. (2003). *Osnovy nauchnoy rechi: ucheb. posobie dlya stud. nefilol. vyssh. ucheb. zavedenij.* (p.272). SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; M.: Izdatel'skij centr «Akademiya».
4. Kozhina, M.N. (1993). *Stilistika russkogo jazyka: Ucheb. dlja studentov ped. in-tov.* (p.224). Moscow: Prosveshhenie.
5. Senkevich, M.P. (1984). *Stilistika nauchnoy rechi i literaturnoe redaktirovanie nauchnyh proizvedenij: Ucheb. posobie dlja vuzov po spec.* «Zhurnalistika». (p.319). Moscow: Vysshaja shkola.
6. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R., & Salimovskij, V.A. (2011). *Stilistika russkogo jazyka.* (p.464). Moscow: Flinta: Nauka.
7. Pavlova, V.P. (1983). *Obuchenie konspektirovaniju: teorija i praktika.* (p.96). Moscow.
8. Shternberg, L. F. (2005). *Skorostnoe konspektirovanie.* (p.80). Moscow.
9. Mehed'kina, T.A., Chernjakova, L.E., & Repetina, L.F. (2004). *Obuchenie konspektirovaniju lekcij na materiale tekstov obshhenauchnogo sodержaniya.* (p.71). Har'kov: NFaU.
10. Valgina, N.S., Rozental', D.E., & Fomina, M.I. (2018). *Sovremennyy russkij yazyk: uchebnyk/Pod red. N.S.Valginov.* (p.527). Moscow: Al'yans.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS) DOI: [10.15863/TAS](https://doi.org/10.15863/TAS)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 22.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Ganijon Mirzaahmedovich Khoshimov

Andijan state university
Doctor of Philology, professor
a_hoshimova@mail.ru

Guli Ismoil qizi Ergasheva

Uzbekistan state world languages university
Doctor of Philology, associate professor
rusgu@yandex.ru

Muzaffarzhon Ganijonovich Khoshimov

Andijan state university
Researcher
Leagueuz@yandex.ru

Akmal Ganiyevich Khoshimov

Andijan state university
Researcher
a_hoshimova@mail.ru

TYPOLGICAL STUDY OF HYPOTAXEMS WITH AN ADVERBIAL FINALITY COMPONENT IN MULTI-SYSTEM LANGUAGES

Abstract: The article is devoted to the typological study of hypotaxeme with an adverbial component (clause) of finality (HPT with ACF) in languages of different systems, in particular, for the first time, the authors have established the main typologically relevant, structural and semantic features-coordinates of the HPT with ACF as a type of hypotaxeme typical of the syntactic systems of the great majority of world languages. Particular attention is paid to identifying and describing a number of constant features of the hypotaxemes for the first time formulated by the authors in the form of absolute universals, frequentals, implications, recessives and univals).

Key words: complex sentences, subjective-modal assessment, multidimensional taxonomy, cognitive syntax, introductory constructions.

Language: Russian

Citation: Khoshimov, G. M., Ergasheva, G. I., Khoshimov, M. G., & Khoshimov, A. G. (2021). Typological study of hypotaxemes with an adverbial finality component in multi-system languages. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 771-783.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-83> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.83>

Scopus ASCC: 1203.

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГИПОТАКСЕМ С АДВЕРБИАЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ ФИНАЛЬНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

Аннотация: Статья посвящается типологическому изучению гипотаксемы с адвербиальным компонентом финальности (ГПТ с АКФ) в разносистемных языках, в частности в ней впервые авторами устанавливаются основные типологически релевантные, структурно-семантические признаки-координаты данной единицы, типичной для синтаксической системы подавляющего большинства языков мира. Особое внимание уделяется выявлению и описанию ряда константных свойств исследуемого типа

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

гипотаксемы (впервые сформулированных авторами в виде абсолютных универсалий, фрекветалий, импликаций, рецессивов и уникалий).

Ключевые слова: сложновводные предложения, субъективно-модальная оценка, многомерная таксономия, когнитивный синтаксис, вводные конструкции.

Введение

Проблематика типологии политаксем (сложных предложений) очень обширна и предваряется фактически вопросом о том, каков общелингвистический статус политаксемы [23, с. 159]. (ПТ) в языках различных типов, или еще точнее, относится ли политаксема к «общетипологическим» или «частнотипологическим» единицам [17, с. 352]. В этой связи возникает естественная необходимость в систематическом и глубоком анализе эмпирического материала по политаксемам и их разновидностям в языках различной типологической принадлежности, что и позволило бы установить общелингвистический статус политаксемы как инвариантного типа единицы и ее разновидностей как реально существующих типов единиц, посредством которых осуществляются в языках различные адвербиальные отношения между ее матричным (главным) и нематричным (адвербиальным) компонентами.

Типологически сопоставимыми объектами политаксемы оказываются, по-видимому, благодаря наличию в них некоторого общего, универсального принципа внутренней организации сложной совокупности их структурно-семантических свойств. При этом имеется в виду прежде всего корреляция между обобщенными и категориальными признаками – отношениями семантического плана, традиционно обозначаемыми такими категориями, как «темпоральные, каузальные, финальные, кондициональные, компаративные, concessивные и т.д. отношения, характеризующиеся полевой природой своей реализации и тем самым составляющие в определенной мере некоторые члены того или иного «функционально-семантического поля», разработанного А.В. Бондарко (Бондарко А., 1987:189; 1998. – с. 20-23).

Типология политаксем в различных языках сложна и тем, что, во-первых, рассматриваемые типы единиц неравномерно распространены в языках, во-вторых, характеризуются многоаспектной лингвистической природой, демонстрирующей различные их аспекты структурно-семантического характера.

В статье мы исходим из следующего определения политаксемы (ПТ): это общетипологическая инвариантная единица синтаксиса, репрезентированная крупным лингвистическим знаком пропозитивно-номинативного назначения, состоящая из

последовательности синдетически/асиндетически координированных или субординированных (или коорди-субординированных) (минимум двух) негомогенных монотаксем (полной, эллиптированной, силлептированной, гибридной или парцелированной структуры), призванных актуализировать между собой определенные структурно-семантические отношения. Ее подтипы (коллотаксема, паратаксема, гипотаксема, парентаксема, гипертаксема, архитаксема, ультратаксема и др.) характеризуются тем, что количественный состав каждого последующего из них, за исключением четырех первых, оказывается большим минимумом на одну монотаксема (негомогенную), чем предыдущий в представленной грамматической иерархии.

Универсальную модель ПТ можно построить следующим образом:

$././ MT + c/s(s/a) + MT ./.(N)$

Гипотаксема (ГПТ) же, являясь одним из подтипов политаксемы, представляет собой частнотипологическую инвариантную единицу синтаксиса, репрезентированную крупным лингвистическим знаком пропозитивно-номинативного назначения, состоящую из последовательности двух синдетически/асиндетически субординированных, функционально негомогенных монотаксем (полной, эллиптированной, гибридной и парцелированной структуры), призванных актуализировать определенные структурно-семантические гипотактические (субординативные) отношения ради единой для всей гипотаксемы коммуникативной интенции. Например:

в русск.: Если вы придете, то мы вместе пойдем в театр;

в англ.: If you come, we shall go to the theatre together;

в узбек.: Agar siz kelсангиз, биз бирга театрга борамиз;

в немец.: Wenn Sie kommen, gehen wir zusammen in das Theatre.

Эти гипотаксемы построены по следующей универсальной модели в языках:

$././ MT + \underline{s} + MT ./.$

Проводить типологию ПТ по следующим релевантным для них признакам – координатам, впервые установленных нами [26, с. 159].

Так, на основе тщательных наблюдений над структурно-семантической организацией ГПТ самых различных (русского, английского, немецкого, узбекского, французского,

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

персидского, арабского и многих других) языков мы пришли к выводу, что для глобального и систематического типологического сопоставления рассматриваемых подтипов ПТ, в том числе и гипотаксем с адвербиальным компонентом финальности (ГПТ с АК), целесообразно проводить исследование по следующим релевантным для их лингвистической природы типологическим параметрам: 1/ семантика (значение) ГПТ; 2/ смысл ГПТ; 3/ размер – длина ГПТ (количество монотаксем); 4/ раздельнооформленность /цельнооформленность ГПТ; 5/ синтаксическая связь, т.е. типы синтаксической связи между компонентами ГПТ; 6/ способы выражения синтаксической связи между компонентами; а) синдетическая связь: аналитическая, синтетическая, аналитико-синтетическая, синтетико-аналитическая, интродуктивная, инкорпорирующая; б) асиндетическая: аморфная, инверсивная и др.; 7/ средства связи - субординаторы (конъюнкторы, коннекторы); 8/ количество (квантитативная характеристика) базисных моделей ГПТ; 9/ морфолого-синтаксическая характеристика основных членов (субъекта, предиката, объекта) компонентов; 10/ центр субординации (стержневые слова - корреляты); 11/ порядок следования компонентов и актуальное членение ГПТ; 12/ структурно-семантические типы ГПТ; 13/ грамматические категории ГПТ; 14/ парадигматика ГПТ; 15/ синтагматика ГПТ; 16/ последовательность событий (пропозиций) во времени ГПТ; 17) место ГПТ в системе синтаксиса; 18) синонимика и омонимика ГПТ; 19) стилистическая характеристика ГПТ; 20) статистическая характеристика ГПТ; 21) предрасположенность частей ГПТ к эллипсису; 22) предрасположенность частей ГПТ к парцелляции; 23) предрасположенность частей ГПТ к силлепсису; 24) предрасположенность частей ГПТ к сепаратизации (обособлению); 25) лингвокультурологическая характеристика; 26) пунктуационная характеристика ГПТ; 27) интонационная характеристика ГПТ; 28) прагматическая характеристика ГПТ и др. Однако, изучение хотя бы одного типа ГПТ с АК в рамках одной статьи физически невозможно. Это потребовало бы проведения отдельных исследований по каждому из признаков - координат ПТ. Следовательно, мы ограничимся типологией лишь отдельных типов ПТ в разносистемных языках, а именно ГПТ с АКФ и т.д.) отношениями в целях конкретного применения упомянутых выше принципов и разработанной нами методики типологического сопоставления ПТ.

Как видно, типология ПТ как систем осложнена еще и тем, что они представлены в языках своеобразной субстанциональностью, т.е.

совокупностью таких признаков, которые именно и являются их индивидуальными, своеобразными лексико-грамматическими свойствами и категориями, что и естественно предполагает определенный уровень абстрагированности от этих индивидуальных свойств. Таким образом, термины и понятия «политаксема» и такие ее типы и разновидности, как «ПТ с темпоральными, каузальными, финальными, кондициональными и другими отношениями», вместе взятые в применении к конкретному языку, образуют в некотором смысле некий код грамматического строя данного языка, точнее, синтаксическое кодирование явлений объективной действительности. Соответственно, типология систем ПТ содержит как бы закодированную информацию о типологии грамматического строя языка в целом, т.е. типологии техники синтаксического кодирования явлений в языках разных типов. Она закодирована постольку, поскольку формулируется в терминах и понятиях, отражающих субстанциональную природу конкретно-языковых объектов из области парадигматики и синтагматики ПТ как объектов, чьи признаки есть обобщенные в некоторой степени свойства конкретных ПТ в языках.

«Расшифровать» указанную информацию означает перевести типологию систем ПТ в термины и понятия типологии отдельных уровней структуры языка, а также взаимосвязи этих уровней абстракции. Верно, видимо, и обратное: из типологических особенностей разных уровней исследователь-типолог должен уметь выводить тип системы ПТ данного языка.

Взаимосвязанные свойства отдельных уровней языка, фокусируясь в ПТ в случае их конкретного применения, т.е. на уровне их коммуникативно-прагматического функционирования, представлены своего рода пучками обобщенных (в определенной степени) свойств классов и разновидностей ПТ. В таком пучке закономерно отражен какой-либо конкретный аспект системного устройства каждого уровня языковой иерархии. В характеристике же конкретного типа системы ПТ определенным образом отражены типологически релевантные черты внутренней системной организации уровней данного языка, т.е. его синтаксического кодирования.

Отсюда можно предположить, что проблема построения типологии целостных языковых систем, каковой является и система ПТ, будет исчерпана только тогда, когда исследователь-типолог сможет так построить типологии отдельных грамматических, синтаксических подсистем и уровней языка, что появится возможность переводить ее в термины и понятия типологии любых других структурно-взаимосвязанных с ней подсистем и уровней.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

Итак, типологически релевантными свойствами, т.е. признаками – координатами систем ПТ являются, очевидно, те, которые коррелируют с типологическими свойствами отдельных языковых уровней. Ниже попытаемся обсудить некоторые пути, которые могут способствовать выведению подобных корреляций. В этом контексте обсуждаются и некоторые релевантные признаки типов систем ПТ в частности, три разных, но взаимосвязанных фактора формального различия ПТ, предложенных А.А.Абдуазизовым применительно к звуковому строю языка в системной фонологии: «структурный, функциональный и субстанциональный факторы» (Абдуазизов А., 1974: 28), т.е. имеется в виду базисный.

При этом структурные факторы связаны непосредственно с поверхностной структурой – оболочкой ПТ, а функциональные факторы непосредственно связаны с реализацией ПТ в речи как инвариантных типов единиц, при помощи которых выражаются отдельные коммуникативно важные понятия и категории типа темпоральность, каузальность, финальность, кондициональность и т.п. Субстанциональные же факторы служат для ограничения той или иной разновидности ПТ в зависимости от идиоматических свойств грамматического строя конкретных языков, т.е. сущностных характеристик их глубинной, точнее когнитивной структуры.

В данной статье основное внимание будет обращено на типологию ПТ в разносистемных языках, при этом исследование базируется на эмпирическом материале свыше ста современных языков мира (отраженных в таблице 1). Основным объектом типологического исследования служат ГПТ с АК финальности (сложноподчиненные предложения с придаточным цели).

Для типологии ГПТ с АКФ в языках различных типов целесообразно проводить исследование по следующим четырем основным этапам:

1) установление наиболее релевантных типологических признаков-координат ГПТ с АКФ;

2) характеристика и описание конкретных языков по релевантным признакам-координатам ГПТ с АКФ;

3) выведение лингвистических констант (универсалий, фреквенталий, импликаций, рецессивов и уникалий) в ГПТ с АКФ;

4) классификация языков мира по некоторым наиболее релевантным признакам-координатам ГПТ с АКФ.

Так, на первом этапе устанавливаются и исследуются следующие наиболее типологически релевантные признаки-координаты – свойства

ГПТ с АКФ языков различных типов.

1. *Квалитативные признаки ГПТ с АКФ*, т.е. признаки, характерные для ее лингвистической природы:

1) наличие / отсутствие данного инвариантного типа или типов ГПТ с АКФ;

2) наличие / отсутствие типа или типов средств связи – субординаторов между компонентами ГПТ с АКФ, представленных различными морфологическими классами слов, известных как субординаторы (союзы-конъюнкторы: а) союзы-предлоги, союзы-последологи, союзы-частицы, союзы-аффиксы, включая и нулевые средства; б) союзные средства /коннекторы: местоимения, наречия, существительные и т.п. или их сочетание с предлогами или последлогами и т.д./);

3) наличие / отсутствие исконных или заимствованных средств связи – субординаторов в ГПТ с АКФ наряду с исконными или без них;

4) выявление доминирующих субординаторов в ГПТ с АКФ;

5) определение и установление позиционного расположения субординаторов по отношению к адвербиальному компоненту финальности из гипотетически шести возможных позиций: 1/ препозиции; 2/ интерпозиции; 3/ постпозиции; 4/ пре-постпозиции; 5/ пре-интерпозиции; 6/ интер-постпозиции;

б) установление по отношению к матричному компоненту позиционного расположения нематричного (адвербиального) компонента финальности, непосредственно диагностируемого или диктуемого (управляемого) позиционным расположением субординаторов: 1/ препозиция адверби-ального компонента финальности по отношению к матричному компоненту; 2/ интерпозиция адвербиального компонента финальности по отношению к матричному компоненту; 3/ постпозиция адвербиального компонента финальности по отношению к матричному компоненту.

2. *Квантитативные признаки ГПТ с АКФ*: а) количество ее инвариантных типов; б) количество типов субординаторов (исконных и заимствованных) между ее компонентами; в) частотность употребления типов ГПТ с АКФ в языке.

Таким образом, при типологии ГПТ с АКФ разносистемных языков следующие четыре основных признака – координаты, т.е. наиболее релевантные свойства ГПТ, являются объектом типологического исследования ГПТ, а именно: 1) типы ГПТ с АКФ; 2) типы средств связи между ее компонентами; 3) позиционное расположение данных средств связи; 4) порядок следования компонентов ГПТ с АКФ, т.е. позиционное расположение адвербиального компонента

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

финальности по отношению к матричному компоненту. Другие признаки-координаты будут изучены в специальных исследованиях.

При типологическом сопоставлении ГПТ с АКФ важно опираться на язык-эталон, выбранный для исследования из числа подвергнутых исследованию языков, способных покрывать все признаки ГПТс АКФ, или построенный искусственно.

Как показывает типологический анализ подсистемы подвергнутых исследованию 139

языков мира), ни один из них не имеет всех типологически релевантных признаков-координат, перечисленных выше, поэтому возникает необходимость в построении искусственного языка-эталона следующего типа:

Язык, имеющий в зависимости от позиции субординатора по отношению к адвербиальному компоненту финальности ГПТ три инвариантных типа, между компонентами которых средствами связи – субординаторами служат следующие морфологические типы служебных частиц:

Тип 1 (вариантный):

$$S_1+P_1 + \left\{ \begin{array}{l} \text{конъюнктор (союз)} \\ \text{конъюнктор (союз-предлог)} \\ \text{конъюнктор (союз-послелог)} \\ \text{конъюнктор (союз-частица)} \\ \text{конъюнктор (союз –аффикс)} \\ \text{коннектор (местоимение)} \\ \text{коннектор (существительное)} \\ \text{коннектор (наречие)} \\ \text{коннектор (причастие)} \\ \text{коннектор (деепричастие)} \\ \text{субординатор (нулевой)} \\ \text{субординатор (заимствованный)} \end{array} \right\} +S_2+P_2;$$

Тип 1 (инвариантный):

$$S_1+P_1+\text{subordinator}+S_2+P_2;$$

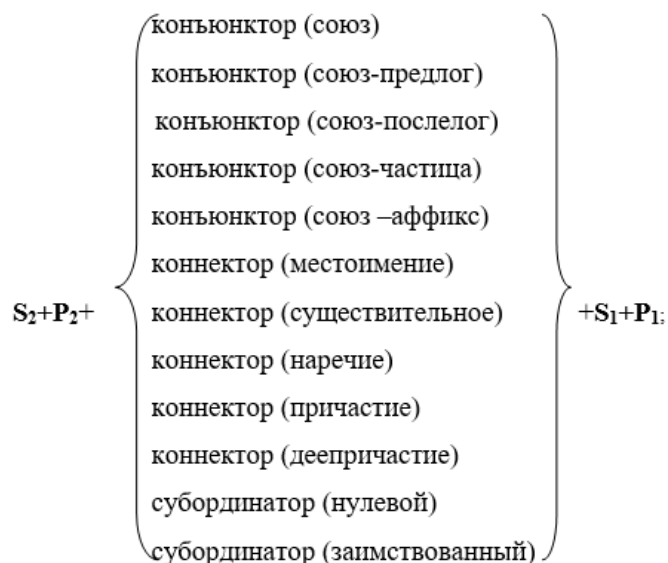
Тип 2 (вариантный):

$$S_2+ \left\{ \begin{array}{l} \text{конъюнктор (союз)} \\ \text{конъюнктор (союз-предлог)} \\ \text{конъюнктор (союз-послелог)} \\ \text{конъюнктор (союз-частица)} \\ \text{конъюнктор (союз –аффикс)} \\ \text{коннектор (местоимение)} \\ \text{коннектор (существительное)} \\ \text{коннектор (наречие)} \\ \text{коннектор (причастие)} \\ \text{коннектор (деепричастие)} \\ \text{субординатор (нулевой)} \\ \text{субординатор (заимствованный)} \end{array} \right\} + P_2+ S_1+P_1;$$

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Тип 2 (инвариантный):

$$S_2 + \text{subordinator} + P_2 + S_1 + P_1;$$
Тип 3 (вариантный):**Тип 3 (инвариантный):**

$$S_2 + P_2 + \text{subordinator} + S_1 + P_1.$$

В приведенных схемах S_1 означает субъект матричного компонента; P_1 – предикат матричного компонента; S_2 – субъект адвербиального компонента; P_2 – предикат адвербиального компонента.

Из вышеизложенного можно суммировать, что к языкам-эталонам, предложенным нами для типологического сопоставления очень близок узбекский язык – яркий представитель языков с развитым агглютинативным строем. Дело в том, что в узбекском языке, который демонстрирует высокоразвитый как паратактический, так и гипотактический строй по сравнению с другими тюркскими языками, мог бы служить языком-эталонам, если бы у него был конъюнктор-предлог, что не присуще для языков типа тюркских, поскольку последние используют послелог вместо предлога. Такие типологические черты современного узбекского языка свидетельствуют о развитой подсистеме политаксем, в частности, ГПТ с АКФ, чего нельзя сказать относительно других тюркских языков типа казахского, алтайского и тувинского, которые характеризуются неразвитой гипотактической системой.

Далее перейдем к конкретной типологии ГПТ с АКФ. При типологическом изучении указанных подтипов ГПТ с АКФ в языках разных систем будут использованы лингвистические системы

языков в виде нормативных (школьных, вузовских) грамматик, а не их тексты, поскольку, как справедливо отмечает Ю.Рождественский, «сменился эмпирический материал типологии. Теперь это уже не т е к с т ы, а описанные ранее, выведенные из текстов системы языков. На деле это означает, что типолог отныне должен пользоваться описанными (или выведенными им самим) системами. Обращение к конкретно-текстовому факту имеет лишь второстепенную, вспомогательную, (еще точнее в е р и ф и к а ц и о н н у ю – Х.Г.) силу» (Рождественский Ю., 1969: 10).

Далее перейдем к типологии ГПТ с АКФ в разноразностных языках.

Так, для проведения типологии гипотаксем с адвербиальным компонентом финальности (ГПТ с АКФ нами были проанализированы грамматические материалы языков разной типологической принадлежности. Из рассмотренных 139 языков в 121 ГПТ с АКФ как инвариантный синтаксический тип единицы существует (см. таблицу 1). Данный синтаксический тип также присущ трем ключевым

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

языкам¹ исследования (английскому, узбекскому и русскому), например:

в англ.: And I would shift the feather bed over, very softly so that

Catherine would not be wakened (E.Hemingway. A Farewell to Arms, 208);

в узбек.: Назиркул ҳам колхоз бўламан деб ариза ташлади. (С.Ахмад. Сайланма, 16);

в русск.: Он взял перстень с пальца и подарил мне, что бы я не уезжала (Л.Н.Толстой. Воскресение, 25).

Как видно из таблицы 1 в языках в качестве субординаторов между компонентами в ГПТ с АКФ используются различные морфологические классы слов, среди которых на роль доминанты претендуют союзы – конъюнкторы, поскольку из 121 языка в 107 языках они используются как средства осуществления синтаксической связи в ГПТ с АКФ, а в 15 из них доминирующими выступают другие виды субординаторов. Это такие языки, как абхазский, абазинский, кабардино-черкесский (в которых послелог выступает в качестве единственного типа субординатора), ТОН, МАО, САМ, (в которых употребляются только частицы), синдхи, ория (в которых используются только союзные средства – коннекторы), хакасский (использующий коннекторы, послелоги и частицы), туркменский (употребляются послелоги), уйгурский (используются только коннективы), лезгинский (употребляются только аффиксы), бирманский (используются только коннекторы), сирийский (употребляются только частицы), (см.: таблицу 1).

В 17 языках ГПТ с АКФ финальности как разновидность не дифференцирована, поскольку в них финальные отношения выражаются простым предложением с афинитными формами глагола в функции адвербиального члена финальности. К ним относятся следующие языки: 1/ ненецкий; 2/ нганасанский; 3/ калами; 4/ тамильский; 5/ каннада; 6/ табасаранский; 7/

монгорский; 8/ даргинский; 9/ арчинский; 10/ кубачинский; 11/ агульский; 12/ угаритский; 13/ сингальский; 14/ тангутский; 15/ качинский; 16/ шорский; 17/ дидойский.

Количество используемых для реализации синтаксической связи между компонентами ГПТ с АКФ финальности субординаторов в языках колеблется от 1 до 19. Максимальное количество субординаторов наблюдается в таких языках, как английский – 16 субординаторов («that, in order that, so that, lest, for fear that, so as, so», in case, in the hope that, with the purpose that, with the hope that, to the event that /Kobrina N., Korneeva E., 1965, 175-176; Leech G., Svartvik J., 1983[^] 77-78, 831), узбекский – 19 субординаторов (деб, дея, дейишиб, -син чун, -ми экан деб, токи... син, токи...син деб, зора... са, ...-са зора, зораки... са деб, шояд...са, ...-са шояд, шояд... са деб, деган максадда, деган максад билан, деган ниятда, деган ният билан, деган уйда, деган уй билан /Аскарлова М.А., 1965: 243-246/ Махмудов Н., Нурмонов А. 1995:2014-2015), русский – 14 субординаторов (чтобы, дабы, лишь бы, только бы, для того чтобы, ради того чтобы, с тем чтобы, во имя того чтобы, с целью чтобы, с той целью чтобы, в тех целях чтобы, с расчетом чтобы, так чтобы, затем чтобы (Ляпон, 1980, 594-597; 1980. -С. 539-633; 1985: 62; Валгина Н., 2003. – 297-301).

Что касается таких языков как волоф, индонезийский и кхмерский, то в них обнаружено по 8 субординаторов, в татарском - 7 субординаторов, в арабском, амхарском, саамском, киргизском и МАО – по 5 субординаторов.

Языков, использующих лишь 1 субординатор не так уж много. Это такие языки как ваханский, язгулямский, хауса, удмуртский, карачаево-балкарский, тагальский, малинке, чукотский, ительменский, коми и сирийский. В остальных языках довольствуются двумя, тремя или четырьмя субординаторами(см.Таблицу1).

¹ Эти языки были нами выбраны в качества ключевых, с тем, чтобы экстраполироваться от них на любые другие языки для осуществления типологии ГПТ с АКФ.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	РИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Таблица 1

№	Типы Средств связи Языки	АК финальности	Количество средств связи	Союз	Союзное слова	Послелог и	Предлог	Частица	Аффикс	Нулевое средство	Заместованные средства	Доминирующее средство	Позиция средств связи по отношению к адвербиально-му компоненту				Позиция адвербиального компонента по отношению к матричному компоненту		
													Препозиция	Интерпозиция	Постпозиция	Пре-постпозиция	Препозиция	Интерпозиция	Постпозиция
1.	2.	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1.	Русский	+	14	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
2.	Белорусский	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
3.	Украинский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
4.	Болгарский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
5.	Польский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
6.	Чешский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
7.	Сербохорват	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
8.	Латышский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
9.	Цыганский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
10.	Английский	+	16	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
11.	Немецкий	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
12.	Норвежский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+
13.	Шведский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
14.	Датский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
15.	Французск.	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
16.	Португальск	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
17.	Испанский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
18.	Итальянский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
19.	Румынский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
20.	Пушту	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
21.	Персидский	+	4	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
22.	Таджикский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
23.	Курдский	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
24.	Осетинский	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
25.	Ваханский	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
26.	Гилянский	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
27.	Язгулямский	+	1	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
28.	Арабский	+	5	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	+	-
29.	Аккадский	+	+	-	+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	+	-
30.	Амхарский	+	5	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	+	-
31.	Ассирийск.	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
32.	Тальшский	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	-	-	-	+
33.	Сомали	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	-
34.	Хауса	+	1	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
35.	Абхазский	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
36.	Абазинский	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
37.	Каб.черкес.	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
38.	Бацкий	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
39.	Армянский	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	+	+
40.	Саамский	+	5	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
41.	Эстонский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
42.	Марийский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
43.	Морд/эр.мок	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
44.	Удмуртский	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+
45.	Узбекский	+	19	+	+	+	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+
46.	Татарский	+	7	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+
47.	Казахский	+	4	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+
48.	Киргизский	+	5	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
49.	Азербайд.	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
50.	Каракалпак.	+	3	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
51.	Хакасский	+	+	-	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317 **SIS (USA) = 0.912** **ICV (Poland) = 6.630**
ISI (Dubai, UAE) = 1.582 **РИИЦ (Russia) = 3.939** **PIF (India) = 1.940**
GIF (Australia) = 0.564 **ESJI (KZ) = 9.035** **IBI (India) = 4.260**
JIF = 1.500 **SJIF (Morocco) = 7.184** **OAJI (USA) = 0.350**

52.	Караимский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
53.	Чувашский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
54.	Гагаузский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+
55.	Туркменск.	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
56.	Уйгурский	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
57.	Кар.балкар.	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
58.	Лезгинский	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
59.	Монгольск.	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
60.	Калмыцкий	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
61.	Китайский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+-
62.	Дунганский	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	+	-	-
63.	Лаосский	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
64.	Чжуанский	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
65.	Кхмерский	+	8	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
66.	Тагальский	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
67.	Индонезий.	+	8	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
68.	Сунданский	+	3	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
69.	Самоанский	+	2	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
70.	Гавайский	+	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
71.	Зулу	+	+	+	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
72.	Малинке	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
73.	Йоруба	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
74.	Ганда/Луган	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
75.	Браун	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
76.	Руанда	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
77.	Суахили	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
78.	Волоф	+	8	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
79.	ТОН	+	2	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
80.	САМ	+	2	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
81.	МАО	+	5	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
82.	Лингала	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
83.	Тайский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
84.	Игбо	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
85.	Коптский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
86.	Берберский	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
87.	Пали	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
88.	Хинди	+	4	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
89.	Урду	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
90.	Бенгальский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
91.	Непали	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
92.	Маратхи	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
93.	Панджаби	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
94.	Синдхи	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
95.	Ория	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
96.	Ленди	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
97.	Ассамский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
98.	Венгерский	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
99.	Самаритян.	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
100.	Ягнобский	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	-	-	-	+
101.	Мансий./вог.	+	++	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+-	+	-	+	-	-
102.	Вепский	+	++	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	+-	+	-	-	-	+
103.	Финский	+	2	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
104.	Ишканимск	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-	-
105.	Чукотский	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
106.	Мальгашск.	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
107.	Белуджский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
108.	Бугийский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
109.	Бурятский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	+	-	-
110.	Бирманский	+	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+	+
111.	Мунджанск	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
112.	Ительменск	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
113.	Коми	+	1	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	-	+
114.	Наукан/эск.	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+
115.	Буршаски	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
116.	Рошорвский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
117.	Рушанский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
118.	Саларский	+	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+
119.	Эфиопский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-	+
120.	Сирийский	+	1	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+
121.	Аварский	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	-	+

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

(В таблице 1 даются сведения о наличии в языках ГПТ с АКФ, при этом «+» означает наличие признака, «цифры 1,2,3» - количество средств связи, «пф» - простое предложение с обстоятельством финальности(цели), «+» - не частотность признака, «-» - не характерность или отсутствие признака, «с» - союз (доминирующее средство связи), «с/с» - союзное слова, «пл» - послелог, «пр» - предлог, «аф» - аффикс, «ч» - частица, «бс» - бессоюзе).

Количество используемых типов субординаторов в ГПТ с АКФ, как и в других подтипах ГПТ с АК, непосредственно связано с национальными ресурсами того или иного языка. Чем больше субординаторов, тем богаче подсистема ГПТ с АКФ, предназначенных для дифференцированного выражения адвербиальных финальных отношений, и наоборот, чем меньше субординаторов, тем беднее подсистема ГПТ с АКФ.

Из подвергнутых исследованию 121 языка, имеющего ГПТ с АКФ, в 95 языках доминирующей позицией субординатора по отношению к адвербиальному компоненту финальности является только препозиция. При этом интерпозиции как доминирующей не наблюдалось. Что касается только постпозиции, то она характерна для 18 языков. Есть и случаи препозиции и постпозиции в 3 языках (амхарский, тальшский, дунганский), в 3 языках (мансийский, вогульский, узбекский) встречаются все 3 основные позиции (препозиция, интерпозиция, постпозиция) из гипотетически шести возможных(см.таблицу 1).

Следует особо отметить, что в узбекском языке наблюдается и такая позиция как пре-постпозиция, т.е. обрамляющая, занимаемая такими парными субординаторами как «токи... деб, зора... деб». В 3 языках (в эфиопском, норвежском и удмуртском) встречаются случаи как препозиции, так и пре-постпозиции субординаторов, остальных позиций в указанных языках не наблюдалось.

В 67 языках в зависимости от морфологического характера субординатора, последний занимает лишь препозицию, в 16 языках - лишь постпозицию, а языков, использующих лишь интерпозицию субординатора не было обнаружено. Определены и случаи заимствования субординаторов, но их очень мало.

Существуют и закономерности позиционного расположения АКФ по отношению к матричному компоненту ГПТ. Так, из 121 языка в 20 языках доминирующей является постпозиция, интерпозиции как доминирующей не наблюдалось, хотя в таких языках, как русский, английский и т.п. возможна и препозиция в силу

коммуникативной нагрузки компонентов ГПТ с АК финальности(см.Таблицу1).

Доминирующая постпозиция адвербиального компонента финальности по отношению к матричному компоненту объясняется тем, что логически «финальность (цель)» следует за теми средствами ее достижения, которые и выражаются через предикат матричного компонента.

Сравнительно-типологический анализ тюркских языков показывает, что современный узбекский язык сильно отличается от других представителей тюркской семьи языков тем, что в нем довольно развита гипотактическая система, в которой доминирует тенденция к аналитизму субординаторов, хотя есть немало субординаторов синтетической структуры. Это свидетельствует о том, что под воздействием контактирующих в прошлом и настоящем языков типа персидского, иранского, турецкого, арабского и т.д. современный узбекский язык далеко вперед шагнул в отличие от других тюркских языков в своей гипотактической подсистеме, развиваясь от синтетизма к аналитизму. Об этом свидетельствует целая система субординаторов аналитической структуры, сосуществующих с субординаторами синтетической структуры, составляющими-ми по сравнению с первыми незначительное количество (см.: Таблицу 1).

Анализ подсистем ГПТ с АКФ в английском, узбекском и русском языках позволяет сделать вывод о том, что среди языков соответственно германской, тюркской и славянской семей указанные типологизируемые языки характеризуются высоко развитой подсистемой гипотаксем с типичным аналитическим строем (присущим для английского), агглютинативным строем с активной тенденцией к аналитизму субординаторов (присущим для узбекского языка) и флективном строем с характерной тенденцией к аналитизму субординаторов (присущим для русского языка).

Системный анализ грамматических систем и конкретного эмпирического материала 122 языков по ГПТ с АКФ позволили нам сформулировать следующие языковые константы (установленные нами впервые в качестве абсолютных универсалий, фреквенталий, импликаций, рецессивов и уникалий):

1. Абсолютные универсалии по ГПТ с АКФ:

Во всех языках, адвербиальные отношения выражаются монотаксемой(простым предложением) с адвербиальным членом, что и свидетельствует о ее статусе как общетипологической единицы, чего нельзя сказать по отношению к ГПТ с АКФ, являющейся частнотипологической единицей.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

2. Фреквенталии по ГПТ с АКФ:

1) В подавляющем большинстве языков, имеющих подсистему гипотаксемы, существуют ГПТ с АКФ.

2) В подавляющем большинстве языков, имеющих подсистему ГПТ с АКФ, средствами связи - служебными частицами между адвербиальным компонентом и центром подчинения в матричном компоненте, служат конъюнкторы, представленные союзами.

3) В языках, имеющих ГПТ с АКФ, в зависимости от того, с какой (левой или правой) стороны адвербиального компонента канонически располагается субординатор, с той же стороны располагается и адвербиальный компонент по отношению к матричному компоненту.

4) В языках, имеющих систему ГПТ с АКФ, позиция искомого субординатора - конъюнктора относительно нематричного компонента есть важнейший диагностирующий признак базового порядка в политаксеме.

5) В подавляющем большинстве языков адвербиальный компонент финальности располагается постпозиционно по отношению к матричному компоненту ГПТ. (Гринберг Дж., 1970:14, 159; 1970 (15), 183/ исключение составляют языки с базовым порядком SOV).

3. Импликации по ГПТ с АКФ:

1) Если в языке есть ГПТ с АКФ, то в данном языке также есть моноксема с адвербиальным членом финальности, но не наоборот.

2) Если в языке, имеющем гипотаксему, исконый субординатор-конъюнктер находится в препозиции по отношению к ее адвербиальному компоненту, то в данном языке канонически базовый порядок SVO (это языки типа индоевропейских: английский, немецкий, французский и т.д.).

3) Если в языке, имеющем подсистему ГПТ с АКФ, исконый субординатор-конъюнктер находится в постпозиции по отношению к нематричному компоненту, то в данном языке канонически базовый порядок SOV. (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

4) Если в языке, имеющем подсистему ГПТ с АКФ, исконый субординатор находится в интерпозиции по отношению к нематричному компоненту, то в данном языке канонически базовый порядок OVS /или SOV, или OSV/ (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

5) Если в языке, имеющем ГПТ с АКФ, исконый субординатор – конъюнктер находится в препозиции по отношению к нематричному компоненту, то в данном языке нематричный компонент канонически в постпозиции по отношению к матричному компоненту (это языки

типа индоевропейских: английский, немецкий, французский, русский и т.д.).

6) Если в языке, имеющем ГПТ с АКФ, исконый субординатор-конъюнктер в постпозиции по отношению к ее нематричному компоненту, то в данном языке нематричный компонент канонически в препозиции по отношению к матричному компоненту (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

7) Если в языке, имеющем ГПТ с АКФ, исконый субординатор – конъюнктер находится в интерпозиции по отношению к ее нематричному компоненту, то нематричный компонент канонически в препозиции / или редко в интерпозиции/ (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

8) Если в языке, имеющем ГПТ с АКФ, исконым субординатором служит послелог, то он канонически в постпозиции по отношению к ее нематричному компоненту, а последний имеет строго препозицию по отношению к матричному компоненту (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

9) Если в языке, имеющем ГПТ с АКФ, искоными субординаторами – конъюнктерами выступают синтетические средства, то в данном языке базовый порядок SOV и порядок следования компонентов строгий, а сам нематричный компонент канонически в препозиции по отношению к матричному компоненту (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

10) Если в языке компоненты ГПТ с АКФ присоединяются при помощи аналитико-синтетических средств, то в данном языке порядок следования строго фиксирован (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

11) Если в языке связь между компонентами ГПТ с АКФ актуализируется асинтетическим способом, то в данном языке порядок следования компонентов строго фиксирован.

12) Если в языке есть подсистема ГПТ с АКФ, то в данном языке между ее компонентами средствами связи служат субординаторы /конъюнктеры и коннекторы/, хотя бы нулевые.

13) Если в языке есть ГПТ с АКФ, то в ней субординатор-конъюнктер органически не входит ни в один из ее компонентов, оставаясь принадлежностью всей ГПТ.

14) Если в языке есть ГПТ с АКФ, то в ней субординатор-коннектор(союзное средство) органически входит в АКФ, функционируя в нем одновременно как средство связи, так и синтаксический член АКФ.

15) Если в языке адвербиальный компонент

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
РИИЦ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

финальности вводится послелогом, то это язык с базовым порядком слов и в данном языке сказуемое его обычно выражается формой повелительного наклонения (Это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

16) Если в языке базовый порядок членов предложения SVO, то в данном языке в ГПТ, то АКФ канонически в постпозиции /Гринберг 1970 (14), 159/ (это языки типа индоевропейских: английский, немецкий, французский, русский и т.д.).

17) Если в языке порядок членов предложения SOV, то в данном языке в ГПТ с АКФ, адвербиальный компонент канонически интерпозитивен (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

18) Если в языке средство связи - субординатор располагается в начале АКФ (т.е. препозиционно по отношению к нему), то последний (АКФ) канонически тяготеет к постпозиции (это языки типа индоевропейских: английский, немецкий, французский, русский и т.д.).

19) Если в языке средство связи - субординатор располагается в конце АКФ (т.е. постпозиционно по отношению к адвербиальному компоненту финальности), то сам АКФ канонически тяготеет к интерпозиции (это языки типа тюркских: узбекский, казахский, тувинский, алтайский, татарский и т.д.).

20) Если язык аналитичен, то в составе ГПТ субординатор канонически располагается препозиционно по отношению к АКФ.

21) Если язык агглютинативен, то в составе ГПТ служебная частица - исконный субординатор канонически располагается постпозиционно по отношению к АКФ.

4. Рецессивы по ГПТ с АКФ:

1. В некоторых языках Новой Гвинеи и в языках американских индейцев моносубъектность/полисубъектность выражается посредством определенных суффиксов в глаголе-сказуемом нематричного компонента гипотаксемы (Кинэн, 1982, 251).

2. В некоторых языках, малагасийском, цельтал (группа майя), мексикал (группа отаманге), в компоненте гипотаксемы подлежащее имеет фиксированное положение за дополнением или дополнениями (Кинэн, 1982, 250).

5. Уникалии по ГПТ с АКФ:

Языковые закономерности могут быть строго локализованными и выступать в качестве специфически внутренних признаков и свойств какого-нибудь отдельно взятого конкретного языка, так по подсистеме политаксем различных

языков нами зафиксированы следующие уникалии по их структурно-семантической и коммуникативно-прагматической организации:

1. В узбекском языке при субъектах компонентов гипотаксемы, стоящих в единственном числе, грамматический предикат (или предикаты) может согласоваться с субъектами во множественном числе, при этом формант «-лар» выражает не семантику категории числа или предположительности, а скорее – семантику уважения к лицам или их принадлежностям, описанным в гипотаксеме.

2. В китайском языке в гипотаксеме с адвербиальным компонентом финальности вместо союзов употребляется модальный глагол "яо" (Солнцев В., 1957 : 190; 1971 : 202).

3. В даргинском языке конъюнктор (союз) "биалли" всегда располагается после первого слова в адвербиальном компоненте финальности гипотаксемы (Абдуллаев, 1971, 106).

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что ГПТ с АКФ относится к числу частнотипологических единиц, так как они существуют и функционируют в подавляющем большинстве языков мира, тогда как монотаксемы с адвербиальным членом представляют собой общетипологические единицы, так как они типичны для всех языков мира, тем самым составляют абсолютные универсалии.

ГПТ с АКФ в языках мира характеризуются имплицитивными закономерностями теорематического характера, обусловленными взаимнопредполагающими явлениями. Что касается рецессивов и уникалий, то в языках мира отдельные языковые закономерности могут быть строго локализованными и выступать в качестве специфически внутренних признаков и свойств каких-либо отдельных конкретных языков, или какого-нибудь отдельно взятого конкретного языка, в первом случае мы имеем дело с рецессивами – редкими свойствами языков, которые характерны для незначительного количества языков, а во втором случае налицо уникалии - структурно-семантические свойства единицы, присущие единице или единицам только одного языка.

Таким образом, изучение и раскрытие константных (абсолютно универсальных, фреквентальных, имплицитивных, рецессивных и уникальных) свойств языковых единиц, в частности, ГПТ с АК в языках, наиболее убедительно демонстрирует общезыковедческие признаки и частноязыковедческие особенности их существования и функционирования в коммуникации, что в целом имеет не маловажное значение при разработке общетеоретических основ той или иной единицы языка и речи.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
 ISI (Dubai, UAE) = 1.582
 GIF (Australia) = 0.564
 JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
 PIHII (Russia) = 3.939
 ESJI (KZ) = 9.035
 SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
 PIF (India) = 1.940
 IBI (India) = 4.260
 OAJI (USA) = 0.350

References:

1. Abduazizov, A.A. (1974). *K tipologii fonologicheskikh sistem*. Avtoref. diss.... dokt. filol. nauk. (p.34). Moscow.
2. Abdullaev, Z.G. (1971). *Ocherki po sintaksisu darginskogo jazyka*. (p.447). Moscow: Izd.-vo Vost. lit..
3. Askarova, M.A. (1963). *Sposoby podchinenija i tipy pridatochnyh predlozhenij v sovremennom uzbekskom jazyke*: Avtoref. disc...dokt. filol. nauk. (p.86). Tashkent.
4. Bondarko, A.V. (1987). *Vvedenie. Osnovaniya funkcional'noj grammatiki*. (pp.5-39).
5. (n.d.). *Teorija funkcional'noj grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaja lokalizovannost'*. Taksis / Otv. red. A. V. Bondarko. (p.348). L.: "Nauka".
6. Bondarko, A.V. (1998). *Funkcionalnaja model' grammatiki* (Teoreticheskie osnovy, itogi i perspektivy). *Jazyk i rechevaja dejatel'nost'*. I-tom, (pp.20-23). Sankt - Peterburg.
7. Valgina, N.S. (2003). *Sovremennij russkij jazyk. Sintaksis*. (p.418). Moscow: Vysshaja shkola.
8. Grinberg, Dzh. (1963). Grinberg (14), 159 *Kvantitativnyj podhod k morfoloicheskoj tipologii jazykov. Novoe v lingvistike*, vyp. III, Moscow: "Izd-vo inostr. literatury", pp. 60-94.
9. Grinberg, Dzh. (1970). Grinberg (15), 183/ *Nekotorye grammaticheskie universalii preimushhenstvenno kasaushhiesja porjadka znachimyh jelementov. Novoe v lingvistike*, vyp.V.- Moscow: "Progress", pp. 114-162.
10. Kinjen, Je.L. (1982). *K universal'nomu opredeleniu podlozhashhego. Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. (pp.236-276). Moscow: "Progress", a.
11. Kinjen, Je.L., & Komri, B. (1982). *Ierarhija dostupnosti imennyh grupp i universal'naja grammatika. Novoe v zarubezhnoj lingvistike*. (pp.236-276). Moscow: "Progress", b.
12. Ljapon, M.V. (1980). *Slozhnoe predlozhenie: Slozhnopodchinennoe predlozhenie raschlenennoj struktury: Slozhnosochinennoe predlozhenija. Russkaja grammatika*. (pp.539-633). Moscow: "Nauka".
13. Ljapon, M.V. (1985). *Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija i tekst/k tipologii vnutritekstovyh omoshenij*. Avtoref. dis. .dokt. filol.nauk. (p.62). Moscow.
14. Majtinskaja, K.E. (1982). *Sluzhebnye slova v finno-ugorskih jazykah*. (p.185). Moscow: "Nauka".
15. Meshhaninov, I.I. (1958). *Tipologicheskoe sopostavlenie i tipologija sistem*. Filol. nauki. *NDVSh.*, № 3, pp. 39-43.
16. Rozhdestvenskij, Jy.V. (1969). *Tipologija slova*. (p.286). Moscow: "Vysshaja shkola".
17. Serebrennikov, B.A. (1972). *O lingvisticheskikh universalijah*. *VJa*, №2, pp. 93-100.
18. Serebrennikov, B.A. (1974). *Verojatnostnye obosnovaniya v komparativistike*. (p.352). Moscow: "Nauka".
19. Solncev, V.M. (1957). *Ocherki po kitajskomu jazyku*. (p.207). Moscow: «Izd-vo IMO».
20. Solncev, V.M. (1971). *Jazyk kak sistemno-strukturnoe obrazovanie*. (p.291). Moscow: «Nauka».
21. Uspenskij, B.A. (1965). *Strukturnaja tipologija jazykov*. (p.286). Moscow: "Nauka".
22. Uspenskij, B.A. (1961). *Tipologicheskaja klassifikacija jazykov kak osnova jazykovyh sootvetstvij. (Struktura jazyka-jetalona pri tipologicheskoj klassifikacii jazykov)*. *VJa*, № 6, pp. 61-72.
23. Uspenskij, B.A. (1962). *Principy strukturnoj tipologii*. (p.89). Moscow.
24. Hashimov, G.M. (1981). *Slozhnopodchinennoe predlozhenija s pridatochnymi celi v raznosistemnyh jazykah*: Dis. kand. filol. nauk. (p.325). Tashkent.
25. Hashimov, G.M. (1991). *Tipologija slozhnyh predlozhenij raznosistemnyh jazykov*. (p.105). Tashkent: "Fan".
26. Hoshimov, G.M. (2002). *Tipologija slozhnogo predlozhenija v raznosistemnyh jazykah*. avtoref. diss. dokt. filol.nauk. (p.23). Tashkent.
27. Hoshimov, G.M. (2016). *Principy i metodika tipologicheskogo sopostavlenija slozhnyh predlozhenij*. (p.159). Andizhan:izd-vo «Hajot».
28. Kobrina, N.A., & Korneeva, E.A. (1965). *An outline of Modern English syntax*. (p.208). Moscow: Vysshaja shkola.
29. Leech, G., & Svartvik, J. (1983). *Communicative Grammar of English*. (p.304). Moscow: Prosveshenie.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
ПИИИ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

SOI: [1.1/TAS](#) DOI: [10.15863/TAS](#)

International Scientific Journal Theoretical & Applied Science

p-ISSN: 2308-4944 (print) e-ISSN: 2409-0085 (online)

Year: 2021 Issue: 11 Volume: 103

Published: 23.11.2021 <http://T-Science.org>

QR – Issue

QR – Article

Faina Semenovna Gafurova

Fergana Polytechnic Institute

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of
the Department of Economics, Fergana, Republic of Uzbekistan

ivanovich@ferpi.uz

ISSUES OF WAGE TRANSFORMATION IN THE MODERN ECONOMY

Abstract: *The effective functioning of the national economy of Uzbekistan in market conditions makes it necessary to get the maximum return from all the resources used by the organization, including labor, the effectiveness of which directly depends on the policy in the field of remuneration at all levels of management. The article deals with topical issues of the transformation of employee remuneration in an innovative economy with high information and intellectual capacity.*

Key words: *employment, innovative type of employment, remuneration, forms of remuneration, economy of Uzbekistan, Action strategy.*

Language: English

Citation: Gafurova, F. S. (2021). Issues of wage transformation in the modern economy. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (103), 784-791.

Soi: <http://s-o-i.org/1.1/TAS-11-103-84> **Doi:** <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.11.103.84>

Scopus ASCC: 2000.

Introduction

UDC 334.7:331.2

The Strategy of Actions on the five priority areas of Development of the Republic of Uzbekistan in 2017-2021 emphasizes that the only real alternative to the raw material model of the country's economic development is the strategy of innovative development based on the realization of human potential, the most effective use of people's knowledge and skills for the continuous improvement of technology, economic results, and the life of society as a whole.

An innovative economy with a high information and intellectual "capacity" is adequate for an innovative type of employment - flexible, dynamic, efficient, involving constant renewal, new content, structure, types, forms of employment and their constant updating, improving the quality of human capital, realizing the intellectual and creative potential of the population in the field of labor. Innovative-type employment is becoming a fait accompli for many countries that have chosen the post-industrial path of development. Its development takes place both under the influence of market forces and under the influence of appropriate state policy. The current stage of

development of the Republic of Uzbekistan is characterized along with positive shifts in macroeconomic parameters, serious problems in the field of labor, including inefficient employment and increasing structural unemployment, low quality of jobs and low labor productivity, high income inequality, depreciation of human capital, significant asymmetry of social and labor relations, deepening differentiation of regional labor markets, etc.

The process of formation of innovative-type employment as a global trend has also begun in Uzbekistan, but it is fragmented, enclave and spontaneous, needs institutionalization and special incentive mechanisms. If the current situation persists, the employment sector will in the future act as a limiter for sustainable socio-economic development on an innovative basis. The strategy of employment development in the innovative direction requires not only a rethinking of the postulates of the neoclassical paradigm, analysis and systematization of new phenomena at the theoretical and methodological level, but also puts the employment management system in front of new "challenges" that require a qualitative change in its traditional directions. In connection with the above, the formation of an integral concept of innovative employment, the

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIIHQ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

development of a methodology for its assessment, the analysis of the process of its institutionalization, the study of global trends, the identification of limitations and prerequisites for its formation are of great theoretical and practical importance.

The transformation of employee remuneration depends on the impact of various factors due to the influence of the labor market, technical, technological and organizational and regulatory changes, the life cycle of the organization, labor productivity, the interest of managers in increasing employee remuneration, staff satisfaction with the level of remuneration, etc. Due to the influence of these factors, the system of remuneration of employees must be transformed in order to meet modern trends in the development of our country, take into account the modernization of the economy, correspond to innovative transformations, promote self-improvement of employees, which affects their professional and qualification growth.

A properly constructed remuneration system is the key to employee satisfaction with their activities and interest in the successful functioning of the enterprise, contributes to increasing its competitiveness in the labor market. In this regard, the chosen topic of the dissertation research devoted to innovative transformations of wages in the modern economy is relevant.

The degree of development of the problem.

The study of the problems of remuneration of employees, wages, wages is reflected in the works of foreign and domestic scientists. The issues of staff remuneration were considered by D. Boddy, R. Peyton, M. Meskon, L. Hunter, etc. Various aspects of the internal remuneration policy are reflected in the works of foreign and domestic scientists. A wide range of issues related to aspects of salary formation in foreign companies is reflected in the works of the following authors: M. Armstrong, R. Bennett, H. Graham, A.A. Kalinich, E. Cohn, U. Mondini, R. Know, E. Zander, P. Chingos, etc.

In the formation of the author's position on the problems of institutionalization of innovative employment, a special role was played by the works of Russian and domestic researchers analyzing the institutional features of the labor market: K.H. Abdurakhmanov, A. Abdusaidov, Sh. Kholmuminov, Z. R. Khudaiberdiev, R.I. Kapelyushnikov, G.B. Kleiner, R.M. Nureyev, A.N. Oleinik, V.M. Polterovich, V.L. Tambovtsev, A.E. Shastitko, etc.

The methodological and theoretical basis of the study were the provisions of the modern theory of labor economics, personnel management, as well as the basic provisions of the scientific methodology of socio-economic phenomena. The study used a systematic approach, statistical methods, the method of expert assessments, ranking, methods of analysis and synthesis, logical comparison and comparison, as

well as sociological methods of collecting and processing empirical data.

Discussion and results:

The functioning of the national economy of Uzbekistan in market conditions makes it necessary to get the maximum return from all the resources used by the organization, including labor, the effectiveness of which directly depends on the policy in the field of remuneration at all levels of management.

The main goal of the social policy pursued by the Government of Uzbekistan is to improve the level and quality of life of the population by stimulating their labor activity, enabling everyone to ensure the well-being of their family, the formation of savings and their effective investment. The socio-economic development of the company is directly related to the remuneration of employees, since the level of real income and wages form a solvent demand in the state domestic market. The actual problems of regulation and formation of incomes of the population are closely related to the problems of the organization of wages at individual enterprises, the regulation of which takes place within the framework of the intra-company wage policy.

Constant transformations in the economic and social spheres are an important characteristic of our country at the present stage of its development. The ongoing changes and their causes require in-depth study, as well as the application in Russian practice of innovative approaches to the formation of a wage system to enhance the stimulating effect necessary for economic development.

In the study we conducted:

I. It is proved that in the modern economy, organizations, when solving the task of increasing the efficiency of their activities by strengthening the motivation of employees, need to focus on remuneration. The study of the evolution of the content of views on the role of a person in the organization and ways of influencing the result of the labor process allowed us to identify the direction of development of types of employee remuneration. With all the existing diversity of views of both domestic and foreign scientists on the definitions of "remuneration", "wages", "wages", often "remuneration" is identified with "wages", "wages", while there is a substitution of concepts. However, from the point of view of functional status, this is illegal. In our opinion, the concept of remuneration includes the categories of remuneration and wages. In this regard, we have clarified the logical relationship and presented the author's interpretation of the definitions of "remuneration", "remuneration", "wages", differing in their use in the modern economy, taking into account the hierarchy.

Remuneration of employees is a set of remuneration and other material and non-material

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

forms of encouragement of employees for the work performed, aimed at meeting needs and accumulating savings in terms of social partnership.

Remuneration - payments to employees for their work (including wages), as well as for unworked time (payment for vacations, temporary disability of employees, etc.), stimulating employees to increase labor productivity, improve the quality of products (work performed, services rendered), made in accordance with laws, other regulatory legal acts, as well as the situation on the labor market.

Wages are the price of labor, formed in accordance with the qualifications of the employee, complexity, quantity, quality and working conditions, taking into account the situation on the labor market and guaranteeing social security of employees and their family members.

In the economic literature, monetary remuneration is considered mainly as monetary remuneration of employees in the form of wages and bonus payments, depending on the quantity and quality of labor. In this regard, the dissertation considers in detail the remuneration of labor as an element of material remuneration of employees, necessary in solving the problem of improving the efficiency of organizations by strengthening the motivation of employees in the modern economy.

II. The definition of the innovative remuneration system is given, the classification of remuneration systems from the position of the innovative component is proposed, which allows a comprehensive analysis of the relationship between the evaluation of the effectiveness of the organization and the labor contribution of employees.

Article 153 of the Labor Code of the Republic of Uzbekistan characterizes the forms and systems of remuneration, bonuses, surcharges, allowances, incentive payments are established in collective agreements, as well as other local acts adopted by the employer in coordination with the trade union committee or other representative body of employees.

The legislation of the country defines the wage system as a set of rules for determining or establishing wages, the ratio between the measure of labor and remuneration for it. By innovative, we mean such remuneration systems that contain innovations, ensure the improvement of labor processes, increase the quality of products (work performed, services rendered), increase the efficiency of employees and the organization as a whole. The allocation of tariff-free and flexible wage systems for coordinating the interests of employees and employers in the social partnership system is argued.

Tariff-free wage systems are classified depending on the contribution of employees to the final results of the organization's activities into the following types: a system of floating salaries, an expert system for evaluating labor results, a wage system using a labor cost coefficient, a unit system, a labor remuneration rate, a commission-based wage system, cash payments for the fulfillment of goals and the working behavior of employees, a universal market system for evaluating wages.

The advantages of tariff-free wage systems are their simplicity, accessibility for understanding the mechanisms of accrual of remuneration to individual employees, leading to an increase in the importance of the incentive function of remuneration. When using tariff-free wage systems, the employee's earnings in them are completely dependent on the final results of the work of the entire working team.

With flexible systems, the remuneration of employees includes a basic (permanent) part and a variable component calculated according to a certain principle. In flexible systems, part of the earnings is made dependent on the personal merits of the employee, and part - on the overall efficiency of the enterprise. At the same time, flexibility is considered as the quality of innovation.

The classification of flexible employee remuneration systems proposed by us is presented in Table 1.

Table 1 - Classification of flexible employee remuneration systems

Classification feature	Flexible employee compensation systems
1. According to the accrual method:	- Residual system, - contract system, - tariff and certification system, payment for knowledge and competence.
2. Depending on the value of employees and their positions for the organization:	-SBP systems (remuneration based on work skills), -remuneration using the grading system.

Modern flexible employee compensation systems are associated with the shared distribution of the employee compensation fund of the organization. Their main difference from traditional systems is market orientation.

I. The factors of the external and internal environment of the organization's functioning that influence the transformation of wages in the modern economy are identified and classified.

Environmental factors affect mainly the

Impact Factor:

ISRA (India)	= 6.317	SIS (USA)	= 0.912	ICV (Poland)	= 6.630
ISI (Dubai, UAE)	= 1.582	PIHIQ (Russia)	= 3.939	PIF (India)	= 1.940
GIF (Australia)	= 0.564	ESJI (KZ)	= 9.035	IBI (India)	= 4.260
JIF	= 1.500	SJIF (Morocco)	= 7.184	OAJI (USA)	= 0.350

guaranteed basic part of the remuneration of employees, and the internal - its additional, variable part. Organizations have to adapt to the action of external factors, while the factors of the internal environment are subject to intra-company influence, which contributes to an increase in the degree of independence of employers in solving issues of the formation of wage models. The connection of the employee remuneration system with the external and internal environment of the organization's functioning within the framework of the regulatory aspect characterizes the regulatory mechanism of wage transformations at all stages of the life cycle. The features of remuneration of employees at the stages of reorganization and crisis within the framework of the organization's life cycle that we have highlighted allow us to transform wages in the most reasonable way, responding adequately to the prevailing socio-economic conditions.

II. The list is supplemented and a meaningful description of the principles of developing innovative systems of remuneration of employees is given, taking into account current trends in the labor market, the development of non-standard forms of employment and the need for an individual approach to determining the amount of earnings, including the following:

- Competitiveness. Under the influence of competition, a policy of material incentives is being formed, proceeding from the fact that the remuneration of employees should be competitive. The remuneration systems used in the organization are designed to ensure the attraction of a workforce whose level of professionalism and qualifications would correspond to the strategy and tactics of economic activity of a market entity. Labor market research allows organizations to adjust the level of remuneration of their employees in accordance with changes in competitors' rates; identify the most preferred forms of remuneration for employees; compare labor costs.

- Meritocracy. Meritocracy is characterized by a corresponding utility function linking indicators of equality of opportunity and wage inequality. Consideration of the remuneration system taking into account the merits of the employee should be related to the fairness of society. The concept of a just society presupposes the absence of significant economic inequality. The remuneration of workers cannot be separated from the consequences of distribution leading to increased inequality. The merit of each individual can be objectively measured, while both the intellect itself and the ability to self-realization are evaluated.

- Coordination of the interests of employees and employers. Improving the efficiency of the organization can be achieved by aligning the interests of the employer and the employee in the field of remuneration. The planning of personnel

remuneration costs should ensure an increase in the interest of employees in the growth of the organization's income as a whole. To increase the income of the organization, it is necessary to influence the innovative activity of employees. Every manager who cares about increasing the success of his company and increasing the productivity of employees should try to interest all employees in creating innovations and, consequently, in increasing the income of the organization.

- Individual approach. The subject of motivation for one employee may have absolutely no meaning, despite the fact that for another it may be very significant due to the difference in employee expectations, which necessitates the differentiation of the remuneration system taking into account the individual characteristics of employees.

Conclusion.

In the modern economy, organizations, when solving the task of increasing the efficiency of their activities by strengthening the motivation of employees, need to focus on remuneration, which is an element of material remuneration of employees for their work.

In our opinion, the innovative system of remuneration allows a comprehensive analysis of the relationship between the evaluation of the effectiveness of the organization and the labor contribution of employees.

The factors of the external and internal environment of the functioning of the organization are identified and classified, which allow us to focus on the features of managerial influence in the formation of wages, which must be taken into account when transforming wages in the modern economy.

The list is supplemented and a meaningful description of the principles of developing innovative systems of remuneration of employees is given, taking into account current trends in the labor market, the development of non-standard forms of employment and the need for an individual approach to determining the amount of earnings.

Based on the identified trends in the development of the national labor market, a method of innovative wage transformations has been developed, taking into account the specifics and type of activity of the organization, which is recommended as a basis for creating a real wage system. An algorithm based on economic and mathematical methods for constructing a model of employee remuneration using innovative systems is proposed.

Thus, the hypothesis is confirmed that in the conditions of transformations of social and labor relations, the system of remuneration of employees cannot be effective when using static models, which determines the need for innovative transformations of remuneration, providing flexibility and constructiveness of relations between social partners

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

in the modern economy.

References:

1. Abdullaev, A., & Mukhsinova, Sh. (2021). Analysis of macroeconomic policy of the Republic of Uzbekistan. *OII.*, №6/S, <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-makroekonomicheskoy-politiki-respubliki-uzbekistan>
2. Abdullaev, A., et al. (2021). *Covid-19 pandemic in central Asia: policy and environmental implications and responses for SMES support in Uzbekistan*. In E3S Web of Conferences (Vol. 258, p. 05027). EDP Sciences.
3. Abdullaev, A. M., Kurpayanidi, K. I., & Tolibov, I. Sh. U. (2019). Actual issues of activization of financial factors of development of entrepreneurship in Uzbekistan. *Kazakhstan Science Journal*, Vol. 2, No 3(4), pp. 49-58.
4. Abdusaidov, A. A. (2019). Hususij ish bilan bandlik hizmati rivozhlanishining xududij hususiyatlari. *Ekonomika i finansy* (Uzbekistan), (10).
5. Alaloul, W. S., Liew, M. S., Zawawi, N. A. W. A., & Mohammed, B. S. (2018). *Industry revolution IR 4.0: future opportunities and challenges in construction industry*. In MATEC web of conferences (Vol. 203, p. 02010). EDP Sciences.
6. Azarnova, T. V., Gogoleva, T. N., & Yaryshina, V. N. (2019). *Institucional'nye faktory, vliyayushchie na zanyatost', i formirovanie programm professional'nogo obucheniya i perepodgotovki kadrov*. In Rossijskie regiony v fokuse peremen (pp. 738-744).
7. Boddy, D. (2009). *Management*. Pearson Education.
8. Bruce, A., Buck, T., & Main, B. G. (2005). Top executive remuneration: A view from Europe. *Journal of Management Studies*, 42(7), 1493-1506.
9. Bykanova, N. I., Gordya, D. V., & Evdokimov, D. V. (2020). *Trends and patterns of the banking sector digitalization process*.
10. Holmýminov, SH. (2020). Kishlok mekhnat bozorining shakllanishi va rivozhlanishi hamda ularni modellashtirish. *Arhiv nauchnyh issledovaniy*, (30).
11. Höschle, H., De Jonghe, C., Le Cadre, H., & Belmans, R. (2017). Electricity markets for energy, flexibility and availability—Impact of capacity mechanisms on the remuneration of generation technologies. *Energy Economics*, 66, 372-383.
12. Hudajberdiev, Z. R. (2018). Mexnat bozorining ob'ekti hususida ilmiy yondashuvlar, gipoteza va hulosalari. *Ekonomika i finansy* (Uzbekistan), (12).
13. Hunter, L. C., Reid, G. L., & Boddy, D. (2018). *Labour problems of technological change* (Vol. 8). Routledge.
14. Hussein, H. (n.d.). *The Impact of Financial Technology on Financial Inclusion: The Case of Egypt*.
15. Imfeld-Isenegger, T. L., Soares, I. B., Makovec, U. N., Horvat, N., Kos, M., van Mil, F., ... & Hersberger, K. E. (2020). Community pharmacist-led medication review procedures across Europe: Characterization, implementation and remuneration. *Research in Social and Administrative Pharmacy*, 16(8), 1057-1066.
16. Iu, M. D., Selishcheva, T. A., Diatlov, S. A., Lomakina, I. B., & Borkova, E. A. (2018). Regional supply chain structure and centralization of the economy of Russia. *International journal of supply chain management*, 7(6), 684-692.
17. Ivanovich, K. K. (2020). About some questions of classification of institutional conditions determining the structure of doing business in Uzbekistan. *South Asian Journal of Marketing & Management Research*, 10(5), 17-28. Doi: <https://doi.org/10.5958/2249-877X.2020.00029.6>
18. Karimullin, A. (2021). Economic levers to stimulate the competitiveness of products. *Forum molodyh uchenyh*, No 9(61), pp. 3-9.
19. Kessler, I. (2009). *Remuneration systems. Managing Human Resources: Personnel Management in Transition*. Oxford: Blackwell Publishing, 317-345.
20. Kim, E. R. (2017). Problema material'nogo stimulirovaniya na osnove klyuchevykh pokazatelej effektivnosti. *Academy*, 11 (26).
21. Kurpayanidi K. Aktual'nye voprosy cifrovizatsii v industrial'nom sektore ekonomiki Uzbekistana *OII.*, №4/S. <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-tsifrovizatsii-v-industrialnom-sektore-ekonomiki-uzbekistana>

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIIHQ (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

22. Kurpayanidi, K. (2021). Aktual'nye voprosy cifrovizatsii v industrial'nom sektore ekonomiki Uzbekistana. *OII.*, №4/S. <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-tsifrovizatsii-v-industrialnom-sektore-ekonomiki-uzbekistana>
23. Kurpayanidi, K. (2021). Modern Concepts and Models of Entrepreneurship Development. *Bulletin of Science and Practice*, 7(9), 425-444. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/70/40>
24. Kurpayanidi, K. (2021). *National innovation system as a key factor in the sustainable development of the economy of Uzbekistan*. Published online: 20 May 2021. Doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202125805026>
25. Kurpayanidi, K. (2021). Aktual'nye voprosy cifrovizatsii v industrial'nom sektore jekonomiki Uzbekistana. *Obshchestvo i innovatsii*, 2(4/S), 201–212. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss4/S-pp201-212>
26. Kurpayanidi, K. I. (2017). "Doing Business 2017: Equal Opportunities for All" as a Driver of Entrepreneurial Environment Regulation. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 16(3 (462)).
27. Kurpayanidi, K. I. (2018). K voprosam ocenki effektivnosti predprinimatel'stva v rejtinge Forbes «Luchshie strany dlya biznesa» (na materialah Respubliki Uzbekistan). *Byulleten' nauki i praktiki*, T. 4, №3, pp. 193-202. Doi: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1198710>
28. Kurpayanidi, K. I. (2018). K voprosam ocenki effektivnosti predprinimatel'stva v rejtinge Forbes «Luchshie strany dlya biznesa» (na materialah Respubliki Uzbekistan). *Byulleten' nauki i praktiki*, T. 4, №3, pp. 193-202. Doi: <https://doi.org/10.5281/zenodo.1198710>
29. Kurpayanidi, K. I. (2018). Questions of classification of institutional conditions, determining the structure of business management in Uzbekistan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 9(65), 1.
30. Kurpayanidi, K. I. (2019). Theoretical basis of management of innovative activity of industrial corporation. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (69), 7-14. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2019.01.69.3>
31. Kurpayanidi, K. I. (2020). Actual problems of implementation of investment industrial entrepreneurial potential. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (81), 301-307. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.01.81.54>
32. Kurpayanidi, K. I. (2020). Corporate industry analysis of the effectiveness of entrepreneurship subjects in the conditions of innovative activity. *Jekonomika i biznes: teorija i praktika*, (2-1).
33. Kurpayanidi, K. I. (2020). On the problem of macroeconomic analysis and forecasting of the economy. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 03 (83), 1-6. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.03.83.1>
34. Kurpayanidi, K. I. (2020). To the problem of doing business in the conditions of the digital economy. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 09 (89), 1-7. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.09.89.1>
35. Kurpayanidi, K. I. (2021). Financial and economic mechanism and its role in the development of entrepreneurship. *Theoretical & Applied Science*, (1), 1-7. <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.1>
36. Kurpayanidi, K. I. (2021). Sovremennye koncepcii i modeli razvitiya predprinimatel'stva. *Byulleten' nauki i praktiki*, 7(9).
37. Kurpayanidi, K. I. (2021). Sovremennye koncepcii i modeli razvitiya predprinimatel'stva. *Byulleten' nauki i praktiki*, 7(9).
38. Kurpayanidi, K. I. (2021). The evolution of scientific and theoretical ideas about entrepreneurship. *Logistics and economics. Scientific electronic journal*, 3, 178-185.
39. Kurpayanidi, K. I. (2021). The institutional environment of small business: opportunities and limitations. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 09 (101), 1-9. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.09.101.1>
40. Kurpayanidi, K. I., & Abdullaev, A. M. (2020). *Aktual'nye voprosy innovatsionnoj strategii razvitiya territorij Uzbekistana*. Finansovo-pravovye i innovatsionnye aspekty investirovaniya ekonomiki regiona: Sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva-Fergana, 27 maya 2020 goda. (pp.166-171). Moskva-Fergana: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Rusajns".
41. Kurpayanidi, K. I., & Ashurov, M. S. (2020). *COVID-19 pandemic sharoitida tadbirkorlik va uni rivozhlantirish masalalari: nazaria va amaliyot*. Monograph. GlobeEdit Academic Publishing. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4046090>
42. Kurpayanidi, K. I., & Mukhsinova, S. O. (2021). The problem of optimal distribution of economic resources. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 01 (93), 14-22. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2021.01.93.3>
43. Kurpayanidi, K., & Abdullaev, A. (2021). *Covid-19 pandemic in central Asia: policy and environmental implications and responses for SMES support in Uzbekistan*. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 258, p. 05027). EDP Sciences.
44. Kurpayanidi, K., Abdullaev, A., & Muhsinova, Sh. (2021). Analysis of the macroeconomic policy of the Republic of Uzbekistan. *Obshchestvo i innovatsii*, 2(6/S), 248-252.

Impact Factor:

ISRA (India) = **6.317**
ISI (Dubai, UAE) = **1.582**
GIF (Australia) = **0.564**
JIF = **1.500**

SIS (USA) = **0.912**
PIHIQ (Russia) = **3.939**
ESJI (KZ) = **9.035**
SJIF (Morocco) = **7.184**

ICV (Poland) = **6.630**
PIF (India) = **1.940**
IBI (India) = **4.260**
OAJI (USA) = **0.350**

45. Kurpayanidi, K.I. (2018). Questions of classification of institutional conditions, determining the structure of business management in Uzbekistan. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 09 (65): 1-8. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.09.65.1>
46. Kurpayanidi, K.I. (2018). The typology of factors of increasing the innovative activity of enterprise entrepreneurs in the industry. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 10 (66), 1-11. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2018.10.66.1>
47. Kurpayanidi, K.I. (2020). Corporate industry analysis of the effectiveness of entrepreneurship subjects in the conditions of innovative activity. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika - Journal of Economy and Business*, 2-1, pp.164-166. Doi: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10111>
48. Kurpayanidi, K.I. (2020). Some issues of macroeconomic analysis and forecasting of the economy of Uzbekistan. *Iqtisodiyot va innovatsion texnologiyalar. Ilmiy elektron jurnali.*, 2, mart-aprel, pp.100-108.
49. Kurpayanidi, K.I. (2021). Sovremennyye koncepcii i modeli razvitiya predprinimatel'stva. *Byulleten' nauki i praktiki*, 7(9).
50. Kurpayanidi, K.I. (2021). Sozdanie malykh predpriyatij: samorazvitie ili integratsionnoe razvitie, kakoj put' vybirayut strany mira. *Problemy sovremennoj ekonomiki*, 3.
51. Kurpayanidi, K.I. (2021). Sozdanie malykh predpriyatij: samorazvitie ili integratsionnoe razvitie, kakoj put' vybirayut strany mira. *Problemy sovremennoj ekonomiki*, 3.
52. Kurpayanidi, K.I., (2020). Corporate industry analysis of the effectiveness of entrepreneurship subjects in the conditions of innovative activity. *Journal of Economy and Business*, 2-1, pp.164-166. Doi: <https://doi.org/10.24411/2411-0450-2020-10111>
53. Kvasha, N. V., Demidenko, D. S., & Voroshin, E. A. (2017). *Transformatsiya modeli industrial'nogo razvitiya v usloviyah cifrovizatsii jekonomiki*. In *Tendencii razvitiya jekonomiki i promyshlennosti v usloviyah cifrovizatsii* (pp. 93-116).
54. Kvasha, N. V., Demidenko, D. S., & Voroshin, E. A. (2017). *Transformatsiya modeli industrial'nogo razvitiya v usloviyah cifrovizatsii ekonomiki*. In *Tendencii razvitiya ekonomiki i promyshlennosti v usloviyah cifrovizatsii* (pp. 93-116).
55. Litvishko, O., Beketova, K., Akimova, B., Azhmukhamedova, A., & Islyam, G. (2020). *Impact of the digital economy on the banking sector*. In *E3S Web of Conferences* (Vol. 159, p. 04033). EDP Sciences.
56. Lukin, V. A., Evseeva, S. A., & Esenzhulova, L. S. (2003). *Organizatsiya, normirovanie i oplata truda na promyshlennykh predpriyatiyakh. uchebnoe posobie dlya samostoyatel'noy raboty dlya studentov special'nosti, 60800*.
57. Mahmudova, G. N. (2021). *Prioritetnyye napravleniya razvitiya cifrovoy ekosistemy v Uzbekistane*. *Cifrovaya ekonomika, umnyye innovatsii i tekhnologii: Sbornik trudov Nacional'noj (Vserossiyskoj) nauchno-prakticheskoy konferentsii s zarubezhnykh uchastiem, Sankt-Peterburg, 18–20 aprelya 2021 goda.* – Sankt-Peterburg: Politekh-Press, 2021. – S. 337-341. – DOI 10.18720/IEP/2021.1/106.
58. Mamatova, Z. M., Nishonov, F.M., et al. (2019). To the question of science approach to the construction of outsourcing business model of modern enterprise structure. *Dostizheniya nauki I obrazovaniya*, 7 (48). <https://cyberleninka.ru/article/n/to-the-question-of-science-approach-to-the-construction-of-outsourcing-business-model-of-modern-enterprise-structure>
59. Mamurov, D. (2019). Osobennosti podderzhki innovatsionnoy dejatel'nosti: zarubezhnyy opyt i praktika dlja Uzbekistana. *Bulleten' nauki i praktiki*, 5 (11), 255-261. Doi: <https://doi.org/10.33619/2414-2948/48/29>
60. Mamurov, D. (2021). Innovatsionnaya sistema predpriyatiya kak osnova modernizatsii sovremennoj promyshlennoy korporatsii. *Obshchestvo i innovatsii*, 2(4/S), 322–328. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss4/S-pp322-328>
61. Mamurov, D. (2021). Innovatsionnaya sistema predpriyatiya kak osnova modernizatsii sovremennoj promyshlennoy korporatsii. *Obshchestvo i innovatsii*, 2(4/S), 322–328. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol2-iss4/S-pp322-328>
62. Margianti, E. S., Ikramov, M. A., Abdullaev, A. M., & Kurpayanidi, K. I. (2020). *Role of goal orientation as a predictor of social capital: Practical suggestions for the development of team cohesiveness in SME's*. Monograph. Gunadarma Publisher, Indonesia. Doi: <http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.2.28953.44641>
63. Mashkina, N. A., & Veliev, A. E. (2020). Influence of the digital economy on the development of the transport industry in the world. *TsITISE*, 1(20), 290-299.
64. Mekinjić, B. (2019). The impact of industry 4.0 on the transformation of the banking sector. *Journal of contemporary economics*, 1(1).
65. Mohamed, M. (2018). Challenges and benefits of Industry 4.0: an overview. *International Journal of Supply and Operations Management*, 5(3), 256-265.

Impact Factor:

ISRA (India) = 6.317
ISI (Dubai, UAE) = 1.582
GIF (Australia) = 0.564
JIF = 1.500

SIS (USA) = 0.912
PIHII (Russia) = 3.939
ESJI (KZ) = 9.035
SJIF (Morocco) = 7.184

ICV (Poland) = 6.630
PIF (India) = 1.940
IBI (India) = 4.260
OAJI (USA) = 0.350

66. (2021). *Most Valuable Companies in the World – 2021*. Retrieved from <https://fxssi.com/top-10-most-valuable-companies-in-the-world>
67. Moşteanu, N. R., Faccia, A., & Cavaliere, L. P. L. (2020, August). *Digitalization and green economy-changes of business perspectives*. In Proceedings of the 2020 4th International Conference on Cloud and Big Data Computing (pp. 108-112).
68. Mourshoudli, F., Bykanova, N., & Evdokimov, D. (2020). *Digitalization Of The Banking Environment: Formation Of Effective Bank Ecosystems*. Economic and Social Development: Book of Proceedings, 905-914.
69. Muminova, E., Honkeldiyeva, G., Kurpayanidi, K., Akhunova, S., & Hamdamova, S. (2020). *Features of Introducing Blockchain Technology in Digital Economy Developing Conditions in Uzbekistan*. In E3S Web of Conferences (Vol. 159, p. 04023). EDP Sciences. DOI: 10.1051/e3sconf/202015904023
70. Muminova, E.A. (2020). Iqtisodiyotni rakamlashtirishda fintex texnologiyalar va ularni zhorij etishning horizhij tazhibasi. *Iqtisodiyot va innovacion texnologiyalar*, 5, 303-310 p.
71. Muminova, E.A., & Kurpayanidi, K. I. (2019). *Voprosy ocenki predprinimatel'skoj sredy dlya uspehnogo vedeniya biznesa. Fundamental'nye osnovy innovacionnogo razvitiya nauki i obrazovaniya : monografiya*. (pp.28-41). Penza: "Nauka i Prosveshchenie".
72. Nayak, R. (2018). A conceptual study on digitalization of banking-issues and challenges in rural India. *International Journal of management, IT and Engineering*, 8(6), 186-191.
73. Nishonov, F. M., & Tolibov, I. Sh. u. (2019). Konkurenciya - klyuchevaya kategoriya rynochnyh otnoshenij. *Nauchnyj zhurnal*, № 7(41), pp. 74-76.
74. Ohmans, J. L., & Rezler, J. (1970). Women Workers: Protection or Equality? Raymond Munts and David C. Rice The Income-Maintenance Objective in Workmen's Monroe Berkowitz Compensation and John F. Burton, Jr. The Workmen's Compensation and Pension Proposal. *Industrial and Labor Relations Review*, 24(1).
75. Simões, A., Ferreira, F., Castro, H., Senna, P., Silva, D., & Dalmarco, G. (2021, July). *Adoption of digital technologies during the COVID-19 pandemic: Lessons learned from collaborative Academia-Industry R&D case studies*. In 2021 IEEE 19th International Conference on Industrial Informatics (INDIN) (pp. 1-7). IEEE.
76. Spisakova, E. D. (2019). Position of employee benefits in remuneration structure. *Transformations in Business & Economics*, 18(2), 47.
77. Tkach, D. V., et al. (2020). Some questions about the impact of the COVID-19 pandemic on the development of business entities. *ISJ Theoretical & Applied Science*, 11 (91), 1-4. Doi: <https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.11.91.1>
78. Tolibov, I. SH. (2019). K voprosu ocenki sostoyaniya i effektivnosti infrastruktury predprinimatel'stva v regionah Uzbekistana. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, (1).
79. (2020). *Trudovoj kodeks Respubliki Uzbekistan*. Tashkent, Adolat, 2020. Glava IX.
80. Tsoy, D., Tirasawasdichai, T., & et al. (2021). Role of Social Media in Shaping Public Risk Perception during COVID-19 Pandemic: A Theoretical Review. *International Journal of Management Science and Business Administration*, 7(2), 35-41.
81. Ul'yanova, V. S., & Lobanova, E. E. (2018). Metodika KPI kak osnova sovershenstvovaniya motivacii personala v usloviyah formirovaniya strategii razvitiya torgovogo predpriyatiya. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki*, 3(4 (14)).
82. Vaganova, O. V., Bykanova, N. I., Mityushina, I. L., Mohanad, A. S., & Salim, R. (2019). *Introduction of the latest digital technologies in the banking sector: foreign experience and Russian practice*.
83. Vasin, S., Gamidullaeva, L., Shkarupeta, E., Finogeev, A., & Palatkin, I. (2018). *Emerging trends and opportunities for industry 4.0 development in Russia*.
84. Wang, M., Wang, C. C., Sepasgozar, S., & Zlatanova, S. (2020). A systematic review of digital technology adoption in off-site construction: Current status and future direction towards industry 4.0. *Buildings*, 10(11), 204.
85. Zaharov, A. N. (2014). Zarubezhnyj opyt motivacii i oplaty truda. *Vestnik NGIEI*, (9 (40)).
86. Zhulina, E. G., & Ivanova, N. A. (2007). Evropejskie sistemy oplaty truda. *Upravlenie personalom*, 52(978-5), 9563.

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Contents

	p.
70. Abdullayev, J. M. Formation of classical and quantum statistical representations in teaching physics.	701-705
71. Zokirov, M. T. To typology of language situations.	706-710
72. Xaydarova, D. Lingua culturology is an object of language and culture.	711-714
73. Khatamov, I. U. Professional Communication.	715-717
74. Ulugboboyeva, M. M., & Xoshimov, J. V. Problems in the Manufacture of Garments in the Knitwear Industry.	718-720
75. Aripov, O. A., Kamalov, A., & Yakubbaev, J. H. Problems in the organization of small business and private entrepreneurship in the industrial sector.	721-725
76. Uralov, N. B., Turaev, H. Kh., Eshkarayev, S. Ch., & Eshqorayev, S.S. Analysis of graphene properties, production and application.	726-728
77. Kurbanbayeva, B. R. The features of the use of phraseologies related to the northern dialect of the Karakalpak language.	729-734
78. Abdukhalilov, A. Analysis of sociological conceptions of the phenomenon of disability.	735-746
79. Akmatova, A. T. Investigation technique of road crimes.	747-753
80. Yuldashev, N. T. Interpretation of traditional images in Chulpon poetry.	754-758
81. Goldade, V., Kovalenko, M., & Zotov, S. Electret charge in nanocomposites based on polyethylene.	759-765
82. Lagay, E. Teaching taking notes as a type of speech activity to philology students.	766-770
83. Khoshimov, G. M., Ergasheva, G. I., Khoshimov, M. G., & Khoshimov, A. G. Typological study of hypotaxems with an adverbial finality component in multi-system languages.	771-783
84. Gafurova, F. S. Issues of wage transformation in the modern economy.	784-791

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Scientific publication

«ISJ Theoretical & Applied Science, USA» - Международный научный журнал зарегистрированный во Франции, и выходящий в электронном и печатном формате. **Препринт** журнала публикуется на сайте по мере поступления статей.

Все поданные авторами статьи в течении 1-го дня размещаются на сайте <http://T-Science.org>.

Печатный экземпляр рассылается авторам в течение 3 дней после 30 числа каждого месяца.

Импакт фактор журнала

Impact Factor	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Impact Factor JIF		1.500							
Impact Factor ISRA (India)		1.344				3.117	4.971		6.317
Impact Factor ISI (Dubai, UAE) based on International Citation Report (ICR)	0.307	0.829							1.582
Impact Factor GIF (Australia)	0.356	0.453	0.564						
Impact Factor SIS (USA)	0.438	0.912							
Impact Factor ПИИЦ (Russia)		0.179	0.224	0.207	0.156	0.126		3.939	
Impact Factor ESJI (KZ) based on Eurasian Citation Report (ECR)		1.042	1.950	3.860	4.102	6.015	8.716	8.997	9.035
Impact Factor SJIF (Morocco)		2.031				5.667			7.184
Impact Factor ICV (Poland)		6.630							
Impact Factor PIF (India)		1.619	1.940						
Impact Factor IBI (India)			4.260						
Impact Factor OAJI (USA)						0.350			

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

INDEXING METADATA OF ARTICLES IN SCIENTOMETRIC BASES:

International Scientific Indexing ISI (Dubai, UAE)
<http://isindexing.com/isi/journaldetails.php?id=327>

Research Bible (Japan)
<http://journalseeker.researchbib.com/?action=viewJournalDetails&issn=23084944&uid=rd1775>

ПИИЦ (Russia)
<http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1246197>

Türk Egitim Indeksi (Turkey)
<http://www.turkegitimindeksi.com/Journals.aspx?ID=149>

DOI (USA)
<http://www.doi.org>

Open Academic Journals Index (Russia)
<http://oaji.net/journal-detail.html?number=679>

Japan Link Center (Japan) <https://japanlinkcenter.org>

Kudos Innovations, Ltd. (USA)
<https://www.growkudos.com>

Cl.An. // THOMSON REUTERS, EndNote (USA)
<https://www.myendnoteweb.com/EndNoteWeb.html>

Scientific Object Identifier (SOI)
<http://s-o-i.org/>

Google Scholar (USA)
http://scholar.google.ru/scholar?q=Theoretical+science.org&btnG=&hl=ru&as_sdt=0%2C5

Directory of abstract indexing for Journals
<http://www.daij.org/journal-detail.php?jid=94>

CrossRef (USA)
<http://doi.crossref.org>

Collective IP (USA)
<https://www.collectiveip.com/>

PFTS Europe/Rebus:list (United Kingdom)
<http://www.rebuslist.com>

Korean Federation of Science and Technology Societies (Korea)
<http://www.kofst.or.kr>

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

AcademicKeys (Connecticut, USA)
http://sciences.academickeys.com/jour_main.php

Cl.An. // THOMSON REUTERS, ResearcherID (USA)
<http://www.researcherid.com/rid/N-7988-2013>

RedLink (Canada)
<https://www.redlink.com/>

TDNet
 Library & Information Center Solutions (USA)
<http://www.tdnet.io/>

RefME (USA & UK)
<https://www.refme.com>

Sherpa Romeo (United Kingdom)
<http://www.sherpa.ac.uk/romeo/search.php?source=journal&sourceid=28772>

Cl.An. // THOMSON REUTERS, ORCID (USA)
<http://orcid.org/0000-0002-7689-4157>

Yewno (USA & UK)
<http://yewno.com/>

Stratified Medical Ltd. (London, United Kingdom)
<http://www.stratifiedmedical.com/>

THE SCIENTIFIC JOURNAL IS INDEXED IN SCIENTOMETRIC BASES:

Advanced Sciences Index (Germany)
<http://journal-index.org/>

Global Impact Factor (Australia)
<http://globalimpactfactor.com/?type=issn&s=2308-4944&submit=Submit>

SCIENTIFIC INDEXING SERVICE (USA)
<http://sindexs.org/JournalList.aspx?ID=202>

International Society for Research Activity (India)
<http://www.israjif.org/single.php?did=2308-4944>

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИИ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

CiteFactor (USA) Directory Indexing of International Research Journals
<http://www.citefactor.org/journal/index/11362/theoretical-applied-science>

International Institute of Organized Research (India)
<http://www.i2or.com/indexed-journals.html>

JIFACTOR

JIFACTOR
http://www.jifactor.org/journal_view.php?journal_id=2073

Journal Index
<http://journalindex.net/?qi=Theoretical+%26+Applied+Science>

Eurasian Scientific Journal Index (Kazakhstan)
<http://esjindex.org/search.php?id=1>

Open Access Journals
<http://www.oajournals.info/>

SJIF Impact Factor (Morocco)
<http://sjifactor.inno-space.net/passport.php?id=18062>

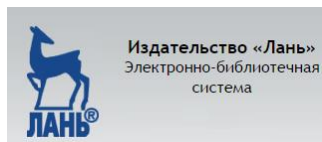
Indian citation index (India)
<http://www.indiancitationindex.com/>

InfoBase Index (India)
<http://infobaseindex.com>

Index Copernicus International (Warsaw, Poland)
<http://journals.indexcopernicus.com/masterlist.php?q=2308-4944>

Электронно-библиотечная система «Издательства «Лань» (Russia)
<http://e.lanbook.com/journal/>

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	ПИИЦ (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

International Academy of Theoretical & Applied Sciences - member of Publishers International Linking Association (USA) - international Association of leading active scientists from different countries. The main objective of the Academy is to organize and conduct research aimed at obtaining new knowledge contribute to technological, economic, social and cultural development.

Academy announces acceptance of documents for election as a member:
Correspondents and Academicians

Reception of documents is carried out till January 25, 2022.
 Documents you can send to the address T-Science@mail.ru marked "Election to the Academy members".

The list of documents provided for the election:

1. Curriculum vitae (photo, passport details, education, career, scientific activities, achievements)
2. List of publications
3. The list of articles published in the scientific journal [ISJ Theoretical & Applied Science](#)
 - * to correspondents is not less than 7 articles
 - * academics (degree required) - at least 20 articles.

Detailed information on the website <http://www.t-science.org/Academ.html>

Presidium of the Academy

International Academy of Theoretical & Applied Sciences - member of Publishers International Linking Association (USA) - международное объединение ведущих активных ученых с разных стран. Основной целью деятельности Академии является организация и проведение научных исследований, направленных на получение новых знаний способствующих технологическому, экономическому, социальному и культурному развитию.

Академия объявляет прием документов на избрание в свой состав:
Член-корреспондентов и Академиков

Прием документов осуществляется до 25.01.2022.
 Документы высылаются по адресу T-Science@mail.ru с пометкой "Избрание в состав Академии".

Список документов предоставляемых для избрания:

1. Автобиография (фото, паспортные данные, обучение, карьера, научная деятельность, достижения)
2. Список научных трудов
3. Список статей опубликованных в научном журнале [ISJ Theoretical & Applied Science](#)
 - * для член-корреспондентов - не менее 7 статей,
 - * для академиков (необходима ученая степень) - не менее 20 статей.

Подробная информация на сайте <http://www.t-science.org/Academ.html>

Presidium of the Academy

Impact Factor:	ISRA (India) = 6.317	SIS (USA) = 0.912	ICV (Poland) = 6.630
	ISI (Dubai, UAE) = 1.582	PIHII (Russia) = 3.939	PIF (India) = 1.940
	GIF (Australia) = 0.564	ESJI (KZ) = 9.035	IBI (India) = 4.260
	JIF = 1.500	SJIF (Morocco) = 7.184	OAJI (USA) = 0.350

Signed in print: 30.11.2021. Size 60x84 $\frac{1}{8}$

«Theoretical & Applied Science» (USA, Sweden, KZ)
Scientific publication, p.sh. 76.125. Edition of 90 copies.
<http://T-Science.org> E-mail: T-Science@mail.ru

Printed «Theoretical & Applied Science»